КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ТОМЪ XLVII.

1894 г.

ОКТЯБРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

1894 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.
1894.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 3 Октября 1894 года.

ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО[1].

Новыя лица—новыя событія.

Прошли каникулы. Холера въ мѣстечкѣ и его окрестностяхъ совершенно прекратилась. Распуганное стадо наше стало помаленьку собираться „до кошары“. Нѣкоторые и вовсе не вернулись, успокоившись на родномъ кладбищѣ на вѣки. Нашъ директоръ тоже не избѣжалъ холеры; значитъ, она и его не побоялась. Самъ Е. Я—чъ разсказывалъ очень эффектно о томъ, какую силу воли высказалъ онъ, заболѣвши „поносной болѣзнью“.

— Я призвалъ врача и говорю: что дѣлать, докторъ? Кровь, говоритъ, нужно бросить. Я въ ту-жъ минуту протягиваю руку (при этомъ онъ обнажалъ руку до локтя) и говорю: дѣлайте свое дѣло! Крови, совершенно чорной, вышла цѣлая тарелка. „Да, говорю, кровь дѣйствительно слѣдовало пустить“.

На мѣсто Я. О. Беккаревича, искренно оплаканнаго учениками, назначенъ, совершенно противъ желанія директора, мой старый наставникъ Іосифъ Акимовичъ Самчевскій. И захотѣлось же почтенному классику на старости лѣтъ добровольно обречь себя на каторгу, промѣнявъ сравнительно независимую должность учителя на инспекторство, да еще у такого директора, которому инспекторъ служитъ вмѣсто помела.

Появилось еще нѣсколько новыхъ личностей—люди молодые и, кажется, порядочные. И слава Богу! Авось мы сообща сколько-нибудь обуздаемъ произволъ и самодурство нашего

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № ,

премьера. Новые преподаватели своимъ болѣе гуманнымъ обхожденіемъ съ воспитанниками познакомятъ ихъ съ болѣе человѣчными отношеніями между старшими и низшими, чѣмъ въ какихъ находились они до сихъ поръ подъ ферулой З—го и компаніи.

Не стало Барилка и Юрка, географъ уѣхалъ въ Крымъ, Чунихинъ выслужилъ пенсію, умре и сквернословъ Чарнецкій. При новыхъ преподавателяхъ ученики время отъ времени замѣтно стали обнаруживать духъ критики къ нелѣпымъ требованіямъ начальства, какъ вьюны, увертывались они отъ іудиныхъ лобзаній директора; его любимцы-наушники стали отказываться отъ директорскаго чаю и конфектъ, за которыя ихъ больно поколачивали товарищи; шпіоны-надзиратели казнились всеобщимъ презрѣніемъ. Система З—каго пошатнулась въ своемъ основаніи, машина стала портиться....

На мѣсто директорской креатуры Барилки, выжимавшаго изъ учениковъ, за одно съ Юркомъ, рубли своей математикой и пожалованнаго за то въ инспекторы сперва Винницкой гимназіи, а потомъ лицея и гимназіи въ Нѣжинѣ,—на мѣсто его къ намъ поступилъ человѣкъ, не знавшій счету своимъ деньгамъ, счастливый игрокъ и bon vivant—Михайло Ивановичъ Мерцаловъ. Благодаря неумѣнью гр. Потоцкаго играть въ преферансъ, онъ жилъ открыто и даже роскошно: почти ежедневно онъ бралъ за науку отъ графа отъ 50 до 75 рублей. Этотъ замѣчательно способный, упрямый и чертовски хладнокровный математикъ умышленно бѣсилъ З—го, стараясь все дѣлать ему наперекоръ. Выговоры, получаемые имъ отъ директора, какъ строгіе, такъ и строжайшіе, не только не огорчали его, но доставляли нѣкоторое удовольствіе; онъ ими гордился, такъ какъ каждый изъ нихъ, по его словамъ, портилъ директору 5 фунтовъ крови.

На мѣсто Юрка поступилъ Чугаевичъ, а на мѣсто Ющенка—Теодоровичъ. Чунихина замѣнилъ весельчакъ Щитинскій, а Шастова—А. И. Стронинъ. Большая часть изъ нихъ были люди самостоятельные и честные, хорошіе товарищи и способные преподаватели. Какъ исключеніе между ними, былъ учитель

нѣмецкаго языка и надзиратель общей квартиры прусакъ Камбли. Этотъ проходимецъ-авантюристъ, какъ большая часть таковыхъ изъ нѣмцевъ, для которыхъ ubi bene, ibi patria, вѣрою и правдою служилъ турецкому султану, отъ котораго за усмиреніе Майнотовъ получилъ два ордена и, выйдя въ отставку, явился въ Немировъ къ нашему падишаху искать службы по министерству народнаго просвѣщенія. Обладая практическимъ знаніемъ языковъ нѣмецкаго, французскаго, турецкаго и ново-греческаго, а главное способный къ предательству и шпіонству, Камбли не могъ не приглянуться Е. Я—чу, который охотно принялъ его на службу въ свою гимназію, разсчитавъ заранѣе, какую пользу извлечетъ онъ изъ способностей этого *пройдысвита*. Прусакъ вполнѣ оправдалъ возлагаемыя на него надежды. Будучи отъ природы нрава веселаго и общительнаго, при склонности къ шутовству и буффонству, онъ сразу поставилъ себя на дружескую ногу съ новыми сослуживцами и все, что слышалъ отъ нихъ въ веселой компаніи, передавалъ своему патрону, чего сначала никто не подозрѣвалъ. Втершись въ семью гр. Потоцкаго, онъ-то и доносилъ З—му обо всемъ, что говорилось въ интимныхъ бесѣдахъ между гостями графа. Его же предательству Мерцаловъ обязанъ ежедневными выговорами директора за неисправности по надзирательской должности въ общей квартирѣ, а Чугаевичъ ссылкою въ Кобеляки приходскимъ учителемъ...

Но времена перемѣнились. Обаяніе директорской власти исчезло. Видя, что авторитетъ его утраченъ, что макіавеллевское правило „divide et impera“, практиковавшееся прежде съ такимъ успѣхомъ, при новомъ составѣ преподавателей, совершенно стало непримѣнимымъ, З—кой всею силой своей жестокости обрушился на инспектора Самчевскаго, который, по свойству своихъ обязанностей и по своимъ личнымъ качествамъ, не могъ дать ему должнаго отпора и дѣйствовать самостоятельно.

Къ сожалѣнію, почтенный наставникъ мой Іосифъ Акимовичъ, извѣстный уже намъ изъ прежнихъ очерковъ, какъ отличный преподаватель латинскаго языка, оказался плохимъ инспекторомъ.

Прослуживъ 25 лѣтъ въ должности учителя, частію въ Черниговской семинаріи, частію въ Новгородъ-сѣверской гимназіи, вовсе незнакомый съ характеромъ западныхъ гимназій и находившихся при нихъ общихъ квартиръ, съ ихъ казарменными порядками, да встрѣтивъ, въ добавокъ ко всему этому, въ начальникѣ не руководителя, не совѣтника, а лютаго гонителя и обидчика,—бѣдняга Осипъ Акимовичъ оказался совершенно несостоятельнымъ. Чѣмъ больше онъ суетился и хлопоталъ, тѣмъ больше дѣлалъ промаховъ. Неровность его обращенія съ учениками, то крикливаго и сердитаго, то не въ мѣру ласковаго и заискивающаго, лишила дѣтей уваженія къ нему и должной субординаціи. Угнетеніе, претерпѣваемое имъ отъ директора, и происходившая оттого запуганность и суетливость, при его маленькомъ ростѣ, возбуждали въ ученикахъ смѣхъ и злорадство: сей возрастъ жалости не знаетъ! Уже по одной кличкѣ, придуманной ими новому инспектóру, можно судить о томъ, какъ недоброжелательно и зло они къ нему относились: на стѣнахъ коридора и въ отхожихъ мѣстахъ, рядомъ съ „директоромъ Югуртой“, красовалась надпись: „инспекторъ Тиверій Горобецъ“! (намекъ на его маленькій ростъ и напускную жестокость при расправѣ съ шалунами и лѣнтяями).

При такихъ условіяхъ своей немировской службы, Осипъ Акимовичъ сдѣлался настоящимъ мученикомъ. То удовольствіе, какимъ онъ могъ бы отчасти усладить свое горе и забыться на досугѣ отъ огорченій,—любимое имъ до страсти церковное пѣніе—въ Немировѣ для него не существовало. Желая хоть сколько-нибудь удовлетворить этой страсти, онъ по вечерамъ приглашалъ къ себѣ приходскаго дьячка и распѣвалъ съ нимъ Бортнянскаго до полуночи. Идешь бывало мимо его квартиры, возвращаясь домой отъ Грузинскаго, и невольно остановишься послушать, какъ заливается дьячокъ своимъ раздирательнымъ фальцетомъ подъ дребезжащую октаву инспектора: „тамо сѣдохомъ и плакахомъ, внегда помянути намъ Сіона“. Магистръ петербургской духовной академіи, товарищъ протопресвитера Бажанова и покойнаго митрополита Арсенія, глубокій знатокъ духовнаго пѣнія долженъ былъ довольствоваться обществомъ

дьячка и его козинымъ голосомъ. А то бывало сидитъ одинъ-одинешенекъ въ своей квартирѣ, думаетъ-думаетъ, и страшно станетъ ему одиночество; накидываетъ наскоро на халатъ шинель, да такъ и придетъ ко мнѣ подъ двери. Я уже лежу въ постели, читаю на сонъ грядущій какой-нибудь журналъ. Слышится робкій стукъ.

„Кто тамъ?—„Это я! впустите, землякъ“, умоляющимъ голосомъ отвѣчаетъ инспекторъ. Отворяю дверь... „Извините, землякъ, что я такъ поздно безпокою васъ. Ложитесь, пожалуйста, въ постель, а я тутъ посижу подлѣ васъ и хоть немного отведу душу отъ смертной тоски“.

Затѣмъ сядетъ въ кресло и начнетъ выливать свои жалобы на лютаго обидчика З—кого.

— Что онъ со мной дѣлаетъ, негодный,—уму не постижимо! За малѣйшую неисправность надзирателя или эконома, онъ заставляетъ меня дежурить по цѣлымъ днямъ въ общей квартирѣ, сидѣть въ кухнѣ съ прислугой, стирать надписи въ отхожихъ мѣстахъ—и чего-чего не выдумываетъ этотъ дьяволъ, чтобы досадить мнѣ! Просто, землякъ, мнѣ житья нѣтъ отъ этого бездѣльника!

— Вольно же вамъ, дорогой Іосифъ Акимовичъ, подчиняться всѣмъ его нелѣпымъ требованіямъ. Онъ потому и ѣздитъ на васъ, что вы не даете ему отпора. Вы бы когда-нибудь огрызнулись.

— А въ самомъ дѣлѣ, что онъ позволяетъ себѣ глумиться надо мною?—начинаетъ храбриться мой наставникъ, выпивъ стаканчикъ сливянки: я не помело какое-нибудь—я инспекторъ! Что ты надо мной смѣешься?... окончательно входитъ въ азартъ инспекторъ, глядя въ пустое пространство и воображая передъ собою своего заклятаго врага: смѣется, бездѣльникъ, что я не умѣю дѣлать того, что онъ приказываетъ? все это ниже моихъ понятій, да! А ну, какъ я тебѣ задамъ вопросъ: знаешь ли ты по-гречески?

— Конечно, не знаетъ ни бельмеса ни по-гречески, ни по-латыни!—подзадариваю я гостя: вы его, Осипъ Акимовичъ, хорошенько проберите, а то онъ слишкомъ ужъ зазнался.

— Да, я ему скажу: какъ ты смѣешь? Я—инспекторъ, а не помело. Со мной нельзя такъ обращаться—я не позволю!

Просидѣвъ такимъ образомъ у моей кровати часа два и выругавшись до-сыта, наставникъ мой уходитъ домой ободренный и успокоенный.

— Спасибо, землякъ, вы мнѣ душу отвели, говорилъ онъ на прощанье.

Разъ утромъ, идучи на службу, зашелъ ко мнѣ инспекторъ и объявилъ, что онъ, наконецъ, рѣшился дать отпоръ З—ому при первомъ же его нападеніи. Заинтересованный этой любопытной стычкой и придумавъ благовидный предлогъ, я пошелъ вмѣстѣ съ нимъ къ директору. Наставникъ мой, вижу, держитъ себя съ достоинствомъ, на лицѣ видна рѣшимость.

— Е. Я-чъ!—обратился онъ довольно развязно къ директору—нѣкоторые родители учениковъ желаютъ взять съ собой въ театръ дѣтей: можно ли ученику дозволить быть въ театрѣ съ отцомъ?

— И съ дѣдомъ нельзя! отвѣчаетъ благодушно директоръ.

— Слышите, слышите, землякъ! говоритъ: съ дѣдомъ—обратился онъ ко мнѣ по выходѣ директора въ другую комнату, какъ бы ища во мнѣ поддержки. Но я только руками развелъ и удалился, не дождавшись на сей разъ никакой стычки. За мной вышелъ и инспекторъ.

— Осипъ Акимовичъ! окликнулъ его въ догонку директоръ, когда мы были уже въ сѣняхъ: а табакерку не забыли? Вы опять уйдете изъ гимназіи за табакеркой.

Наставникъ мой нюхалъ табакъ и, потерявши голову отъ вѣчной суеты, часто терялъ табакерку. Директоръ постоянно трунилъ надъ нимъ за это.

Между тѣмъ терроръ директорскаго режима достигъ своего апогея и неминуемо долженъ былъ привести къ катастрофѣ. Дерзкая выходка [1]) противъ директора со стороны одного изъ учениковъ послужила поводомъ къ тому, что ученики не хотѣли признавать больше никакихъ властей. Инспекторъ же расте-

[1]) Подробности см. „Кіев. Стар." Іюнь стр. 425—431.

рялся окончательно. Преподаватели, не допускаемые до сихъ поръ ко вмѣшательству въ распоряженія администраціи относительно дисциплины, ограничивая свою дѣятельность отбываніемъ однихъ уроковъ,—не могли, конечно, измѣнить вдругъ свой обычный образъ дѣйствія, чтобы возстановить въ заведеніи порядокъ и спасти дѣтей отъ деморализаціи. Время было тревожное, все перевернулось вверхъ дномъ...

Вотъ къ чему привела нелѣпая система единоличнаго управленія гимназіей, вотъ послѣдствія примѣненія къ педагогіи государственнаго принципа Людовика XIV: l'état c'est moi!

Спустя часъ послѣ своего пораженія и постыднаго бѣгства изъ общей квартиры, Е. Я-чъ посылаетъ за инспекторомъ:

— Подайте, говоритъ, мнѣ рапортъ о случившемся.

Іосифъ Акимовичъ вытаращилъ глаза. Онъ никакъ не ожидалъ услышать о такомъ щекотливомъ порученіи. Прямо отъ директора онъ прибѣжалъ ко мнѣ за совѣтомъ, какъ ему писать рапортъ?

— Пишите, говорю, такъ; и я началъ ему диктовать проэктъ рапорта, не стѣсняясь въ выраженіяхъ.

— Да неужели же я долженъ въ такомъ родѣ подать рапортъ?

— А то какъ же? Вы, какъ очевидецъ, обязаны, по совѣсти, написать то, что было, коли отъ Васъ того требуютъ. Впрочемъ, мое дѣло сторона, дѣлайте, какъ знаете.

Смягчивъ, по возможности, нѣкоторыя жесткія выраженія въ рапортѣ моей редакціи, наставникъ мой понесъ свое курьезное донесеніе г. директору, который, передѣлавъ его опять по своему, заставилъ инспектора подписать. Документъ сей въ подлинникѣ отправленъ того же числа въ округъ.

Назначено было слѣдствіе. Пріѣхалъ въ Немировъ депутатъ отъ учебнаго вѣдомства, директоръ 1-й гимназіи Любимовъ, а изъ министерства командированъ Балабинъ. Виновнаго, въ присутствіи учениковъ и весьма немногихъ учителей, наказали розгами и отдали въ барабанщики въ оренбургскій баталіонъ. Директоръ же Зимовскій, вопреки ожиданіямъ и надеждамъ многихъ, оставленъ былъ на своемъ посту.

Въ концѣ года Е. Я—чу „за отличіе“ пожалованъ орденъ Анны 2-й степени: fiat justitia—pereat mundus.

Испытавъ въ чужомъ пиру похмелье, не будучи никогда пьянъ, Іосифъ Акимовичъ дождался, наконецъ, исполненія своихъ пламенныхъ желаній: въ іюнѣ 1849 года получена бумага о его перемѣщеніи на родину—въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію. Получивъ на прощаніе нѣсколько замѣчаній и выговоровъ, при сдачѣ должности А. Н. Дельсалю, онъ быстро собрался въ дорогу и, какъ школьникъ, радовался своему освобожденію отъ работы вражіей. Восторгу его не было предѣловъ.

Въ часъ, назначенный для отъѣзда, въ квартиру его пришелъ и Е. Я—чъ и, когда счастливецъ сѣлъ уже въ почтовую телегу и, ухарски подбоченясь, крикнулъ ямщику: „пошелъ!“,—директоръ и тутъ не утерпѣлъ, чтобы не отравить отъѣзжающему это счастливое мгновеніе.

— А табакерку, Осипъ Акимовичъ, не позабыли?—крикнулъ онъ ему въ слѣдъ. Какое пожеланіе послалъ ему въ отвѣтъ уѣзжающій, нельзя было разслышать за почтовымъ колокольчикомъ.

Послѣдніе два года моей немировской службы.

Покойный митрополитъ Арсеній, будучи архіепископомъ Подольскимъ и Брацлавскимъ, очень благоволилъ къ нашему законоучителю А. В. Любомудрову, котораго онъ зналъ еще въ Орлѣ въ бытность свою ректоромъ семинаріи. При объѣздѣ епархіи онъ два раза останавливался въ его квартирѣ, гдѣ я имѣлъ случай познакомиться съ Владыкой. Но съ перемѣщеніемъ этого святителя въ Варшаву для нашего о. Александра все измѣнилось. На мѣсто епископа Арсенія назначенъ Ельпидефоръ, человѣкъ до крайней степени вспыльчивый... Сказанное у Добрынина (см. Русс. Старина) о сѣвскомъ епископѣ Кириллѣ Флоринскомъ, жившемъ въ половинѣ XVIII столѣтія, отчасти можно примѣнить къ преосвященному Ельпидефору, жившему въ половинѣ XIX в.

Этотъ-то архипастырь въ 1849 году былъ приглашенъ графомъ Потоцкимъ для освященія домашней церкви при дѣтскомъ пріютѣ въ с. Ковалевкѣ, въ трехъ верстахъ отъ мѣстечка. При первой же встрѣчѣ съ новымъ епископомъ, Любомудровъ почувствовалъ, что на него подулъ противный вѣтеръ. Во время освященія Ковалевской церкви нашъ законоучитель, какъ протоіерей и магистръ академіи, долженъ былъ первенствовать между сослужащими священниками. Хотя по требнику онъ и изучилъ „чинъ освященія храма“, но на практикѣ ему ни разу не случилось участвовать въ этомъ обрядѣ, а потому, какъ пришлось ему совершать его, онъ совершенно растерялся, при чемъ прочіе священники, хотя и опытные въ семъ дѣлѣ, не захотѣли выручить его. Нашъ протоіерей окончательно сконфузился. Отъ сильнаго волненія, при страшной іюльской жарѣ, съ нимъ случился ударъ, послѣ котораго онъ не прожилъ и года. На мою долю выпала печальная обязанность почтить память усопшаго надгробнымъ словомъ, а почтенный классикъ Артемій Аѳанасьевичъ оставилъ за собой неотъемлемое право составить эпитафію:

Почившій пастырь здѣсь средь дней преполовенья,
Стремился „всѣмъ вся быть“ для вѣчнаго спасенья.

На мѣсто покойнаго назначенъ преподаватель Каменецъ-Подольской семинаріи И. А. Зефировъ, весьма достойный человѣкъ.

Въ слѣдующій 1850 годъ неоскудѣвающими щедротами гр. Потоцкаго была окончена гимназическая домашняя церковь. За отсутствіемъ его сіятельства, директоръ самъ пригласилъ преосвященнаго на освященіе. Парадный обрядъ закончился назидательнымъ словомъ Владыки. Прослушавъ проповѣдь и поцѣловавъ святой крестъ, мы разбрелись по домамъ. Директоръ тоже куда-то юркнулъ, такъ что преосвященный остался въ церкви одинъ съ духовенствомъ. Вышедъ на крыльцо и не видя никого изъ ученой братіи, онъ обратился къ протоіерею Зефирову съ вопросомъ:

— Куда же мы теперь?

— Въ палацъ, в. пр—во, отвѣтствовалъ тотъ.

— Да что-жъ все въ палацъ да въ палацъ! Ну, нечего дѣлать, поѣдемъ въ палацъ.

Лишь только карета отъѣхала отъ крыльца, Е. Я—чъ быстро собралъ всѣхъ чиновниковъ въ гимназію и повелъ ихъ въ палацъ, благодарить Владыку за подъятые имъ труды.

— Мы, господа, люди тоже въ нѣкоторомъ смыслѣ духовные, а потому и благодарность наша должна быть чисто духовная,— обратился онъ къ намъ съ ироніей.

Оно-то, пожалуй, и такъ, а все-таки начальнику заведенія не мѣшало бы напоить преосвященнаго хотя чаемъ.

Владыка былъ очень огорченъ оказаннымъ ему невѣжествомъ: принявъ отъ насъ „духовную благодарность", онъ отнесся къ намъ, какъ и слѣдовало ожидать, весьма сухо, не удостоивъ своего архипастырскаго благословенія.

Хотя по образованію нашъ Е. Я—чъ не имѣлъ ничего общаго съ богословскими науками, но онъ, не обинуясь, принималъ на себя роль миссіонера, дѣлая постоянно покушенія „уловлять вселенную" въ лицѣ жидковъ-гимназистовъ. Онъ зазывалъ ихъ къ себѣ на квартиру, ласкалъ ихъ, давалъ для чтенія душеспасительныя книги, но не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха въ своемъ миссіонерствѣ, такъ какъ хассиды-отцы учениковъ постоянно стояли на стражѣ.

Наконецъ, нашему рыбарю удалось изловить жидка-подростка, занимавшагося въ общей квартирѣ починкой ученическихъ штановъ и куртокъ. Приготовивъ его, какъ должно, къ принятію св. таинства крещенія, директоръ устроилъ въ гимназической церкви торжественную церемонію и самъ воспринялъ его отъ святой купели. Крестный отецъ поселилъ юнаго неофита въ казенной квартирѣ, одѣлъ его на казенный счетъ и т. п. По временамъ это духовное чадо исполняло обязанности лакея; шустрый крестникъ вездѣ поспѣвалъ: чистилъ сапоги, ставилъ самоваръ и за отсутствіемъ Кума вытиралъ губкою тѣло своего „папуньки". Такъ прошло около трехъ мѣсяцевъ.

Разъ З—й велѣлъ ему перечистить свой гардеробъ. Крестникъ, сложивъ на плечо всю одежду изъ шкафа, унесъ ее въ свою конуру. Директоръ въ то-же время отправился на про-

ґулку. Вернувшись домой, посылаетъ за крестникомъ, но его и слѣдъ простылъ: все унесъ съ собой на память о своемъ благодѣтелѣ, даже новехонькій мундиръ, съ дорогимъ петербургскимъ шитьемъ. Нашелся таки молодецъ, надувшій самого З—го; нашла коса на камень.

Der Jude war ein grösserer Schelm, als er.

На мѣсто І. А. Самчевскаго къ намъ назначенъ инспекторомъ знакомый мнѣ по Винницкой гимназіи весельчакъ и хлѣбосолъ А. Н. Дельсаль, натура широкая. Проживъ въ нѣсколько лѣтъ состояніе жены, онъ запутался въ долгахъ и, надѣясь поправить свои обстоятельства, задумалъ искать мѣсто исправника. Черезъ агентовъ жидковъ онъ узналъ, что правителемъ генералъ-губернаторской канцеляріи назначена извѣстная такса за мѣста: исправницкое мѣсто стоило 600 р. Знакомые жены Дельсаля паны ссудили его деньгами, и онъ внесъ требуемую сумму; но черезъ мѣсяцъ узнаетъ, что обѣщанное ему мѣсто отдано другому лицу, заплатившему 1000 р. Обманутый Дельсаль отправляется въ Кіевъ и получаетъ свои деньги обратно, а вмѣсто должности исправника, съ 20 тысячнымъ годовымъ доходомъ, съ трудомъ получаетъ мѣсто субъ-инспектора студентовъ; но едва вступилъ онъ въ должность, какъ получаетъ извѣстіе, что Самчевскаго изъ Немирова перевели въ Новгородсѣверскую гимназію, ѣдетъ къ Зимовскому и занимаетъ вакантное мѣсто инспектора.

Перемѣщеннаго за продерзости въ Бѣлоцерковскую гимназію Мерцалова замѣнилъ кандидатъ Петербургскаго университета Клейненбергъ, человѣкъ благовоспитанный, безукоризненный джентльменъ, личность прямая и благородная. На мѣсто сосланнаго Зимовскимъ въ Кобеляки приходскимъ учителемъ Чугаевича поступилъ И. П. Дорошенко, а вмѣсто Шастова, перешедшаго на законовѣдѣніе, назначенъ А. И. Стронинъ. Графъ Потоцкій, озабоченный въ это время воспитаніемъ своей единственной дочери (впослѣдствіи графини Строгановой), пригласилъ Клейненберга и Стронина давать ей уроки математики и русскаго языка. Получаемые ими отъ графа подарки, помимо солидной поурочной платы, имѣли свой raison d'étre, не оскор-

бляя ничьего самолюбія. Въ палацѣ они скоро стали людьми домашними и держали себя съ тактомъ и достоинствомъ, не то что поповичъ Барилко и пошлякъ Юрко, награждаемые за лесть и низкопоклонство жилетами.

Вообще говоря, въ это время большинство преподавателей были люди молодые, свѣжіе, иного пошиба. Шпіоны поджали хвосты, между преподавателями же не осталось ни одного предателя, за исключеніемъ прусака Камбли. Всѣ сплотились въ дружную корпорацію и, какъ люди холостые, устроили общій столъ и общую квартиру, получившую названіе „учительской колоніи". Главнымъ распорядителемъ по найму и устройству помѣщенія былъ избранъ учитель исторіи А. Г. Теодоровичъ. Кормилецъ нашъ знаменитый Макаръ, женатый на очень искусной кухаркѣ, получалъ отъ каждаго изъ насъ по 8 руб. въ мѣсяцъ и задавалъ великолѣпные обѣды съ пирожнымъ и дессертами. Отсутствіе при обѣдѣ вина замѣнялось шутками и остроумными каламбурами, ни для кого необидными, никого не оскорблявшими. Стронинъ завелъ даже особую „книгу для записыванія удачно сказанныхъ остротъ" и въ качествѣ секретаря колоніи вносилъ туда, съ общаго одобренія, все достойное вниманія потомства.

По случаю совершившагося XXV-лѣтія труженнической жизни Артемія Аѳанасьевича Шведова, колонія затѣяла отпраздновать у себя юбилей уважаемаго товарища. Вечеръ удался на славу. Начальство приглашено не было. Во время тоста за здоровье юбиляра, ему поднесенъ былъ серебряный кубокъ съ подобающею надписью. Неизбалованный фортуной классикъ растроганъ былъ до слезъ. Затѣмъ, по обычаю нѣмецкихъ студентовъ, устроили торжественный Fakelzug, проводивъ виновника торжества до самой его квартиры, пройдя съ пѣснями мимо директорскаго помѣщенія. Такое небывалое въ Немировѣ событіе, имѣвшее видъ демонстраціи, раздразнило Зимовского до бѣшенства, но онъ не осмѣлился не только намылить кому-либо голову, но даже и не вспомнилъ ни разу объ этомъ „дурачествѣ". Значитъ, „громада—великій человѣкъ", съ ней ничего не подѣлаешь.

Воспитанникъ мой Ясь Лещинскій, съ грѣхомъ пополамъ, окончилъ гимназію и поступилъ въ Ришельевскій лицей; но изъ него не вышло ничего путнаго: онъ былъ слишкомъ вѣтренъ и взбалмошенъ и, вырвавшись на волю, окончательно свихнулся. Но какъ бы тамъ ни было, а у меня, благодаря его папашѣ, въ банкѣ скопились небольшія сбереженія, съ помощію которыхъ я мечталъ предпринять путешествіе въ Питеръ, какъ только окончится шестилѣтній срокъ моей обязательной учительской службы. Авось мнѣ удастся вырваться изъ когтей коршуна, терзающаго мои внутренности.

Даровая квартира на кондиціи такъ мнѣ пришлась по вкусу, что я, разставшись съ Лещинскими, готовъ былъ снова пойти въ репетиторы. Случай къ тому скоро представился. Мнѣ предложено жить съ тремя учениками на всемъ готовомъ и 300 рублей гонорару. Я отправился къ директору за разрѣшеніемъ занять кондицію, такъ какъ ни одинъ учитель не смѣлъ безъ дозволенія начальства ни имѣть пансіонеровъ, ни жить у кого-нибудь въ качествѣ гувернера, на что имѣлъ право каждый порядочный гимназистъ въ другихъ гимназіяхъ. На мой вопросъ, могу ли я занять кондицію у Гуляницкихъ, Е. Я—чъ отвѣтилъ лаконически: „нельзя“:

— Почему же, позвольте узнать, нельзя?

— Потому что я такъ хочу, отрѣзалъ самодуръ.

— Ну, если, по вашему мнѣнію, это совершенно достаточная причина лишать подчиненнаго заработка честнымъ трудомъ, то очень жаль!

Сказавши это, я взялся за фуражку.

— Погодите! остановилъ меня директоръ: я считаю нужнымъ поговорить съ вами серьезно.

При этомъ онъ толкнулъ ногою дверь кабинета, и она со стукомъ затворилась.

— Видите ли въ чемъ дѣло, началъ онъ, ходя по комнатѣ: вы постоянно идете противъ меня, питая ко мнѣ самыя враждебныя чувства. Мало того, вы вооружаете противъ меня общественное мнѣніе своими близорукими сужденіями о моихъ дѣйствіяхъ,—мнѣ все извѣстно.

— Если вы, Е. Я—чъ, довѣряете низкимъ людямъ, которые, пользуясь вашей довѣренностью, безсовѣстно лгутъ вамъ и чернятъ всякаго честнаго человѣка разными клеветами, то въ этомъ виноваты вы сами; вольно же вамъ вѣрить всякому проходимцу.

Немного помолчавъ, онъ опять началъ.

— Скажите, ради Бога, за что вы меня ненавидите? Вы постоянно отзываетесь обо мнѣ, какъ о человѣкѣ безсердечномъ, несправедливомъ и жестокомъ. Вы сильно заблуждаетесь. Вамъ, какъ неисправимому идеалисту, все представляется въ черномъ цвѣтѣ. Поймите меня—и у меня есть сердце!.. закончилъ онъ свою рѣчь дрожащимъ голосомъ.

— Извините меня, Е. Я—чъ, за откровенность: я не въ состоянiи принудить себя (а тѣмъ болѣе притворяться) полюбить человѣка, къ которому не лежитъ у меня сердце, такъ же, какъ говорить и поступать противъ своихъ убѣжденій. Въ симпатiяхъ и антипатiяхъ никто не воленъ.

Директоръ ходилъ по комнатѣ молча и потомъ со злостью проговорилъ.

— Ну, такъ и оставайтесь при вашихъ убѣжденiяхъ, но не позволяйте себѣ открыто порицать мои дѣйствiя, чтобы другiе, слушая васъ, не заражались вашими близорукими сужденiями.

— А, если вы только этого отъ меня требуете, то даю вамъ честное слово, что пока я буду жить у Гуляницкихъ, я не позволю себѣ сказать ни одного слова о васъ.

— Прощайте, можете занять предлагаемую вамъ кондицiю.

Такимъ образомъ заключена была между нами конвенцiя: за 300 рублей директоръ купилъ мое молчанiе на одинъ годъ.

Изъ троихъ учениковъ, съ которыми судьба и Зимовской опредѣлила мнѣ жить, два были отличные, благовоспитанные малые, но между ними затесался третій—отпѣтый негодяй. Объ исправленiи его нечего было и думать, нужно было, по крайней мѣрѣ, уберечь отъ его влiянiя двухъ неиспорченныхъ. Квартиру намъ прiискали у родственниковъ. Жилось мнѣ тамъ не такъ удобно, какъ у Лещинскихъ, но что дѣлать? нужно было терпѣть.

Занимая кондицiю, я втеченiе цѣлаго года ни разу не позволилъ себѣ нарушить заключенную съ директоромъ конвенцiю.

Какихъ сѣтей ни разставлялъ онъ, чтобы уличить меня въ недержаніи даннаго слова, подсылая своихъ наушниковъ, я не поддался искушенію и выдержалъ характеръ до конца. Изъ этого мои товарищи заключили, что Зимовской, наконецъ, и меня, степного коня, объѣздилъ и перевоспиталъ на свой образецъ,— я молчалъ и ухмылялся въ бороду.

Къ концу учебнаго года совѣтъ избралъ меня секретаремъ; начались экзамены. Питомцы мои въ теченіе мая прошли благополучно самые трудные для нихъ предметы, такъ что переводъ ихъ въ высшіе классы можно было считать обезпеченнымъ, и директоръ никоимъ образомъ не могъ повредить имъ. Срокъ нашей конвенціи близился къ окончанію. 1 іюня состоялось засѣданіе педагогическаго совѣта. Приступили къ повѣркѣ кассовыхъ книгъ. По должности секретаря я сидѣлъ по правую руку предсѣдателя. Передавая мнѣ одну изъ кассовыхъ книгъ о приходѣ и расходѣ суммъ общей ученической квартиры, Е. Я—чъ сказалъ: „ищите здѣсь прихода за май“.

Я перелисталъ всю книгу отъ доски до доски и, не найдя прихода, началъ въ другой разъ дѣлать тоже самое. Въ это время директоръ, подмигнувъ членамъ, лукаво подсмѣивался на мой счетъ. Мнѣ стало досадно на себя, что не нахожу прихода, и Е. Я—чъ, ядовито ухмыляясь, замѣтилъ мнѣ.

— Эхъ вы, секретарь! чего вы ищите? вѣдь прихода въ маѣ не бываетъ вовсе.

— Чтожъ вы меня дурачите, заставляя искать то, чего вовсе нѣтъ? почти крикнулъ я, бросая на столъ кассовую книгу: меня не для того избрали секретаремъ, чтобы сдѣлать мишенью для вашихъ насмѣшекъ.

— Вотъ вы уже и разсердились: я пошутилъ, сказалъ благодушно директоръ, видимо подавляя свою злость.

По этой вспышкѣ моей онъ заключилъ, что конвенція моя кончилась, и я безъ вреда для своихъ воспитанниковъ могу оставить кондицію.

Въ концѣ 1851 года обязательный для казеннокоштныхъ студентовъ шестилѣтній срокъ моей учительской службы, по назначенію отъ правительства, кончился. Я получилъ возможность распорядиться своей особой по собственному усмотрѣнію. Скопивши посредствомъ кондицій немножко деньжатъ, я возъимѣлъ намѣреніе оставить педагогическую карьеру и отправиться въ Питеръ искать иной дѣятельности. Рѣшимости моей сдѣлать такой важный шагъ въ жизни помогъ случай: одинъ панъ отправлялъ своего сына въ артиллерійское училище и предложилъ мнѣ довезть его до Петербурга на его счетъ. Когда я пришелъ за билетомъ къ Е. Я—чу, то онъ далъ мнѣ порученіе купить для него сотню гаванскихъ сигаръ и какую-то машинку, обратясь за содѣйствіемъ къ полковнику Англяресу, который, разорившись во время холеры на тыгоднювкахъ, переселился въ столицу и получилъ мѣсто управляющаго домомъ Энгельгарда, на Невскомъ проспектѣ. Собравшись въ дорогу и не получивъ отъ директора на покупку денегъ, я просилъ инспектора Дельсаля напомнить ему объ этомъ, но Е. Я—чъ велѣлъ передать мнѣ, что деньги на покупку для него сигаръ и машинки я могу взять въ банкѣ изъ тѣхъ 250 рублей, которые, по его милости, получены мною въ награду. Такъ безъ денегъ я и уѣхалъ; а вѣдь 35 рублей, издержанные мною на эти покупки, куда какъ не были бы лишними въ столицѣ.

Не стану описывать впечатлѣній своего путешествія въ Питеръ черезъ Москву и обратно черезъ Могилевъ; за давностію лѣтъ они не могли бы имѣть той свѣжести, какая необходима для подобнаго рода описаній. Скажу только, что рекомендательныя письма къ столичнымъ тузамъ, за исключеніемъ одного, доставка котораго по адресу стоила мнѣ болѣе трехъ рублей, истраченныхъ мною на поѣздки на дачу, гдѣ жилъ сановникъ, брошены въ огонь. На пріѣзжаго провинціала, а тѣмъ паче на учителя, столичные бюрократы въ оное время смотрѣли съ презрѣніемъ: имъ нужны были не образованные чиновники, а пройдохи-дѣльцы, которыхъ вся наука заключалась въ знаніи канцелярскихъ порядковъ. Побесѣдовавъ съ оберъ-секретаремъ Сената, землякомъ своимъ Нагулой, бывшимъ учи-

телемъ 1 кіевской гимназіи, я навсегда выбросилъ изъ головы мысль оставить педагогическую профессію и около мѣсяца употребилъ на ознакомленіе съ столичными достопримѣчательностями и въ концѣ августа вернулся во-свояси.

Въ слѣдующемъ 1832 году во время каникулъ мы съ Сошенкомъ предприняли путешествіе по Кіевской губерніи, подробно описанное въ другомъ мѣстѣ (Иванъ Макс. Сошенко, біографическій очеркъ 1877 г.). Здѣсь же я ограничусь однимъ лишь финаломъ этого путешествія.

Разставшись съ пріятелемъ въ Матусовѣ, я поѣхалъ кратчайшимъ путемъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Немирова со мной случилось довольно оригинальное приключеніе, къ счастію, не имѣвшее для меня печальнаго исхода. Жидокъ мой Эль, желая сберечь лишній грошъ изъ своего заработка за трехнедѣльное странствованіе со мной по градамъ и весямъ Украины, не подмазалъ своей буды. Скрипитъ да скрипитъ колесо, а мнѣ и байдуже—еще лучше спится подъ эту музыку въ дорогѣ. Сплю себѣ, зарывшись въ сѣно (дѣло было ночью), какъ вдругъ, сквозь сладкую дремоту слышу крикъ какъ будто знакомаго человѣка: „стой, стой! колесо горитъ!“

Проснувшись, я дѣйствительно увидѣлъ горящее колесо. Случилось это противъ почтовой станціи. Но нестолько меня озадачилъ пожаръ буды, сколько внезапное появленіе директора, который, какъ deus ex machina, стоялъ тутъ же подлѣ буды, рядомъ съ ямщиками. Ему-то главнымъ образомъ я обязанъ тѣмъ, что не взлетѣлъ на воздухъ вмѣстѣ съ будой и своимъ возницей Элемъ, который тоже заснулъ во время пути. Дѣло въ томъ, что подо мной въ сѣнѣ спрятано было 3 фунта пороху, купленнаго у солдатика въ Умани: этого количества было болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы отъ меня и жида и слѣда не осталось.

Да и допекалъ-же меня Е. Я—чъ, по прибытіи въ Немировъ:

— Я, говоритъ, вамъ жизнь спасъ, а вы, неблагодарный, этого не чувствуете

Въ августѣ 1852 года, совершенно для меня неожиданно, состоялось и мое перемѣщеніе въ Кіевъ. Послѣ неоднократнаго

покушенія вырваться изъ цѣпкихъ щупальцевъ восьминога, я уже перестал и думать о переводѣ въ другую гимназію. Такъ, въ 1849 году я ѣздилъ въ Одессу съ цѣлію проситься о перемѣщеніи, но прежде чѣмъ я успѣлъ туда пріѣхать, мой пріятель Е. Я. уже успѣлъ отрекомендовать меня директору Петрову, который принялъ меня сухо и отказалъ въ моей просьбѣ.

Какая-же, спроситъ читатель, была у Зимовского цѣль удерживать въ гимназіи человѣка, подрывающаго авторитетъ его власти и не сочувствующаго его распоряженіямъ? А цѣль была та, чтобы я, перейдя на службу въ другую гимназію, не вынесъ изъ избы сору. Держа меня въ зависимости, онъ все-таки разсчитывалъ на то, что мои протесты противъ его дѣйствій, какъ бы я ни кричалъ во весь народъ, пока я остаюсь подъ его начальствомъ, дальше Немирова не пойдутъ; вырвавшись же на волю, я могъ оставить ему незавидную репутацію и за предѣлами Кіевскаго учебнаго округа.

Въ другой разъ, въ 1851 году, узнавъ, что во 2-й Кіевской гимназіи за смертію учителя русской словесности Унтилова, открылась вакансія, я отправился къ помощнику попечителя проситься о переводѣ. Хотя, впредь до пріисканія преподавателя, туда приглашенъ былъ проф. Селинъ, но я все-таки рѣшился попытать счастья, но попытка моя и на сей разъ также не удалась.

Спустя годъ, пр. Селинъ защищалъ диссертацію на степень доктора. Димитрій Гавриловичъ, какъ попечитель, пригласилъ на диспутъ директрису института съ цѣлой плеядой пепиньерокъ. Во время ученыхъ преній докторантъ, по своему обыкновенію, зарапортовался, сказавъ что-то не совсѣмъ пріятное для слуха дамъ. Когда послѣ диспута Бибиковъ подошелъ къ директрисѣ и спросилъ, довольна-ли она диспутомъ, она отвѣчала, что еслибы она предвидѣла, что здѣсь будутъ говорить о такихъ неприличныхъ вещахъ, то она ни за что не взяла бы съ собой дѣвицъ. Димитрій Гавриловичъ это замѣчаніе замоталъ себѣ на усъ и, спустя недѣлю, когда Лазовъ поднесъ ему къ подписи бумагу, спросилъ: это что?

— Представленіе г. Министру объ утвержденіи въ докторской степени пр. Селина.

— А, кстати? Что, онъ преподаетъ еще гдѣ-нибудь кромѣ университета?

— Во 2-й Кіевской гимназіи читаетъ русскую словесность.

— Долой его оттуда—онъ мнѣ тамъ дѣтей попортитъ.

— Кого прикажете на его мѣсто назначить?

— Найдите сами, отвѣчалъ генералъ.

Идучи послѣ доклада домой, Лазовъ встрѣтился на Крещатикѣ съ инспекторомъ 2-й гимназіи Гренковымъ.

— Что новаго? спрашиваетъ его инспекторъ.

— Есть и для вашей гимназіи новость; велѣлъ найти учителя словесности. Не знаете ли вы кого-нибудь изъ желающихъ?

Такъ какъ Гренкову было извѣстно о моемъ желаніи, то онъ и указалъ на меня, и я получилъ переводъ въ Кіевъ.

Божественный Александръ Ив. не могъ мнѣ простить своего увольненія. Узнавъ отъ Лазова, что Бибиковъ, якобы самъ меня назначилъ на его мѣсто, ученый мужъ былъ увѣренъ, что я какими-то путями пролѣзъ къ генералъ-губернатору и добился перемѣщенія. „Пролазъ"—прошипѣлъ профессоръ.

Да, государи мои, тяжелыя времена переживали мы!

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛЕГЕНДА О БЛАГОЧЕСТИВОМЪ ЖИВОПИСЦѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Современныя и старинныя малорусскія версіи легенды о малярѣ.—Нѣмецкія и французскія фабльо.—Отраженіе легенды въ памятникахъ искусства.—Предположеніе о происхожденіи легенды.

Въ Малороссіи большой популярностью пользуется легенда о благочестивомъ малярѣ. Въ печати она также извѣстна. Сравнительно болѣе подробный и лучше развитый варіантъ въ сборникѣ легендъ изъ купянскаго уѣзда харьков. губ. г. *Иванова* въ „Этногр. Обозр." 1892 кн. 2—3, стр. 73—75.

— Жывъ колысь соби одынъ благочестывый маляръ. Винъ рысувавъ иконы ловко и дома, и въ церкви; молывся усердно Богу и дуже не любывъ лукавыхъ. Отъ разъ нарысувавъ винъ выдъ нечыстого и поставывъ въ тимъ мисти, куды ходывъ про себе. Каждый разъ, якъ пиде туды, яку-небудь и зробе ему пакость; и выскверныв ёго такъ, що то бувъ страшный, а то ще страшнійше ставъ. Розсердывся на его лукавый, явывся ему во сни и каже: „посміявся ты зъ мене, а я якъ зъ тебе посміюсь, то зъ тебе и людей не буде!" Маляръ не злякався ёго, ще пуще знущается надъ нымъ. Отъ одынъ разъ зазвонылы до утрени, собралысь люды, дывлятця, а на иконостаси нема ни капли золота и кой-яки иконы тожъ ообрани, що булы зъ золотомъ. Тоди люды собралысь и пишлы кой-кого изъ прымитныхъ трусыты (обыскивать). И отъ ходылы скризь по слободи, всю слободу пройшлы и ни въ кого не нашлы. Якъ идуть мимо маляра, одынъ чоловикъ и каже: „давайте до ёго зайдемъ!" а други кажуть: „хиба можно, щобъ цей чоловикъ се зробывъ?"

Той опьять: „та ни таки, зайдемъ!“ Ти опьять: „хиба такы можно на ёго це думаты: винъ николы ничого чужого не трогавъ, а то, бачъ, полизе у церкву... та зайты, такъ и зайдимъ“. Отъ зайшлы и началы скрызь шукаты. Шукалы, шукалы—нема ниде; потимъ якось заглянулы пидъ трубу, а тамъ стоитъ тры мишка золота. Ну, золото забралы, а маляра повелы на судъ и осудылы его на суди повисыты за его кражу. Якъ является до его лукавый и каже: „согласысь поставыты мене къ ликамъ Божіимъ и класты мени що дня пьять поклонъ, то я тебе выручу“. Маляръ согласывся, пишовъ додому, взявъ выдъ лукавого, обмывъ гарненько и поставывъ къ ликамъ Божіимъ. А лукавый принявъ выдъ маляра, его и повелы вишаты замисто маляра. Повисылы и пишлы люды въ церкву. Дывляця, а на иконахъ все золото цило и на иконостаси. Воны и кажуть: „защожъ це мы его загубылы!“—и пожалилы за нымъ. Потимъ идуть зъ церквы, глядь, а намисто маляра на висылыци высыть вязанка соломы, люды удывылысь и пишлы до маляра, а винъ живый. Глядь на стину, а у него высыть тамъ мижъ богамы лукавый. Воны и спрашують маляра: „на що ты цю пакость повисывъ межъ иконы святи“? Винъ и розсказавъ имъ все поряду, якъ и що було; тоди воны устрашылысь и пишлы видъ его геть. Но не довго маляръ ему молывся: напала на него скорбь и мучыла его такъ, що винъ скоро и пропавъ безъ всякои висти, такъ що ныхто и незнавъ, де винъ и дився“.

Въ вар. г. *Драгоманова* въ „Малорус. преданіяхъ и разсказахъ“ стр. 51 подъ заглавіемъ „Месть чорта богомольному человѣку“ не сказано, что этотъ человѣкъ маляръ. Чортъ разсердился на благочестиваго человѣка за то, что онъ „въ церкви Богу молыться, а чортови дули пхае“. Великорусскій варіантъ у *Аѳанасьева* („Сказки“ IV, 542).

Легенда о малярѣ была хорошо извѣстна въ южно-русской схоластической литературѣ XVII вѣка. Въ „Небѣ Новомъ“ *Галятовскаго*, вышедшемъ впервые въ 1665 г. во Львовѣ на польскомъ и малорусскомъ языкахъ, затѣмъ въ Черниговѣ въ 1677 г. и въ Могилевѣ въ 1699 г., въ XXI главѣ говорится, что одинъ живописецъ очень хорошо нарисовалъ пресв. Дѣву

Марію и помѣстилъ подъ ея ногами чорта въ отвратительномъ видѣ. Обиженный чортъ вихремъ налетѣлъ на него и опрокинулъ лѣстницу, на которой онъ стоялъ.

Въ 24 главѣ „Неба" находится разсказъ о томъ, что въ одномъ монастырѣ монахъ живописецъ очень хорошо изображалъ пр. Дѣву Марію и очень безобразнымъ рисовалъ чорта. Чортъ сталъ его мучить и соблазнилъ обокрасть церковь. Монаха хотѣли казнить и уже привязали его къ столбу для казни; но пресв. Богородица освободила его, привязала къ столбу чорта, и монахи сильно избили его. Послѣднее сказаніе, очевидно, стоитъ въ родствѣ съ современными народными легендами о малярѣ и, можетъ быть, было непосредственнымъ для нихъ источникомъ. Галятовскій хорошо былъ знакомъ со средневѣковой схоластической литературой, и, вѣроятно, отсюда онъ взялъ легенду о малярѣ.

Легенда о благочестивомъ живописцѣ въ Германіи и во Франціи въ XII—XIV ст. входила въ fabliaux, новеллы, проповѣди, памятники искусства. Въ древнемъ нѣмецкомъ стихотвореніи „Maria und der malaere" говорится, что одинъ талантливый живописецъ однажды нарисовалъ на наружныхъ стѣнахъ храма картину, въ которой пресв. Богородицу изобразилъ, какъ можно лучше, а демона, какъ могъ хуже. Демонъ разсердился и сдѣлалъ строгій выговоръ живописцу, но послѣдній нарисовалъ его еще болѣе безобразнымъ. Тогда демонъ бросился на него во время работы и хотѣлъ его сбросить съ приставныхъ лѣсовъ; но живописецъ обратился съ молитвой къ пресв. Богородицѣ, и Она протянула съ иконы правую руку и поддержала его. Демонъ улетѣлъ и болѣе не безпокоилъ художника. (*Hagen*, Gesammtabenteur, III, 474—476).

Насколько разсказъ о благочестивомъ художникѣ былъ популяренъ въ старинное время въ европейскихъ литературахъ, видно изъ того, что онъ вошелъ въ фривольную сферу фабльо. Въ сборникѣ Барбозана и Меона приведена, между прочими, слѣдующая новелла (передаю въ сокращеніи г. *Шепелевича* въ „Очеркахъ изъ ист. средневѣк. литер." 24—25). На стѣнахъ церкви монахъ художникъ изобразилъ сцены изъ рая и ада.

Ему удалось нарисовать такого дьявола, что никто не могъ смотрѣть на него безъ отвращенія. Мало того, монахъ взялся за рѣзецъ, и результаты оказались блестящими: дьяволъ оказался столь ужаснымъ и безобразнымъ, что всѣ, кто его только видѣлъ, серіозно увѣряли, что ни въ живописи, ни въ скульптурѣ не видѣли никогда такого безобразія. Дьяволъ обидѣлся, явился къ художнику и осыпалъ его упреками за изображеніе его безобразія, убѣждая вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить ненавистное ему изображеніе. Но монахъ отказался повиноваться. Тогда дьяволъ рѣшилъ ему отмстить. Онъ склонилъ монаха влюбиться въ монахиню сосѣдней обители, добиться ея взаимности и не только убѣжать вмѣстѣ съ нею, но еще унести монастырскія сокровища. Виновный былъ схваченъ и брошенъ въ тюрьму; его ожидала смертная казнь. Въ тюрьмѣ его посѣтилъ дьяволъ и обѣщалъ выпутать изъ бѣды, если отвратительное изображеніе будетъ уничтожено. Монахъ съ радостью согласился. Дьяволъ освободилъ его, остался въ тюрьмѣ, а монахъ отправился въ келію. Утромъ монахи пришли за осужденнымъ на казнь; но каково было ихъ изумленіе, когда они увидѣли прикованнаго къ столбу чорта. Онъ сорвался съ цѣпи и съ шумомъ улетѣлъ. Монахи пришли къ заключенію, что во всемъ этомъ дѣлѣ братъ былъ ни причемъ и что все натворилъ лукавый бѣсъ. Художникъ сдѣлалъ другое, болѣе благообразное изображеніе чорта. Въ другой версіи заключеніе иное. Послѣ троекратныхъ просьбъ и угрозъ чорта, художникъ не только не сдѣлалъ уступки, но изобразилъ чорта попраннымъ ногами Богородицы и низвергаемымъ въ адъ. Чортъ толкнулъ лѣстницу, на которой стоялъ живописецъ, когда оканчивалъ свой назидательный трудъ; но пресв. Дѣва съ образа схватила за руку художника и спасла его отъ гибели. Послѣдняя версія, очевидно, тожественна съ древнимъ нѣмецкимъ фаблье.

Въ одномъ латинскомъ сборникѣ XV вѣка въ библіотекѣ св. Марка г. Шепелевичъ нашелъ латинскій пересказъ, очень короткій. Вотъ его начало: „О живописцѣ и дьяволѣ. Живописецъ нарисовалъ дьявола въ безобразномъ видѣ и очень низко, а пресв. Дѣву въ славѣ и высоко; тогда явился діаволъ“. Да-

лѣе передаются упреки дьявола и отказъ живописца уничтожить изображеніе. Чортъ толкаетъ лѣстницу; но икона протянула руку живописцу и удержала отъ паденія“ (ib. 26).

Этотъ разсказъ отразился въ искусствѣ. Г. Шепелевичъ указываетъ на миніатюры въ рукописи, извѣстной подъ названіемъ Псалтири королевы Маріи (ib. 25).

Разсказъ возникъ въ монастырской средѣ въ глухіе средніе вѣка; въ основаніи его, по всей вѣроятности, лежитъ дѣйствительный случай: монахъ живописецъ обворовалъ церковь и сбѣжалъ, можетъ быть, даже съ сосѣдней монахиней, какъ передаетъ французская версія; но его преступленіе было истолковано въ его пользу вмѣшательствомъ чорта—довольно обычное явленіе средневѣковой жизни, когда чортъ являлся къ услугамъ тѣхъ, кто желалъ воспользоваться имъ, оправдать близкаго человѣка, насолить врагу, прикрыть и оправдать нарушеніе божескихъ и человѣческихъ законовъ. Разъ попалъ этотъ разсказъ въ письменность, онъ пришелся по плечу тогдашней читающей публики, вошелъ въ разрядъ многочисленныхъ демонологическихъ легендъ, связанъ былъ съ обширнымъ цикломъ сказаній о Мадоннѣ и въ разныхъ формахъ циркулировалъ въ Европѣ, начиная съ сухихъ монастырскихъ хроникъ до фривольныхъ фабльо. Въ Малороссію его внесла, вѣроятно, схоластическая литература, мѣстные ея представители, изъ воспитанниковъ кіевскаго коллегіума; съ ихъ легкой руки легенда о благочестивомъ живописцѣ привилась къ малорусской народной словесности, что могло произойти безъ прямого непосредственнаго воздѣйствія западныхъ фабльо.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

БОГУСЛАВСКОЕ ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ [1].

(ПО ШКОЛЬНЫМЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ).

Проживъ годъ въ монастырскихъ квартирахъ, я былъ переведенъ на квартиру къ учителю Ивану Августиновичу Буйницкому, который былъ для учениковъ-квартирантовъ настоящимъ отцомъ. Правда, въ монастырскихъ квартирахъ жилось свободнѣе: ученикамъ можно было въ карты играть (особенно ученикамъ высшихъ отдѣленій), курить; на квартирахъ же учителей надзоръ былъ серьезнѣе, и предаваться развлеченіямъ, недозволеннымъ начальствомъ, положительно нельзя было. Кражи книгъ и вещей на квартирахъ учителей были немыслимы; если же и случались, то всегда украденное находили, а виновнаго могли выгнать изъ училища. При мнѣ лучшіе ученики высшаго отдѣленія назначались старшими, и ученикъ въ этой должности считался уже „начальствомъ". Старшій держалъ высоко свое знамя: онъ во всякое время ученика низшаго и средняго отдѣленія могъ бить, даже сѣчь, а жаловаться на него опасно было, потому что при жалобѣ старшій наговоритъ инспектору, или помощнику его столько разныхъ проступковъ на ученика, что инспекторъ непремѣнно высѣчетъ, да еще и поручитъ сѣченіе самому старшему. Обязанность старшаго была наблюдать за поведеніемъ учениковъ ввѣренной ему квартиры, о замѣченныхъ проступкахъ доносить каждую недѣлю инспектору, а о болѣе важныхъ смотрителю. По очереди назначался „дежур-

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1894 г., № 9.

ный старшій", который могъ до прихода учителя входить въ классы низшаго и средняго отдѣленія и замѣченный крикъ и шумъ прекращать собственною властью. Часто старшій самъ расправлялся съ учениками, производившими шумъ. Каждый день онъ являлся къ инспектору, доносилъ о безпорядкахъ и выслушивалъ приказанія, а по субботамъ передъ вечернею всѣ старшіе являлись къ смотрителю, выслушивали отъ него наставленія и указанія, какъ смотрѣть за учениками и особенно наблюдать за тѣмъ, чтобы ученики не курили табаку и не пьянствовали.

Назначеніе старшихъ послѣдовало въ іюнѣ 1828 г., по распоряженію правленія семинаріи, и разсматривалось, какъ одинъ изъ лучшихъ способовъ надзора за учениками; но практика въ должности старшихъ нашла много нехорошихъ чертъ, и, кажется въ концѣ 60 годовъ, этотъ способъ надзора за учениками уничтоженъ безвозвратно. Старшіе въ квартирахъ и даже рядовые ученики высшаго отдѣленія были прямо деспоты по отношенію къ ученикамъ средняго и низшаго отдѣленій: лежитъ, напримѣръ, ученикъ высшаго отдѣленія на кровати и приказываетъ ученику средняго отдѣленія искать ему изъ латинскаго словаря слова къ переводу изъ *Корнелія Непота* и др.; ученикъ не смѣетъ отказаться, иначе тотъ его побьетъ и все равно заставитъ исполнить. Послѣ полученія билета на праздникъ, ученикъ мечталъ, что онъ теперь не знаетъ начальства, что онъ вольная птица—поэтому очень часто ученики въ то время расправлялись со старшими; но, по возвращеніи изъ праздниковъ или каникулъ, погибала прежняя заносчивость, и приходилось преклонять голову предъ всякимъ ученикомъ старшаго класса. Однажды одинъ изъ учениковъ высшаго отдѣленія, насолившій меньшей братіи своими приказаніями, при окончаніи курса училища напился до безсознанія и въ пьяномъ видѣ пошелъ спать въ сарай; ученики, замѣтивши это, такъ его сильно избили, что онъ нѣсколько недѣль былъ нездоровъ и поѣхалъ на каникулы со знаками побоевъ, такъ и не зная, кто его побилъ Въ сѣняхъ училища могли, только до прихода учителей, прохаживаться одни ученики выс-

шаго отдѣленія; ученики же низшихъ классовъ имѣли право пройти по сѣнямъ въ свои классы, оставаться же въ сѣняхъ, для наблюденія положительно было невозможно: ученикъ высшаго отдѣленія непремѣнно дастъ въ шею и за уши отведетъ въ классъ.— Учитель И. А. Буйницкій, у котораго я квартировалъ, преподавалъ русскую грамматику по *Гречу*, церковный уставъ и нотное пѣніе, и нужно сказать, преподаваніе его, по тому времени, было превосходное: онъ не по одному руководству разъяснялъ правила грамматики, но велъ особыя записки и по нимъ разъяснялъ всѣ правила, а главное онъ заставилъ учениковъ средняго отдѣленія писать сочиненія. Такое честное и основательное преподаваніе русскаго языка, въ связи съ составленіемъ сочиненій, приносило громадную пользу ученикамъ по поступленіи въ семинарію: сразу ученики могли излагать на бумагѣ свои мысли на заданныя темы. Церковный уставъ при мнѣ преподавался по маленькому руководству, въ которомъ только и памятны были слова „аще, полиелей"; по такому руководству нельзя было ничего понять и знать. Учитель Буйницкій приносилъ въ классъ церковную книгу—„уставъ", и разъяснялъ, какіе каноны и тропари когда читать, и затѣмъ заставлялъ учениковъ розыскивать эти каноны. Вообще учитель Буйницкій преподавалъ свои предметы съ усердіемъ; его считали малоспособнымъ благодаря его заиканію; однако трудолюбіемъ онъ достигалъ большаго, чѣмъ способные, но нежелающіе ничего дѣлать. Православный катихизисъ и латинскій языкъ преподавали сначала Георгій Рождественскій, а по переводѣ его въ Рыльское училище былъ назначенъ инспекторъ Екатеринославскаго духовнаго училища іеромонахъ Виссаріонъ. Это тоже была очень свѣтлая личность; онъ преподавалъ свой предметъ съ особымъ усердіемъ; говорилъ цвѣтисто, но ясно, слова его такъ и дѣйствовали прямо на душу. Человѣкъ былъ онъ въ высшей степени религіозный и своимъ преподаваніемъ вносилъ въ душу каждаго это чувство. Онъ возбуждалъ энергію въ ученикахъ подачею „de locc;"—это означало, что ученикъ долженъ заявить письменно, на чье мѣсто въ разрядномъ спискѣ онъ предъявляетъ право, и затѣмъ по письменной задачѣ и устнымъ отвѣтамъ дол-

женъ доказать, что больше знаетъ того, на чье мѣсто подается; и если онъ удовлетворялъ заявленному требованію, то повышался въ спискѣ. Прослуживъ въ м. Богуславѣ съ 1856 г. по 1858 г., іеромонахъ Виссаріонъ былъ переведенъ профессоромъ священнаго писанія въ Черниговскую духовную семинарію. Географія преподавалась тоже не плохо: ученики, кромѣ обыкновенныхъ картъ, изучали страны свѣта по такъ называвшимся тогда „слѣпымъ картамъ", гдѣ не было никакихъ подписей городовъ и странъ, что способствовало развитію соображенія. Смотритель училища, игуменъ Ѳеодоръ, за отсутствіемъ учителя, преподавалъ иногда географію. Помню, что онъ, для точнаго пониманія формы земли, приносилъ въ классъ яйца, яблоки; объяснялъ положеніе земли, форму ея и отношеніе къ другимъ планетамъ,—а особенно къ солнцу, а послѣ уроковъ все принесенное раздавалъ ученикамъ. Преподавая ариѳметику, онъ приносилъ для практическаго преподаванія счеты, мѣдныя деньги по 1 и 2 коп., а послѣ хорошо отвѣчавшимъ ученикамъ дарилъ эти деньги. Латинскій языкъ преподавали также очень хорошо: много заставляли выучивать словъ, такъ что къ окончанію курса ученики вполнѣ достаточно для училища знали языкъ, хотя въ семинаріи совсѣмъ почти его забывали. Но что не нравилось мнѣ изъ внутренней жизни училища, хотя этотъ недостатокъ былъ не только въ Богуславскомъ училищѣ, но и во всѣхъ духовныхъ училищахъ,—это то, что каждый ученикъ и учитель непремѣнно имѣли „прозвище"; сами же учителя ученика непремѣнно окрестятъ какой-нибудь кличкой: „бабой, телицей, гедзомъ",—и это прозвище пройдетъ съ нимъ черезъ все время ученія въ училищѣ. Смотритель о. Ѳеодоръ серьезно преслѣдовалъ сочинителей этихъ прозвищъ, но, вѣроятно, этотъ недостатокъ и теперь еще не уничтоженъ.

Я могу сказать, что въ квартирѣ Буйницкаго жилось намъ хорошо. Буйницкій даже настаивалъ, чтобы, послѣ выучиванія уроковъ, ученики играли. Мѣста свободнаго для игръ было много; дворъ у насъ былъ большой, и мы играли въ „войну", „мячъ", „цурки". У Буйницкаго былъ лакей „Янко", мальчикъ 16 лѣтъ; онъ былъ однодворецъ и получилъ прозвище „ляхъ"; онъ

зналъ это свое прозвище, а потому сейчасъ же принимался бить произносившаго это слово. Жаловаться Буйницкому не всегда было удобно, почему мы жаловались кухаркѣ, а она, бывало, такъ намнетъ ему чуба, что онъ нескоро забудетъ. Намъ—8 квартирантамъ Буйницкаго—было отъ 10 до 14 лѣтъ, и по одиночкѣ Янко могъ побить каждаго изъ насъ; но были случаи, что мы ему отплачивали вдвойнѣ. Кухарка, по распоряженію Буйницкаго, каждую субботу мыла намъ головы, чесала насъ и давала бѣлье; бани мы не знали, да и при монастырѣ не было бани. Доктора постояннаго при училищѣ не было, а если кто изъ учениковъ или учителей серьезно заболѣвалъ, то приглашали изъ м. Богуслава доктора Садковскаго. Понятно, кто приглашалъ, тотъ и платилъ, а иногда больной ученикъ, если могъ, пѣшкомъ ходилъ къ доктору, съ письмомъ отъ учителя, и докторъ давалъ ему рецептъ. При мнѣ въ училищѣ не было ни одного смертнаго случая.

Въ то время сѣченіе розгами было одно изъ первыхъ наказаній; болѣе слабыя наказанія были: стояніе на колѣняхъ возлѣ печки и послѣдней скамейки, которую всегда называли „камчаткою", надѣваніе на голову ослиныхъ ушей, битье въ щеки и тяганіе за волосы. Сѣченіе розгами было самое распространенное наказаніе, которое, по тому времени и пониманію, считалось сильнымъ средствомъ для врачеванія учениковъ, не желавшихъ или не могущихъ учиться. Замѣчательно, что въ то время существовало между учениками единство и общность интересовъ: выдать товарища значило измѣнить всему классу,—а это считалось великимъ преступленіемъ, въ отношеніи товарищества и самаго принципа; а потому если кто изъ учениковъ и провинится въ чемъ-нибудь, ученики его ни за что не выдадутъ. Но тогда начальство для открытія виновнаго начинаетъ пороть 3-го, 6-го, 9-го, 12-го, 15-го, и т. д. Нарушеніе субординаціи, по принципамъ смотрителя Θеодора, считалось великимъ преступленіемъ, какъ-то: неснятіе шапки предъ учителемъ, неуваженіе какимъ либо знакомъ личности учителя, произношеніе прозвища при проходѣ учителя; сѣченіе одно искупляло всѣ такіе грѣхи. Для этого несложнаго труда существовали ученики, называемые „цензорами", которые изби-

рались и утверждались начальствомъ изъ *великовозрастныхъ*, по преимуществу „ословъ“ (плохихъ учениковъ);—по наукамъ они были никуда не годны, но въ сѣченіи розгами вполнѣ надежны. Цензора принимались съ особымъ удовольствіемъ за свое занятіе; оно льстило ихъ самолюбію, возвышало ихъ предъ учениками, давало право на снисхожденіе начальства. Каждый ученикъ старался угодить имъ, и въ матеріальномъ отношеніи это было очень прибыльно. И дѣйствительно,—пріѣдутъ родители, привезутъ какой-нибудь гостинецъ, такъ называемую „*галду*“,—она почти цѣликомъ неслась къ цензору; если цензоръ самъ не одолѣвалъ принесеннаго, то часть возвращалъ принесшему, и тотъ, какъ милость, принимаетъ эти остатки изъ рукъ цензора.—Если какой нибудь ученикъ утаивалъ *галду*, и цензоръ узнавалъ объ этомъ (у него были свои глаза и уши, такъ какъ отъ бѣднѣйшихъ учениковъ, не могшихъ лично принесть что-нибудь, но старавшихся заслужить его расположеніе „наушничаніемъ“, онъ все зналъ), то ему достаточно было посмотрѣть только на утаившаго „косо“,—и добрые товарищи угадывали послѣдствія такого взгляда и прямо говорили: „неси, братъ, а то будетъ плохо.“ У цензора изъ лужка были приготовлены всегда лозы разныхъ величинъ, а на нѣкоторыхъ на концахъ была прикрѣплена проволка, употреблявшаяся для несговорчивыхъ. Мало того, въ плетеніи розгъ нѣкоторые цензоры достигали такого искусства, что, при сѣченіи и ударахъ, лоза свиститъ и „ляскаетъ“ такъ, что невольно подумаешь: „вотъ такъ сѣкутъ“, а въ дѣйствительности это былъ обманъ, и розга не прикасается даже къ тѣлу. Значитъ, дружба съ цензоромъ приношеніе къ нему гостинцевъ вполнѣ гарантировали ученика отъ сильныхъ ударовъ розгъ. Сѣкли всѣхъ,—слѣдовательно стыдиться кого-либо не было надобности, такъ какъ каждый подлежалъ сѣченію: бывало не такъ скажешь слово, не такъ отвѣтишь на вопросъ, засмѣешься въ классѣ,—и сейчасъ слышится грозное „къ розгамъ“. А то было обычнымъ явленіемъ, что учитель, прійдя въ классъ, первымъ дѣломъ смотрѣлъ въ эрратки: кто записанъ незнающимъ уроки по вѣдомостямъ, того и пороли. Тогда въ обычаѣ было, что лучшіе ученики выслушивали

худшихъ; однимъ словомъ, каждый, прійдя въ классъ, шелъ къ своему аудитору, сдавалъ ему урокъ, а тотъ отмѣчалъ въ эрраткѣ, разграфленной по днямъ, слѣдующія отмѣтки: „scit“, „nescit“, „erravit“. Всѣ незнающіе должны, до прихода учителя, уйти къ углу, къ печкѣ, и тамъ на колѣняхъ ждать учителя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сѣченія. Кромѣ того, незнающіе урока должны были стоять на колѣняхъ до конца уроковъ и, находясь возлѣ печки или за печкой и за скамьями безъ надзора учителя, играли въ камешки и другія игры и совсѣмъ не слушали, что разсказываетъ учитель. При такомъ хитромъ сѣченіи цензоровъ, мы, я повторяю, почти не боялись розогъ. Иногда бывало такъ, что послѣ сѣченія какой-нибудь шутникъ еще состроитъ особую рожу учителю, всѣ засмѣются, а учитель грозно крикнетъ: „чему смѣются? - всѣ къ розгамъ!“. И пошла всеобщая порка; а первый проказникъ каждому высѣченному опять состроитъ какую-либо гримассу, такъ что неволько разсмѣешься,—и такъ весело пройдетъ время, что не замѣтишь, какъ зазвонитъ желанный колокольчикъ. Въ 1857 г. прошла по училищу молва, что инспектора Ельчукова переводятъ въ Лубенское духовное училище, а къ намъ назначается инспекторъ „грозный“ Заушкевичъ изъ г. Умани. Хотя мы привыкли къ розгамъ, и, какъ я уже сказалъ, сѣченіе для насъ неособенно было тяжело, но грозы боялись тѣмъ болѣе, что имѣли глупость вѣрить нелѣпымъ слухамъ, будто бы Заушкевичъ засѣкалъ на вѣки,—подъ розгами ученики умирали. Мы еще были дѣтьми, хотѣлось жить, и потому слухъ о назначеніи Заушкевича пришелся намъ не по вкусу; но не намъ было разсуждать, и мы ждали грозы.

Инспекторъ Ельчуковъ преподавалъ церковную и русскую исторію и греческій языкъ. Человѣкъ онъ былъ холостой, добродушный, скромный, серьезный; нужно сказать, что ученики не боялись его: преподавалъ онъ свои предметы по тому времени превосходно, и ученики учились, какъ могли. Правда, что и онъ сѣкъ, но все это производилось такъ по-отечески, что не возбуждало никакихъ особенныхъ жалобъ въ ученикахъ.

Помню, что ученики даже злоупотребляли добротою и серьезностью Ельчукова: вызоветъ, бывало, ученика, а тотъ и начнетъ читать исторію о Петрѣ Великомъ и тутъ же переведетъ на молитвы. Скоро слухъ о переводѣ Ельчукова оправдался, и мы проводили его изъ училища съ плачемъ. Помню,—въ день выѣзда Ельчукова не было классовъ, и всѣ ученики собрались въ училище и при выѣздѣ въ рядахъ по классамъ шли за повозкой и плакали, а Ельчуковъ, видя нашъ плачъ, самъ прослезился, на каждомъ шагу оборачивался къ намъ, плакалъ, а мы навзрыдъ рыдали. Провели мы такъ его съ версту за училище, поцѣловали каждый изъ учениковъ его въ руки и простились на вѣки. Во второй половинѣ 50 годовъ начало уже вѣять новымъ духомъ; въ педагогикѣ сталъ господствующимъ взглядъ, что розги—зло для молодежи, что розги убиваютъ всѣ лучшія и дорогія нравственныя чувства, ожесточаютъ ученика и дѣлаютъ изъ него не будущаго честнаго дѣятеля, а врага человѣчеству. Подъ вліяніемъ такого взгляда, высшее начальство уже преслѣдовало грозныхъ учителей и инспекторовъ, воспрещало наказаніе учениковъ розгами. Когда наступили новыя времена и послѣдовали даже распоряженія о смягченіи наказаній, то въ числѣ учителей появилась молодежь, какъ напримѣръ Иванъ Константиновичъ Максимовичъ, Иванъ Семеновичъ Левицкій, которые не только стали избѣгать ежечаснаго сѣченія, но даже проповѣдывали полное уничтоженіе розогъ, стали ученикамъ высшихъ классовъ говорить „вы". Въ это то переходное время, за жестокости въ дух. училищѣ въ г. Умани, Заушкевичъ былъ назначенъ инспекторомъ Богуславскаго училища. Помню, что предъ пріѣздомъ его стали мы собирать свѣдѣнія о личности его, характерѣ, что ему не нравится, какъ и чѣмъ избѣгать его гоненій и наказаній; нѣкоторыя свѣдѣнія мы получили. Вотъ эти свѣдѣнія: 1) называть нужно всегда его дядькомъ; 2) если кто изъ учениковъ попался въ его руки за какой нибудь проступокъ, то долженъ стараться уйти, потому что, прійдя въ раздраженіе, онъ выходилъ изъ себя, дѣлался бѣшенымъ и въ это время могъ и убить; 3) въ классѣ сидѣть смирно, не шумѣть, слушать и, Боже сохрани, не смѣяться; 4) избѣгать встрѣчи

съ нимъ, гдѣ бы то ни было, но въ крайности, при встрѣчѣ, сворачивать далеко и избѣгать имѣть при себѣ какой-либо предметъ кромѣ книги; 5) отвѣчать ему на вопросы по возможности лаконично, волосы очень низко стричь, бороду брить, ходить чисто и опрятно. Зная на первыхъ порахъ эти несложныя требованія, мы затаили духъ и ждали грозы. О Заушкевичѣ у насъ были свѣдѣнія, что онъ самъ сѣчетъ, носитъ при себѣ всегда лозы, и лозы ужасныя, бьетъ безъ пощады,—вотъ это и страшило насъ. Боялись его мы, а наши цензора при немъ совсѣмъ потеряли свой престижъ, что было для большинства такъ неутѣшительно. Узнавъ вполнѣ привычки и характеръ Заушкевича, мы ждали его съ замираніемъ сердца. Помню, въ концѣ 1858 года пошла по училищу вѣсть, что ночью пріѣхалъ Заушкевичъ. Первый вопросъ у каждаго изъ насъ былъ: „а видѣлъ Заушкевича, каковъ онъ?". Теперь я хорошо помню его грозную фигуру, которая никогда не забудется. Роста онъ былъ высокаго, брюнетъ съ небольшою просѣдью, лице заросшее, съ громадными баками; волоса стригъ по возможности низко. Одѣтъ былъ въ черное поношенное пальто; на головѣ былъ картузъ съ кокардой. Пошелъ Заушкевичъ въ высшее отдѣленіе,— и сейчасъ зазвучалъ его сильный, громкій голосъ. Въ обычаѣ въ то время было, что новый наставникъ входилъ въ классъ въ сопровожденіи смотрителя, который указывалъ ученикамъ, „что волею начальства предстоящій предъ вами господинъ N назначенъ учителемъ: слушайтесь его,—учитесь". Учитель въ свою очередь говорилъ маленькую рѣчь, и на этомъ оканчивалось знакомство. Явка новаго учителя была для насъ тѣмъ пріятна, что въ первый урокъ не было сѣченія; учитель говорилъ что либо по своему предмету, а затѣмъ уже въ слѣдующій урокъ все входило въ обычную колею. Заушкевичъ вошелъ въ классъ безъ рекомендаціи, сразу сталъ спрашивать, какъ каждаго фамилія; одного ученика спросилъ: „какъ зовутъ твоего отца?". Тотъ отвѣтилъ, а Заушкевичъ сказалъ, „онъ мой товарищъ, вмѣстѣ окончили курсъ семинаріи. Скажи, чтобы, по пріѣздѣ, зашелъ ко мнѣ и привезъ овса". Было написано ученикомъ сейчасъ письмо отцу,—и овесъ

былъ доставленъ. Заушкевичъ, осмотрѣвъ всѣ наши головы, многимъ приказалъ остричься, а одному, имѣвшему очень длинные волоса, приказалъ прійдти къ нему,—онъ его самъ острижетъ. Слыхали мы, что значитъ стрижка Заушкевича; онъ, бывало, положитъ ученика на порогъ двери и топоромъ отрубитъ волоса. Парикмахеръ у насъ былъ свой, такъ-что злополучный ученикъ, сейчасъ послѣ класса, остригъ волосы и явился къ Заушкевичу совсѣмъ подстриженнымъ, чѣмъ и предупредилъ грозную стрижку. Въ дѣйствительности онъ не былъ такимъ грознымъ, какъ передавали; правда, онъ требовалъ почти военной выправки въ сидѣніи въ классѣ; наблюдалъ, чтобы безънужды никто не вертѣлся и сидѣлъ скромно. За шалости и незнаніе уроковъ Заушкевичъ приказывалъ выйти на середину класса и бить поклоны, что было довольно картинно. Заушкевичъ, какъ я упомянулъ, преподавалъ греческій языкъ и даже въ моемъ классѣ учредилъ внѣклассныя занятія безплатно. Во время этихъ классовъ, Заушкекичъ разъяснялъ намъ грамматическія правила греческаго языка, репетировалъ въ классѣ и вообще употреблялъ всѣ средства, чтобы ученики изучали и знали греческій языкъ, какъ требовалось программою. Квартира Заушкевича какъ разъ находилась противъ училища, гдѣ теперь теплая монастырская церковь. Онъ, бывало, выйдетъ изъ своей квартиры и, стоя подъ заборомъ, наблюдаетъ, что и гдѣ ученики дѣлаютъ. Квартиры учениковъ были расположены по скатамъ горы, и каждое движеніе ученика было видно инспектору; если онъ, бывало, крикнетъ своимъ громкимъ голосомъ, или войдетъ въ какую квартиру, то плохо приходилось виновному: сейчасъ лоза пойдетъ по плечамъ бѣднаго ученика. Недобрымъ показался намъ Дмитрій Матвѣевичъ Заушкевичъ вотъ за что: лѣтомъ, обыкновенно, до его назначенія, намъ разрѣшали купаться въ рѣкѣ Роси днемъ, подъ наблюденіемъ помощника инспектора, нѣсколько разъ. Рѣка Рось каменистая: по берегу ея и на днѣ камень, вода чистая, здоровая и по мѣстамъ разной глубины. Рось возлѣ монастыря имѣетъ видъ довольно широкой рѣки, течетъ плавно, но быстро; до пороговъ и выше

пороговъ мѣсто нарочно было отведено для купанья учениковъ. Сначала съ берега было неглубоко, и тамъ купались маленькіе ученики отъ 9 до 12 лѣтъ, гдѣ они начинали учиться плавать; выше же купались, большіе ученики средняго отдѣленія; а съ камня, гдѣ глубина большая, тамъ купались ученики высшаго отдѣленія, хорошіе пловцы. При мнѣ не было случая, чтобы кто нибудь изъ учениковъ утонулъ въ р. Роси, такъ какъ позволялось купаться не иначе какъ подъ надзоромъ инспектора или его помощника. Но Заушкевичъ совсѣмъ не позволилъ намъ купаться; ученики, однажды, собравшись въ классѣ, всѣ единодушно просили его разрѣшить купаться, но онъ сказалъ: „разрѣшаю въ іюлѣ", т. е. во время каникулъ. Ну и стали мы купаться тайно, а Заушкевичъ старался ловить учениковъ на мѣстѣ преступленія, благодаря чему произошелъ такой случай. Одинъ ученикъ ночью въ сапогахъ и въ одномъ бѣльѣ побѣжалъ съ товарищемъ купаться; товарищъ былъ также только въ бѣльѣ. Только-что они раздѣлись и начали купаться и плавать, какъ, вѣроятно, плескъ воды привлекъ къ нимъ Заушкевича. Онъ, какъ громъ, загремѣлъ надъ ними: „вылѣзай—кто тамъ!" Ученики голову въ воду и молчатъ, а онъ стоитъ надъ ними, (знали они что онъ не будетъ раздѣваться). Онъ кричалъ, а они пользуясь, моментомъ, высовывали головы изъ воды, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, а послѣ опять въ воду и молчали. Надоѣло ему надъ ними стоять, замѣтилъ онъ бѣлье учениковъ, взялъ его и пошелъ домой. Вышли они изъ воды, пришли домой въ томъ видѣ, какъ мать породила, понятно шли уже въ квартиру не черезъ двери, а черезъ окна, надѣли новое бѣлье и стали думать, что дѣлать далѣе. Бѣлья не жаль было—можно было отъ него отказаться, но Заушкевичъ взялъ сапоги, которые были у ученика одни, значитъ, нельзя было пойти въ классъ, а денегъ не было, чтобы купить новые. А вѣдь это не шутка: можно было надѣяться получить большое количество розогъ! Одинъ изъ учениковъ думалъ-думалъ, какъ пособить горю, и пришла ему счастливая мысль обратиться къ кучеру Заушкевича, не пособитъ ли онъ чѣмъ-нибудь ему. Заушкевичъ держалъ пару прекрас-

ныхъ вороныхъ лошадей, а кучеръ его въ бѣдахъ помогалъ ученикамъ. И вотъ кое-какъ одѣвшись, пошелъ ученикъ въ конюшню Заушкевича; кучеръ былъ тамъ—онъ къ нему.—„Эй, Захаръ!—пособи, бѣда!—попался въ лапы къ дядькѣ; купался, а онъ бѣлье забралъ",—и сунулъ ему гривеникъ. Захаръ подумавъ, взялъ гривенникъ, пошелъ въ комнаты и сейчасъ-же вынесъ одежду и сапоги; оказалось, что Заушкевичъ, прійдя домой, бросилъ бѣлье въ прихожей; горничная тайкомъ передала его кучеру, а кучеръ ученику; получивъ свою одежду, ученикъ, не помня себя отъ радости, прибѣжалъ домой. „А что,—спросили товарищи,—бѣлье есть?",—„И бѣлье, и сапоги". Заушкевичъ послѣ и не вспоминалъ о бѣльѣ, а ученики по прежнему купались ночью, но только ходили въ однѣхъ рубахахъ, прятали ихъ въ кусты, и если приходилъ Заушкевичъ, то, не найдя бѣлья, шелъ далѣе. Иногда Заушкевичъ проявлялъ свою жестокость по совершенно пустымъ дѣламъ. Помню я, 12 іюня одинъ мой товарищъ Онуфрій К—скій былъ именинникъ; ученики по приходѣ въ классъ стали его поздравлять; онъ имѣлъ въ карманѣ стручки гороху и сталъ раздавать ученикамъ. Естественно,—каждый кричалъ: „дай мнѣ, дай мнѣ", и подняли шумъ. Заушкевичъ, идя возлѣ класса, услыхалъ шумъ, послалъ ученика узнать, отчего шумъ въ среднемъ отдѣленіи,—тотъ донесъ, что ученикъ-именинникъ раздавалъ стручки гороха. Вошелъ въ классъ Заушкевичъ страшно сердитый, „кто именинникъ"? Несчастный Онуфрій К—скій всталъ, а Заушкевичъ сказалъ: „къ розгамъ! дать ему 2 розги!" Но у Заушкевича все было на оборотъ: если скажетъ 200 розогъ, то ученикъ доволенъ—т. к. дадутъ 2 или 3 розги, и прекратятъ, но если скажетъ дать одну или 2 розги, значитъ „пропалъ человѣкъ". Жутко намъ стало за именинника; когда бы сталъ его цензоръ¹ бить, это еще бы ничего; но подошелъ самъ Заушкевичъ и сталъ поправлять, и слѣды его ударовъ скоро отпечатлѣлись на тѣлѣ несчастнаго. Довольно сказать, что его замертво отнесли на квартиру, и лежалъ онъ больной болѣе мѣсяца. Смотритель училища игуменъ Ѳеодоръ узналъ объ этомъ, лечилъ его и, говорятъ, серьезно напугалъ Заушкевича,

сказавъ ему, что при ухудшеніи въ здоровьи ученика донесетъ начальству. Заушкевичъ струсилъ, но ученикъ началъ поправляться, и все прошло благополучно. Съ Заушкевичемъ была продѣлана однимъ ученикомъ Радзивиловскимъ слѣдующая шутка: Заушкевичъ не могъ слушать, если ученикъ нетвердо выговаривалъ греческія буквы „*е* и *л*". Радзивиловскаго за шалости и незнаніе уроковъ Заушкевичъ каждый урокъ билъ лозой, рукою, а иногда и сѣкъ. Надоѣла Радзивиловскому такая внимательность Заушкевича. Однажды Заушкевичъ вызвалъ Радзивиловскаго и кричитъ: „читай изъ Евангелія такую-то главу!" Радзивиловскій вмѣсто твердаго произношенія умышленно читаетъ по гречески „*лего*", а не „*лэго*"; мы всѣ знали ужасную отвѣтственность за это и выпучили глаза на Радзивиловскаго, не понимая, что онъ думаетъ и что будетъ съ нимъ. Заушкевичъ крикнулъ: „какъ!" Радзивиловскій еще явственнѣе и протяжнѣе читаетъ „лего". Мы смотримъ, а Заушкевичъ изъ-за стола бѣжитъ прямо къ Радзивиловскому съ выпученными глазами и бѣшенствомъ, и только что крикнулъ „какъ" и хотѣлъ его схватить, какъ Радзивиловскій обернулъ ловко листкомъ и нюхательнымъ табакомъ засыпалъ ему глаза. Заушкевичъ остолбенѣлъ, а мы всѣ зашумѣли. У Заушкевича все лицо сдѣлалось багрово; сталъ онъ уходить изъ класса, а ученики—тотъ щипнетъ его, а тотъ укуситъ, такъ что едва вышелъ онъ изъ класса. На другой день мы ждали грозы, но онъ не вспомнилъ, а Радзивиловскаго больше не вызывалъ. Въ 1859 г., весною, Заушкевичъ оставилъ наше училище и перешелъ опять въ Уманское училище, гдѣ былъ его домъ и гдѣ онъ привыкъ изстари служить. Выѣзжая онъ не прощался съ учениками и такъ внезапно выѣхалъ, какъ и въѣхалъ. Въ 1859 г. въ маѣ мѣсяцѣ посѣтилъ наше училище митрополитъ Исидоръ съ о. Крамаревымъ. Мы Высокопреосвященнаго Владыку встрѣтили на дворѣ, возлѣ училища; онъ насъ благословилъ, приказалъ идти въ классъ, а самъ отправился въ монастырскую церковь. По отзывамъ бывшихъ въ церкви, Владыка остался недоволенъ какими-то безпорядками въ церкви и очень сердитый пріѣхалъ къ намъ въ

классы. Въ среднемъ отдѣленіи, гдѣ я былъ, онъ спросилъ одного ученика: „кто изъ евреевъ, вышедшихъ изъ Египта, привелъ въ обѣтованную землю“? Тотъ не отвѣтилъ, онъ ко мнѣ; я сказалъ: „Іисусъ Навинъ.—Кто другой?—Я забылъ. Затѣмъ онъ началъ допрашивать насъ, не холодно ли зимою въ нашихъ классахъ, топятъ-ли, не обижаютъ-ли насъ смотритель и учителя? Мы отвѣтили, что въ классахъ не холодно, печки топятъ и начальство не обижаетъ. Владыка недолго былъ въ училищѣ и скоро совсѣмъ выѣхалъ. Въ томъ же году пріѣхалъ къ намъ въ училище ревизоръ Ѳеофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ, профессоръ Кіевской семинаріи. Самъ онъ былъ воспитанникъ Богуславскаго училища и потому чувствовалъ всегда симпатію къ этому училищу. Прибывъ въ училище, Лебединцевъ остановился въ квартирѣ смотрителя Игумена Ѳеодора, сталъ съ нимъ посѣщать классы. Затѣмъ начались экзамены. Далъ онъ намъ темы для перевода съ латинскаго языка, предложилъ составленіе разныхъ предложеній и сталъ на экзаменахъ строго спрашивать по всѣмъ предметамъ. Но преподаваніе у насъ велось хорошо подъ руководствомъ смотрителя Ѳеодора, и мы, ученики, отвѣчали вполнѣ удовлетворительно, такъ-что Лебединцевъ остался доволенъ такими занятіями и умственнымъ развитіемъ учениковъ. Посѣщая церковь во время экзаменовъ, Лебединцевъ обратилъ вниманіе на то, что одинъ изъ учениковъ высшаго отдѣленія И. Л—скій превосходно пѣлъ въ хорѣ теноромъ. Ѳ. Г. Лебединцевъ спросилъ, „какъ его фамилія и какіе у него успѣхи“? Смотритель училища и учителя отвѣтили: „ученикъ этотъ предназначенъ къ исключенію; онъ не занимался въ теченіе цѣлаго года, не ходилъ часто въ классы, и въ училищѣ былъ нетерпимъ“. Лебединцевъ сказалъ: „рѣдкій у него голосъ; жаль, если такой ученикъ пойдетъ въ дьячки; беру я его подъ свое покровительство и переведу въ семинарію“. На экзаменѣ Ѳ. Г. Лебединцевъ обращалъ вниманіе на способности этого ученика. Дошли эти свѣдѣнія до самого ученика, и онъ считалъ было уже себя погибшимъ, но при вниманіи къ себѣ ревизора сталъ заниматься и кое-что отвѣчать, такъ-что Лебединцевъ перевелъ его въ

семинарію. Лебединцевъ совѣтовалъ ему пѣть въ семинарскомъ хорѣ, обѣщалъ принять на казенное содержаніе. Кажется, —послѣ смерти отца, еще въ училищѣ, ученикъ этотъ переста.лъ учиться, но перешелъ въ архіерейскій хоръ и плохо учился въ семинаріи; Лебединцевъ ему протежировалъ. Впрочемъ, какъ мнѣ извѣстно, ученика этого послѣ увольнили и изъ семинаріи.

П. Клебановскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

БАТУРИНЪ.

(Изъ путевыхъ впечатлѣній).

Ты знаешь край, гдѣ Сеймъ печально воды
Межъ береговъ осиротѣлыхъ льетъ?
Надъ нимъ дворца разрушенные своды,
Густой травой давно заросшій входъ,
Надъ дверью щитъ съ гетманской булавою.
Туда, туда стремлюся я душою.

Гр. А. Толстой.

Былъ жаркій іюльскій день, когда я, вмѣстѣ съ двумя юными спутниками, по Конотопской дорогѣ приближался къ бывшей столицѣ Малороссіи, встрѣчая по пути преимущественно экипажи съ офицерами, направлявшимися изъ Батурина на желѣзную дорогу. Версты за три до мѣстечка стали виднѣться верхушки Батуринскихъ церквей и другихъ построекъ, а затѣмъ впереди ихъ, съ правой стороны, намъ бросилось въ глаза полуразвалившееся каменное зданіе безъ крыши.—Что это такое?, спросилъ я извощика.—„Тепловка",—отвѣтилъ онъ.

Продолжая путь дальше и минуя лагерь, расположенный влѣво отъ дороги, мы увидѣли на противоположной сторонѣ ея, немного ближе къ Батурину, другое мѣсто, которое не можетъ не остановить вниманія каждаго любознательнаго туриста. Называется оно теперь „*городкомъ*"; это—бывшая усадьба гетмана Мазепы. Она была пріобрѣтена отъ казны извѣстнымъ пчеловодомъ С. П. Великданомъ, который здѣсь помѣщалъ часть своей пасѣки. По смерти его, эта усадьба, вмѣстѣ съ прочимъ имѣніемъ Великдана, была куплена съ публичныхъ торговъ евреемъ Юдовичемъ.

Прилегая къ почтовой дорогѣ, Мазепинская усадьба занимаетъ площадь въ 8 дес. 716 саж. Съ одной стороны она обрывается крутымъ спускомъ, обращеннымъ къ лугу, по которому протекаетъ Сеймъ, а съ трехъ остальныхъ сторонъ окружена глубокимъ рвомъ съ возвышающимся надъ нимъ валомъ, осунувшимся отъ времени. Это—тотъ валъ, о которомъ Кочубей въ своемъ доносѣ, упрекая Мазепу въ томъ, что послѣдній не заботится о починкахъ и укрѣпленіи Батурина, чего ради „валы около него осунулися и обвалилися“, почему „и одного дня непріятельскаго наступленія отсидѣться невозможо“,—писалъ дальше: „а подворокъ свой Гончаровку [1]) обнести велѣлъ знатнымъ валомъ для якоись невѣдомои причины [2])“. Вѣроятно, этотъ устроенный Мазепою валъ, придавшій усадьбѣ видъ старинныхъ укрѣпленій, и былъ причиною того, что впослѣдствіи ее стали называть „городкомъ“. Притомъ надо думать, что во времена Мазепы усадьба эта дѣйствительно была укрѣплена, на что, кромѣ вала и рвовъ, указываютъ разсказы мѣстныхъ жителей о томъ, что въ старые годы здѣсь находили обломки пушекъ.

Внутри вала вся площадь усадьбы поросла фруктовыми и другими деревьями, посаженными и выращенными, очевидно, уже въ позднѣйшее время. Изъ исторіи извѣстно, что когда въ Ноябрѣ 1708 г. Батуринъ былъ взятъ Меншиковымъ, то усадьба Мазепы, вмѣстѣ съ большею частію Батуринскихъ построекъ, была разорена; въ описи Батурина, сдѣланной черезъ 17 лѣтъ послѣ того, именно въ 1726 г., передъ отдачею Батуринской волости Меншикову, дворъ Мазепы описывался такимъ образомъ: „въ ономъ дворѣ каменныя палаты пустыя и разбитыя; тамъ-же церковь деревянная цѣла съ нѣкоторой частью иконостаса; въ ономъ дворѣ гай березовый и около его поле пахотное“. Отъ стариковъ намъ приходилось слышать, что въ давніе годы они видѣли развалины дома Мазепы съ одною изъ

---

[1]) „Гончаровкою“ Кочубей назвалъ усадьбу Мазепы потому, что она прилегаетъ къ слободѣ Гончаровской.

[2]) Источники Малороссійской Исторіи Бантышъ-Каменскаго I, 106.

стѣнъ его, уцѣлѣвшею среди развалинъ [1]). Въ настоящее время отъ существовавшей въ усадьбѣ Мазепы деревянной церкви не сохранилось никакихъ слѣдовъ, такъ что и нельзя опредѣлить, гдѣ именно она стояла; а отъ бывшаго дома Мазепы остались лишь находящіяся въ землѣ части каменнаго фундамента да груды мусора и мелкихъ камней, роясь въ которыхъ мы нашли обломокъ печного изразца съ хорошо сохранившимися рельефными украшеніями. Въ близкомъ разстояніи отъ остатковъ фундамента, обозначающихъ положеніе дома, находится яма, имѣющая форму глубокаго рва длиною сажени въ три, а шириною—въ сажень съ лишнимъ; въ продольныхъ стѣнкахъ этого рва сохранились остатки каменной кладки, а въ одной изъ поперечныхъ стѣнокъ изъ подъ земли видѣнъ каменный сводъ, довольно узкій, какіе дѣлались надъ входами; былъ ли это погребъ или подвальное помѣщеніе какого нибудь другого зданія,— не можемъ опредѣлить.

---

[1]) Въ журналѣ „Пчела“ (1876 г. № 16) А. Праховымъ былъ помѣщенъ рисунокъ Т. Г. Шевченка съ подписью: „Развалины дворца Мазепы въ Батуринѣ“, изображающій небольшихъ размѣровъ зданіе, въ которое ведетъ устроенная въ передней стѣнѣ широкая арка, по сторонамъ которой видны два забитыхъ окна, а чрезъ эту арку, въ противоположной стѣнѣ, видна другая такая же арка, третья стѣна имѣетъ третью арку (четвертой стѣны на рисункѣ не видно); въ близкомъ разстояніи отъ зданія стоитъ каменный столбъ, отъ котораго идетъ чугунная рѣшетка. Разсказы стариковъ, которыхъ мы разспрашивали, не подтверждаютъ существованія въ Мазепинской усадьбѣ ни такого зданія, ни чугунныхъ рѣшетокъ въ то время, когда эту усадьбу могъ посѣщать Шевченко; притомъ, по своему виду, это зданіе представляетъ собою скорѣе какую-то бесѣдку, чѣмъ жилой домъ. Очевидно, при помѣщеніи въ журналѣ рисунка, въ вышеприведенной подписи была допущена ошибка, подобная той, которая была указана въ Кіевской Старинѣ (1890 г. № 3), въ замѣткѣ г. А. Л., относительно другаго помѣщеннаго въ Пчелѣ рисунка, приписаннаго Шевченку и изображающаго будтобы развалины дома Богдана Хмельницкаго въ Субботовѣ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ этотъ рисунокъ изображаетъ развалины, сиществующія въ паркѣ В. В. Тарновскаго въ Качановкѣ. Здѣсь будетъ кстати упомянуть еще объ одной ошибочной подписи подъ рисункомъ. Въ Львовской „Зорѣ“ этого года (№ 4) помѣщенъ рисунокъ съ подписью: „Резиденція гетьмана Петра Дорошенка въ Батурини“, изображающій большой каменный двухъэтажный домъ съ башнями, стоящій надъ озеромъ или прудомъ, а за нимъ видны ґоры. Ничего подобнаго въ Батуринѣ нѣтъ, а „резиденціи“ Дорошенка въ немъ и быть не могло, такъ какъ Дорошенко никогда не жилъ въ Батуринѣ.

Какъ видно по расположенію упомянутыхъ отатковъ фундамента, домъ Мазепы стоялъ надъ обрывомъ къ Сейму. Съ этого мѣста открывается красивый видъ на очень широкій лугъ, среди котораго извивается Сеймъ и который въ длину тянется безъ конца, и на лѣса и деревни, расположенныя на противоположномъ берегу Сейма, а съ этой стороны рѣки,влѣво, виднѣется часть Батурина. Усѣвшись здѣсь на травѣ надъ обрывомъ, мы не могли не засмотрѣться на этотъ видъ, между тѣмъ какъ мысль отъ предметовъ окружающихъ уносила насъ въ далекое прошлое. Можетъ быть, думалось, на этомъ самомъ мѣстѣ, любуясь этимъ видомъ, сѣдой гетманъ нашептывалъ своей Мотрѣ слова любви; можетъ быть, здѣсь онъ обдумывалъ тѣ замыслы, которые повели къ соединенію его съ шведами; это самое мѣсто разумѣлъ Пушкинъ, помѣщая въ своей поэмѣ извѣстное описаніе:

„Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не можетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Но мрачны странныя мечты
Въ душѣ Мазепы: звѣзды ночи,
Какъ обвинительные очи,
За нимъ насмѣшливо глядятъ,
И тополи, стѣснившись въ рядъ,
Качая тихо головою,
Какъ судьи, шепчутъ межъ собою.

И теперь, около насъ, деревья шептали своими листьями, и намъ казалось, что они шепчутъ о минувшемъ, о томъ, что было когда-то и не воротится.

Не хотѣлось отвести глаза отъ красиваго вида, на который мы смотрѣли, но нужно было уходить, чтобъ продолжать путь дальше. Среди сада мы увидѣли шалашъ, у котораго стояли два мальчика. На вопросъ о томъ, что они здѣсь дѣлаютъ, они отвѣчали:

— Стережемо яблуки.

— Чіи? Юдовича?

— Ни, офицеръ, купивъ

— Якій офицеръ?

— Не знаемо.

Такъ мы и не могли узнать, о какомъ офицерѣ идетъ рѣчь и купилъ ли онъ усадьбу Юдовича, или только растущіе на деревьяхъ фрукты.

Вышедши изъ усадьбы и подвигаясь къ Батурину, мы въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ границы „городка" увидѣли остатки стариннаго каменнаго моста, переброшеннаго черезъ высохшій ручей и построеннаго, какъ мы слышали, гетманомъ Разумовскимъ; а сдѣлавъ около полуверсты, мы приблизились къ расположенной на окраинѣ Батурина Тепловкѣ, носящей такое названіе потому, что прежде это мѣсто принадлежало Г. Н. Теплову, отъ котораго было пріобрѣтено К. Г. Разумовскимъ.

Также какъ и усадьба Мазепы, Тепловка расположена надъ крутымъ спускомъ, обращеннымъ къ Сейму, который въ этомъ мѣстѣ приближается къ крутому берегу, вслѣдствіе чего видъ отсюда еще живописнѣе, чѣмъ изъ Мазепина городка, и Батуринъ отсюда видѣнъ гораздо лучше. Тепловъ умѣлъ выбрать мѣсто для своей усадьбы. Странное впечатлѣніе производитъ въ настоящее время эта усадьба съ роскошно устроеннымъ домомъ, въ которомъ никто никогда не жилъ, изъ котораго не было сдѣлано никакого употребленія и который какъ будто бы былъ возведенъ для того, чтобы вслѣдъ за окончаніемъ постройки началось разрушеніе, какъ будто бы эта картинная декорація нужна была Батурину для того, чтобъ красивыми развалинами напоминать о прошломъ великолѣпіи.

Усадьба заключаетъ въ себѣ три каменныхъ зданія. Посрединѣ, фронтомъ къ Сейму, возвышается большой трехъэтажный (а если считать съ подвальнымъ этажемъ, то четырехъэтажный) домъ съ красивою колоннадою и балкономъ, обращенными къ Сейму. По обѣимъ сторонамъ этого главнаго дома стоятъ два симметрично расположенныхъ полуразвалившихся двухъэтажныхъ флигеля. За домомъ и флигелями можно видѣть жалкіе остатки сада, заброшеннаго такъ-же, какъ заброшена и вся усадьба. Видъ главнаго дома и одного изъ боковыхъ флигелей по снимку, сдѣланному въ 60-хъ годахъ, былъ помѣщенъ въ „Кіевской Старинѣ" [1]) вмѣстѣ со статьей г. А. Л., къ кото-

[1]) 1890 г. № 11.

рой мы и отсылаемъ читателей, желающихъ ознакомиться съ исторіей устройства Тепловки. Другой видъ этой усадьбы мы видѣли на находящейся въ домѣ Галагана въ Сокиринцахъ картинѣ Лагоріо, превосходно написанной мяслянными красками [1]).

Сравнительно съ тѣмъ состояніемъ, въ какомъ зданія Тепловской усадьбы изображены на картинѣ Лагоріо, и на рисункѣ, помѣшенномъ въ „Кіевской Старинѣ", въ настоящее время эти зданія представляются въ еще болѣе обветшаломъ и близкомъ къ разрушенію видѣ. Крыши на нихъ обвалились, всѣ окна выбиты, всѣ двери выломаны. Верхняя часть парадной лѣстницы, ведущей въ верхній этажъ главнаго дома, и колонна, ее поддерживавшая, обвалились, а другой лѣстницы мы не нашли: если она существовала, то исчезла безслѣдно. Вслѣдствіе того взойти во второй этажъ уже нельзя, хотя проникнуть туда еще возможно, вскарабкавшись (не безъ нѣкотораго риска) черезъ окно, расположенное надъ уцѣлѣвшею частью парадной лѣстницы. Изъ помѣщеннаго въ книгѣ Васильчикова „Семейство Разумовскихъ" описанія Тепловской усадьбы видно, что въ то время, когда составлялось это описаніе (1880 г.), во многихъ комнатахъ главнаго дома еще сохранялись паркетные полы и лѣпныя украшенія; теперь паркета уже не осталось: весь растащили; остатки лѣпныхъ украшеній уцѣлѣли лишь на нѣкоторыхъ потолкахъ. Отъ каменной ограды, которая прежде окружала усадьбу, остались только слѣды, указывающіе на то, что когда-то здѣсь была каменная ограда.

Исчезновеніе разныхъ частей Тепловскихъ построекъ объясняется очень просто: мало-ли для какихъ хозяйственныхъ нуждъ могутъ понадобиться двери, паркетъ, желѣзо, кирпичъ, и отъ мѣстныхъ жителей мы слышали, что многіе батуринцы, когда имъ понадобится строить печи въ своихъ домахъ, отправляются въ оставленную безъ всякаго надзора Тепловку и тамъ выламываютъ кирпичъ для своихъ печей; сначала растащили ка-

[1]) Нельзя не пожалѣть, что эта картина никогда не была воспроизведена въ снимкахъ.

менную ограду, затѣмъ принялись за стѣны боковыхъ флигелей. Въ виду этого нужно ожидать, что, по мѣрѣ того, какъ обитатели Батурина будутъ такимъ образомъ утилизировать постройки Разумовскаго для своихъ надобностей, со временемъ рухнутъ и самыя стѣны, и тогда отъ великолѣпныхъ зданій останутся однѣ груды развалинъ, которыя въ свою очередь, когда растащутъ и ихъ также, какъ растащили весь домъ Мазепы, уступятъ мѣсто грядкамъ картофеля или чему-нибудь подобному.

Если отъ Тепловки продолжать путь къ центру Батурина, то при въѣздѣ въ одну изъ улицъ, съ правой ея стороны, путнику представится старинный каменный одноэтажный домъ, за которымъ видѣнъ старый садъ. Это—бывшая усадьба генеральнаго судьи В. Л. Кочубея. Отъ усадьбы Мазепы она отстоитъ въ разстояніи приблизительно съ версту. Здѣсь домъ, видимо, реставрировался и настолько хорошо поддерживается, что въ немъ и теперь можно жить. Въ настоящее время эта усадьба принадлежитъ Козелецкому предводителю дворянства М. Н. Кочубею.

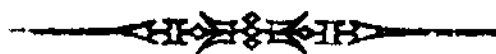
По другой сторонѣ этой же улицы, наискось противъ усадьбы В. Л. Кочубея, ближе къ центру Батурина, можно видѣть старую каменную стѣну, которая не бросается въ глаза, хотя и она говоритъ о прошломъ. Это—часть стѣны, окружавшей гетманскій домъ, въ которомъ жилъ К. Г. Разумовскій и который былъ построенъ вслѣдъ затѣмъ, какъ въ 1740 году было рѣшено перенесть гетманскую резиденцію изъ Глухова въ Батуринъ. Домъ этотъ былъ деревянный, и отъ него не осталось никакихъ слѣдовъ. Не удовлетворяясь этимъ домомъ и задумавъ устроить себѣ болѣе роскошное помѣщеніе, Разумовскій создалъ въ пріобрѣтенной отъ Г. Н. Теплова усадьбѣ тѣ зданія, о которыхъ мы говорили выше и въ которыхъ ему не пришлось жить.

Въѣхавъ, наконецъ, въ самый центръ Батурина, мы увидѣли еще одно зданіе, напомнившее о К. Г. Разумовскомъ; это—построенная имъ Воскресенская церковь, внутрь которой мы, къ сожалѣнію, не могли проникнуть, такъ какъ въ то время она была заперта. Здѣсь, въ этой церкви, покоится прахъ послѣдняго гетмана Малороссіи, надъ которымъ, какъ мы слышали,

воздвигнутъ изящный мраморный памятникъ работы знаменитаго скульптора Кановы.

Мы перечислили всѣ сохранившіеся въ бывшей гетманской резиценціи остатки старины, которые, среди новаго Батурина, напоминаютъ о его прошломъ и наводятъ путника на размышленія о томъ, что tempora mutantur.

Н. Ш—въ..

Дѣтскій Эдемъ до вкушенія плода отъ древа познанія добра и зла.

(ИЗЪ ДѢТСКАГО МІРА ДЕРЕВЕНСКАГО МАЛЬЧИКА).

Тридцать пять лѣтъ назадъ. Малороссія; глухой уѣздъ; захолустье,—село Ярешки; среди села ветхая, мрачная, тесомъ крытая церковь, у паперти тѣнистый величественный кленъ столѣтній; вокругъ церкви—вишни, сливы, груши; на окраинахъ погоста мощные вязы и высокіе стройные бересты; между последними—приземистая, древней архитектуры, круглая и очень широкая „дзвониця“; внутри ея „комора“ для склада церковныхъ вещей и ульевъ съ пчелами на зиму. У погоста чудной ярью-зеленью отливаетъ обросшая зеленымъ мхомъ крыша хаты, вросшей окнами въ землю. Глава семьи, прозябающей подъ этой грибомъ-крышей,—дьячекъ; центромъ же міра сознаетъ себя пятилѣтній мальчикъ этой семьи, у хаты на проѣзжей дорогѣ барахтающійся въ пыли, въ одной рубашенкѣ, опоясанной веревочкой, весь выпачканный въ грязь, въ смолу, съ непокрытой головой, остриженный, какъ овечка: безъ гребня, не гладко, а съ выступами и съ зарубинами и съ чубомъ-гривкой на лбу. Мальчикъ этотъ—я, пишущій эти строки.

Противъ меня черезъ дорогу „паньскій“ садъ фруктовый съ высокой статуей swętego Jana; далѣе стройный рядъ пирамидальныхъ тополей; за ними суровыя развалины мрачнаго „палаца“, гдѣ жилъ сумасшедшій сынъ дидыча, любившій стрѣлять крестьянскихъ дѣвушекъ, чтобы полюбоваться предсмерной конвульсивной агоніей убитыхъ имъ. Южнѣе палаца—боль-

шой домъ эконома Ольшевскаго. Вспоминаются мнѣ Ромце, Гелярко, Миколо и Миля Ольшевскіе; хорты и лягавыя ихъ, охота Ромця съ хортами и лягавыми и съ ружьемъ на паробковъ, крадущихъ груши и яблоки въ саду.—Среди улицы на перекресткѣ дороги „фигура"—крестъ съ рѣзнымъ распятіемъ, съ копьемъ, тростью съ губкою, съ 30 серебренниками на досточкѣ у подножія распятія; „фѣгура осія сооружена во славу Божію коштомъ раба Божія Петра Максымчука Заруднюка року 1854"—значилось вырѣзанными буквами на подножіи креста. Поставлена она на томъ мѣстѣ, гдѣ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ „катовалы" на кобылѣ-эшафотѣ Ивана Бурлаку и Явдоху Когдянку, убившихъ „Дометея", мужа послѣдней, чтобы самимъ повѣнчаться. Южнѣе креста—„ставъ", истокъ рѣчки Каменки, на три четверти заросшій высокимъ очеретомъ-тростникомъ; на ставу островъ съ дикой грушею; кладки для прачекъ. Съ трехъ сторонъ полукругомъ прудъ окаймляется густыми величественными вербами; въ концѣ „става" за „греблей" маленькій повалившійся отъ ветхости „млынъ"; ниже „млына"—крестьянскія „левады"; на нихъ съѣдобные для крестьянскихъ дѣтей корешки и зубчатые листья, нюханіе которыхъ вызывало у насъ дѣтей кровь изъ носа. Прудъ—любимое сборное мѣсто крестьянскихъ дѣтей, почему въ памяти мелькаютъ одно событіе за другимъ изъ дѣтской жизни, связанной съ прудомъ. Я—утопленникъ; живо до сего дня помню пріятныя ощущенія радужнаго отраженія солнца сквозь воду въ моихъ глазахъ, когда я лежалъ въ водѣ, не понимая страха, не испытывая никакого мучительнаго состоянія, одинаково безъ боли во всѣхъ частяхъ тѣла давимый водою. Тутъ же у пруда дѣлались батоги изъ лыкъ сушившейся конопли. Хлопанье этимъ бичемъ, стеганье имъ жабъ, выглядывавшихъ на насъ изъ воды у берега, ловля пьявокъ, прикасавшихся къ нашимъ тѣламъ, ловля карасей „тканыцями" и вьюновъ руками; зимою—дѣланье фатокъ—маленькикъ сѣтей; прорубливаніе ополонокъ—полыньи для ловли фатками карасей и вьюновъ, кишащихъ у прорубей; дѣланье дудочекъ изъ очерета, стрѣлъ съ осмоленными головками, „пискалокъ" изъ рогозы и аира—вотъ наши постоянныя раз-

влеченія у пруда. Вокругъ пруда бѣленькія, низенькія съ маленькими оконцами избы крестьянъ; у каждой хаты непремѣнно вишневый садикъ, съ чернобрывцями, повняками и рожею (мальва) передъ окнами, съ красными головками маку, съ красивыми въ желтомъ цвѣту головами подсолнечниковъ въ огородахъ, съ маленькими хлѣвами для скота и высокими клунями у забора, красиво плетеннаго изъ лозы, или изъ дубовыхъ кольевъ, или вала изъ соломы. Далѣе за селомъ другая экономія съ наглухо заколоченнымъ низкимъ домомъ дидыча и съ домомъ пана Ягушевскаго. Дѣти Ягушевскаго: панъ Мацейко съ „фузіей" на вороной лошади, Базё съ арапникомъ, Пéтрусь на палочкѣ, панна Улюся съ куклами, ея частое хожденіе въ церковь въ бѣлой соломенной шляпѣ, мое засматриваніе на нее съ клироса, мое частое хожденіе вблизи ея дома съ неумѣло скрываемымъ жеданіемъ увидѣть ее; моя пламенная любовь къ ней на десятомъ году моей жизни; вмѣсто писемъ къ ней—рисованье и посылка ей картинки съ женщиною на колѣняхъ у надгробнаго креста, осѣненнаго деревьями; на картинкѣ микроскопическая надпись со стихами моей любви къ ней.

Много раньше, когда мнѣ пошелъ шестой годъ, послѣ науки у отца, я учился латыни вмѣстѣ съ Ягушевскими, Ольшевскими, Билецкими, Магнушевскими въ домѣ шляхтича Колонивськаго въ сборной школѣ, гдѣ учитель былъ полякъ и ученики на половину католики, на половину православные, но русскій—я одинъ. „Розгой—духъ свентый, дзятечки, бицъ радзи",—ежедневно твердилъ намъ учитель. И нерѣдко намъ приходилось испытывать на себѣ дѣйствіе этого духа. Директоръ, такъ мы называли своего учителя, если не было подъ руками готовой розги, пробовалъ на своихъ питомцахъ дѣйствіе арапника; но это случалось съ нимъ только въ минуты особенной вспыльчивости подъ пьяную руку. Не смотря на то, что домы нашихъ родителей были недалѣе ста саженъ отъ школы, полудновали мы въ школѣ, для чего каждому изъ насъ матери клали въ сумку хлѣбъ, сало, чеснокъ, яйца, колбасы, а въ постные дни жареныхъ карасей, а въ субботу—съ набяломъ: яйца, сыръ, масло. Полудновали мы въ 12 часовъ, а обѣ-

дали до прихода въ школу—часовъ въ семь или восемь, такъ какъ въ тѣ времена въ домахъ экономовъ по утрамъ и вечерамъ не пили еще чаю, а держали его для гостей, и то только почтенныхъ, и подавали во всякую пору дня. Въ домѣ же моего отца ни самовара не было, ни чайныхъ приборовъ.

Учились мы отъ утра до вечера безъ перерывовъ для отдыха; только въ полдень, послѣ ѣды, намъ давали полчаса на игры. Вечеромъ, предъ выходомъ изъ школы, всѣ ученики молились Богу, стоя на колѣняхъ со сложенными руками, и клали земные поклоны, а во время чтенія, не помню, какой-то молитвы всѣ падали ницъ. За исключеніемъ меня, всѣ остальные православные ученики, у которыхъ отцы были поляки, а матери православныя, молились по-католически—по польскимъ, молитвенникамъ. По выходѣ изъ школы по домамъ мнѣ, какъ наименьшему по лѣтамъ, часто доставались отъ товарищей пеньки за мои насмѣшки надъ ихъ самохвальствомъ.

Учился я въ этой школѣ не долго и чему тамъ научился—память теперь не подсказываетъ, но шестеро изъ моихъ товарищей достаточно были подготовлены и приняты въ Житомирскую гимназію. Два изъ нихъ, Мацейко и Базыль Ягушевскіе, дошли до 5 класса гимназіи и тѣмъ покончили свое образованіе; теперь оба они смотрителями почтовыхъ станцій пограничныхъ; третій—Гелярко Ольшевскій окончилъ Кіевскій университетъ и былъ въ Сквирѣ частнымъ повѣреннымъ; теперь онъ умеръ. Родной братъ послѣдняго, недоучившійся въ гимназіи, былъ акцизнымъ надзирателемъ и распился до того, что умеръ нищимъ попрошайкою; лучшій же другъ моего дѣтства и товарищъ въ школѣ директора и на улицѣ въ дѣтскихъ играхъ, Франё Звѣрховскій, по выходѣ изъ гимназіи погибъ въ рядахъ польскихъ повстанцевъ.

Грустно становится на душѣ, когда призадумаюсь надъ тѣмъ, что за какіе либо 30 лѣтъ я и всѣ мои товарищи дѣтства, равно и ихъ отцы, расползлись изъ родного села; только священникъ, да отецъ мой не покинули родины, а вблизи церкви, которой служилъ отецъ мой 32 года, почиваютъ мирно.

А между тѣмъ эти польскія семейства „панували" лѣтъ по 20 въ селѣ Ярешкахъ и жили какъ между собою, такъ и съ моимъ отцомъ и съ о. Григоріемъ Мотылевичемъ очень дружно. Память рисуетъ мнѣ, хотя и слабо, нѣсколько картинокъ изъ этихъ сосѣдскихъ отношеній.

Весна. 23 апрѣля—день Юрья—народный земледѣльческій праздникъ; всенощное бдѣніе въ церкви; торжественная литургія; скорый обѣдъ. Отецъ, мать и я съ маленькимъ братомъ несемъ узлы съ хлѣбомъ, саломъ, чеснокомъ, колбасами и красными яйцами; у отца въ карманѣ бутылка водки. Идемъ на зеленыя поля—смотрѣть на всходы жита, пшеницы и качаться по зеленой и мягкой муравѣ ихъ. На каждомъ полевомъ участкѣ крестьянинъ всей семьею пируетъ и качается по зеленому ковру жита и пшеницы. Вдали на полѣ палатка „орендара" съ бочками водки и краснаго сладкаго пива; тамъ-же слышна троиста музыка: цымбалы, скрипка и решето. Не успѣлъ еще отецъ съ матерью, послѣ осмотра вдоль и поперегъ своего поля, и чарки горилки выпить, а мы дѣти еще не накачались вдоволь по зеленой травкѣ-муравкѣ, какъ прискакалъ къ намъ на прекрасной лошади панычъ Мацѣйко, старшій сынъ пана эконома Ягушевскаго, съ приглашеніемъ отъ пановъ присоединиться къ ихъ компаніи въ лѣсу. Идемъ. День теплый, солнечный, радостный; воздухъ оглашается крикомъ чаекъ и чудной звонкой и серебристой трелью жаворонка. Вся природа веселится и празднуетъ весну. Въ дубовомъ лѣсу, едва распустившемъ листья, на полянѣ разложенъ костеръ, дымъ столбомъ высоко тянется къ небу, у костра горшки и сковороды, въ сторонѣ подъ дубомъ самоваръ шумитъ, вокругъ него батюшка съ матушкой и съ панной Надей, панъ Ольшевскій съ женою и съ панною Милей, панъ Ягушевскій съ двумя паннами, пани Ягушевская у костра, пани Звѣрховская съ Франемъ, своимъ коханнымъ дзѣцкомъ, тамъ же. Подъ дубомъ ружья, на сукахъ дуба пороховницы и рога; нѣсколько въ сторонѣ три брички, далѣе лошади упряжныя похрапывая пасутся. Панычи собирали букеты изъ первыхъ цвѣтовъ весны для своихъ панянокъ. Въ кругу отцовъ по поводу прибытія пана реенція и регентовой шла круговая

чарка. Рѣчь шла у нихъ о какихъ-то лѣсахъ, полныхъ кладовъ, погребахъ съ порохомъ и ружьями, о какихъ-то славныхъ битвахъ съ хлопами и москалями. Слушая эти разсказы, я съ нѣкоторымъ страхомъ озирался по сторонамъ лѣса, всматривался въ глубину его и искалъ своимъ живымъ дѣтскимъ воображеніемъ воюющихъ; тѣмъ болѣе, что и выстрѣлы паничей помогали моему воображенію. Паничи гарцовали на лошадяхъ въ виду своихъ панянокъ, старшіе изъ нихъ даже съ ружьями. Я же не только не гарцовалъ съ ними на лошади, но даже не ѣздилъ еще никогда верхомъ на лошади, а только на рогатомъ баранѣ, а потому теперь съ завистію смотрѣлъ на верховцевъ. Франё, первый другъ моего сердца, постоянный товарищъ моихъ игръ на улицѣ, предложилъ искать птичьихъ гнѣздъ въ дуплахъ дубовъ, и мы съ увлеченіемъ покарабкались на дубы, лазили по нимъ, но не нашли ничего. Память далѣе ничего не рисуетъ мнѣ; вѣроятнѣе всего, что я уснулъ тамъ же, утомившись бѣготнею и впечатлѣніями Юрья.

А вотъ и другая картина добрыхъ отношеній сосѣдскихъ припоминается мнѣ.

Лѣто; шлямарка, искусственное озерцо, за селомъ. Въ осокѣ и камышѣ шлямарки—бекасы, зигзагами шныряющіе по поверхности воды; отецъ прицѣлился, выстрѣлилъ, и третій бекасъ у меня за пояскомъ болтается. Подходитъ панъ Ягушевскій съ ружьемъ, но поздно: у меня за пояскомъ всѣ бекасы. Идемъ къ пруду въ село. Наши выстрѣлы привлекаютъ новыхъ охотниковъ. Батюшка съ ружьемъ въ рукѣ подходитъ къ намъ со стороны мельницы, старый панъ Ольшевскій съ „дубельтуфкой" за плечами приближается къ намъ отъ шляху. Поздоровались и порѣшили: такъ какъ озеро малое, то стать каждому на одной изъ четырехъ сторонъ озера. Стали, — пошла стрѣльба. Стада крыжувокъ и чирокъ, лыски и пирныкозы дорого поплатились за единеніе поляковъ и русскихъ. Затѣмъ по случаю удачной охоты пировали въ ближайшемъ къ озеру домѣ пана Ольшевскаго. И долго длился пиръ: отецъ мой возвратился ночью, когда я уже крѣпко спалъ.

Непослѣдовательная память, дѣлая скачекъ, уноситъ мое воображеніе въ самую раннюю, золотую пору моего дѣтства когда я еще ходилъ въ одной только длинной рубашонкѣ, и рисуетъ мнѣ нескончаемый рядъ тѣхъ игръ и занятій, надъ которыми мы впервые крѣпко начали ломать свои дѣтскіе, слабенькіе умишки и отъ которыхъ живо, радостно, восторженно бились наши сердца. Лѣто; дождь; дождевыя лужи у нашей хаты на улицѣ; я перехожу въ бродъ эти лужи, запутываюсь ногами въ своей длинной рубашкѣ, падаю въ лужѣ и плачу, чтобы мать не била; перемѣна мокрой рубашки на сухую; строгій наказъ мамы — не бродить по лужѣ; вторичное паденье въ лужу; надѣванье для наказанія первой грязной невысохшей еще рубашки и наконецъ—все равно накажутъ—отчаянное купанье и плаванье въ этихъ лужахъ съ рубашкою на тѣлѣ. Я наѣздникъ—верхомъ на „рябкѣ“, на баранѣ; у быка на рогахъ. А вотъ я у дѣда Кирилла на грушѣ: пойманъ съ поличнымъ; препровожденіе къ отцу на расправу; судъ отца, договоръ съ отцемъ о числѣ ударовъ розгою; возложеніе меня на табуретъ, застланный полотенцемъ, и два удара розгами. На улицѣ съ Франёмъ и Луцёмъ Звѣрховскими, со Степаномъ и Андріемъ Бурлакою пересыпаемся пескомъ, дѣлаемъ изъ пыли дорожной и воды мисочки, горшечки; бѣжимъ въ перегонку, дѣлаемъ упряжь изъ хмелю. Я — кучеръ, Степанъ и Андрій—каретныя лошади, Франё и Луцё верхомъ на палочкахъ, всѣ хоромъ привѣтствуютъ жида, ѣдущаго бѣдою: „жидъ, халамей, продавъ качку за рубель, рубель покотывся, а жидъ и сказывся“. Бросаемъ вверхъ высоко, высоко къ небу камешки, увязанные къ концу кнутика; состязаемся въ томъ, кто выше броситъ картофель съ палочки; дѣлаемъ лучекъ и стрѣлы изъ блекоты, изъ очерету, стрѣляемъ ими на воробьевъ, галокъ, воронъ; фабрикуемъ пистолеты изъ бузины, пули изъ пеньки, длинныя трубы изъ будяковъ, вырѣзываемъ сопѣлки съ дырочками для разныхъ голосовъ изъ бузиноваго дерева, а весною, когда кора легко отдѣляется отъ дерева, дѣлаемъ дудочки изъ молодыхъ прутьевъ вербы и липы; къ концу лѣта—изъ гусиныхъ перьевъ, изъ очерету; пискалки изъ „татарскаго зилья“—аира, трескучія вѣтря-

ныя мельницы съ деркачемъ ставимъ на воротахъ, чтобы всѣ проходящіе раздѣляли наше удовольствіе. Но труднѣе всего было для насъ сдѣлать фургальце изъ косточки, голени поросенка. Нужна была большая настойчивость, чтобы просверлить раскаленною проволокою двѣ дырочки въ косточкѣ; малѣйшая неосторожность (а какая она у пяти-шестилѣтняго ребенка?)— и руки обожжены и охота пропала; но за то въ какой восторгъ придешь, когда дырочки просверлены, шнурокъ въ нихъ затянутъ и закрученные концы веревки то сокращаются, то растягиваются, а косточка такъ быстро вертится вокругъ нитяной оси, продѣтой въ дырочки, что ея совсѣмъ не видно, только слышно гудѣнье *фурррр*... Мы въ дикомъ восторгѣ.

— Луцю, Луцю!—кричитъ, проситъ Франё—подставь пальчикъ подъ фургальце!

Тотъ, видимо, догадывается, что фургальце можетъ очень больно пришибить палецъ, и не соглашается; а живой шалунъ Франё скачетъ на одной ногѣ вокругъ Луця съ гудящимъ фургальцемъ въ рукахъ; плутовскіе глаза разгорѣлись; ошалѣлъ, ему неодолимо хочется одурачить меньшаго брата.

— Луцю, Луцю!—на распѣвъ говоритъ Франё,—дай пальчикъ! Якъ Бога кохамъ, отдамъ тебѣ фургальце.

Глупенькій Луцё подставилъ пальчикъ, — и въ мгновеніе брызнула кровь изъ пальца и раздался неистовый, душу раздирающій крикъ Луця. Бабуня опрометью кинулась къ Луцю, его мама схватила качалку и кинулась на Франя, но его и слѣдъ простылъ: какъ въ воду канулъ. И мудрено было его найти. Долго, долго я ходилъ по всѣмъ хлѣвамъ, въ ясляхъ искалъ, въ ожередѣ соломы, съ котораго мы такъ любили спускаться, какъ зимою санками съ горки, въ собачьей конуркѣ, въ курятникѣ, въ излюбленныхъ мѣстахъ нашего прятанья, когда играемъ въ прятки, и едва только къ вечеру нашелъ на огородѣ въ бурьянѣ, согнувшагося козючкомъ и уснувшаго. Я началъ будить его.

— Ой, мама кохана! Якъ Бога кохамъ...

— „Цыть! мовчи! це я“—сказалъ я ему. И перепуганное лицо его, и взглядъ, полный страха съ просонокъ, понемногу

успокоились. Передавъ Франю о томъ, какъ его мама долго искала, звала, и что Луцю прикладываютъ холодную воду къ пальцу, мы, не замѣчая того сами, громче и громче разговорились и забыли уже объ ожидающей Франя расправѣ.

— А—а, ты тутай збуйца, галгане!—и мощная рука пана Звѣрховскаго схватила за руку Франя. Ни единаго слова не произнесъ Франё, только весь задрожалъ, и лицо судорожно искривилось. Я замеръ на мѣстѣ и долго не двигался. По личному опыту я зналъ, что Франя ожидаетъ розга. Я любилъ Франя; мнѣ его жаль было, и жгучія слезы заструились по моимъ щекамъ. За ужиномъ я почти ничего не ѣлъ и скоро уснулъ тревожнымъ сномъ. И хотя сонъ успокоилъ мои нервы, тѣмъ не менѣе я рано всталъ и пошелъ къ Франѣ. Франё уже ждалъ меня, и, расплакавшись передо мною, разсказалъ мнѣ, что ему далъ отецъ 10-ть розокъ и что Луце держитъ руку на перевязи, потому что вспухъ палецъ.

— „Франю, на тоби рало и грабли, що я зробывъ позавчора“, вынимая рало изъ-за пазухи, сказалъ я ему. Франё, не задумываясь долго, началъ ралить землю и тотчасъ сломалъ рало. Началась починка рала. Мы еще, кромѣ того, успѣли до обѣда сдѣлать борону и начали плугъ, и до такой степени увлеклись новыми впечатлѣніями, что и забыли о своемъ горѣ—о томъ, что мы еще не обѣдали и ѣсть хотимъ; смѣемся и радостно хохочемъ.

Да, дѣтство — счастливая пора жизни, время неодолимой жизнерадостности! Сто разъ на день плачешь, за то сто разъ на день и смѣешься, и радуешься. И нѣтъ такого скорбнаго, страшнаго, тяжелаго явленія, которое бы подавило навсегда душу дитяти, омрачило бы въ мозгу взглядъ на жизнь и сковало бы радостныя біенія сердца, и которое не было бы преодолѣно смутнымъ умомъ и слабенькимъ сердцемъ дитяти. Пока дитя въ невѣдѣніи, пока оно напрягаетъ лишь органы внѣшнихъ чувствъ своихъ и принимаетъ ежедневно только новыя и новыя впечатлѣнія отъ окружающей его и постепенно предъ нимъ раздвигающей свой горизонтъ безграничной жизни и поражается пассивно, то восторженно, то съ боязнью, все новыми

предметами и явленіями міра, не воздѣйствуя активно на нихъ,—до тѣхъ поръ оно въ блаженномъ состояніи первыхъ человѣковъ Адама и Евы. Витаетъ оно тогда въ Эдемѣ, полномъ чудныхъ, невиданныхъ и неслыханныхъ имъ быстро смѣняющихся картинъ и чудесъ природы; онъ и змѣйкой красивой готовъ поиграться, и красиваго мягкошерстаго тигра готовъ рукою погладить, и льва за усъ хватилъ бы, и пламя всесожигающаго огня ему кажется лентой красивой, и море не страшно, зло и смерть ему не вѣдомы, а жизнь кажется вѣчной, блаженной. Но разъ-другой ядовитое сомнѣніе, какъ змѣй искуситель, заползло въ упрямую головку дитяти, расшевелило мозги и заставило его напряженно работать, — уже красивый, но горькій плодъ познанія добра и зла съѣденъ; уже блестящій, интересный, но и отрезвляющій лучъ знанія снялъ повязку съ глазъ; уже тогда потерянъ Эдемъ, кануло въ вѣчность счастье, минуло безвозвратно дѣтство. Сомнѣнія со всѣхъ сторонъ, какъ демонъ искуситель, соблазняютъ умъ человѣка открыть сокрытое, узнать невѣдомое, и умъ напряженно, нервно, лихорадочно работаетъ, всматривается безпредѣльно высоко въ небо, роется въ корѣ земной, погружается въ воду, проникаетъ глубоко въ нѣдра земли, изслѣдуетъ органическую природу, изучаетъ самосознаніе, по скольку оно разлито природою въ живыхъ продуктахъ земли. Всюду ищетъ онъ выхода къ прежнему Эдему; но безконечный рядъ горькихъ, обидныхъ, мучительныхъ, мертвящихъ разочарованій сопровождаетъ его до гроба.

...Но возвратимся опять въ потерянный рай.

Предоставленные самимъ себѣ въ теченіе всего дня, я съ братомъ и съ друзьями эдемскихъ дней, Франемъ, Луцемъ, Степаномъ и Андріёмъ, обходили всѣ уголки нашихъ усадебъ и, утомившись прыганьемъ, бѣгомъ „на выпередки", лазаньемъ по деревьямъ и другими движеніями, наконецъ сѣли въ садикѣ моего отца подъ вишнею и надумались строить погреба, кухни, хлѣвы, дома. Но домика строить никто не взялъ на себя подряда; каждый изъ насъ считалъ для себя труднымъ дѣломъ—сдѣлать домикъ съ дверью, съ окнами, съ печью, и потому вмѣсто домика былъ выкопанъ колодецъ съ высокимъ жу-

равлемъ для опусканія и вытягиванія ведра, сдѣланнаго изъ картофеля. Скоро подоспѣлъ и хлѣвъ, и клуня, и погребъ. Но сколько вмѣшательствъ, сколько непрошенныхъ совѣтовъ, сколько спору было, пока постройки наши созидались; вѣдь нѣкоторые изъ насъ были опытные мастера и не впервые имъ было построить и домъ,—и развѣ могли они безъ досады, терпѣливо смотрѣть, какъ Луце приставилъ къ хлѣву дверь, которая выше самаго хлѣва.

— Ни, надоило, покиньмо! сказалъ Андрей Бурлака.

И всѣ мы согласились, что надоѣло строить.

Но такъ какъ село наше стоитъ на большой низменности и нѣтъ никакого разнообразія видовъ: ни горъ, ни долинъ, ни пропастей, нѣтъ и признаковъ каменной породы, нѣтъ и береговъ текучей рѣки, а только стоячее озеро-ставъ, изъ плотины котораго маленькимъ ручейкомъ сочится вода, изображая изъ себя истокъ рѣчки Каменки, то представленіе наше о поверхности земли было слишкомъ убогое и намъ болѣе некуда было направлять свое любопытство, какъ только въ землю И мы копали, рыли землю, отыскивали тамъ дождевыхъ червей, личинки майскихъ жуковъ, называемыя у насъ борозняками, красненькихъ жидовочекъ, божьихъ коровокъ, жуковъ черныхъ, большихъ двурогихъ, однорогихъ, съ сизыми спинками, прикидывающихся мертвыми и едва замѣтныхъ глазу, разоряли муравьиныя жилища, игрались ихъ подушечками, вырывали корни различныхъ растеній, то длинные, постепенно утончающіеся, то короткіе толстые, то лукообразные, то сложные изъ многихъ нитевидныхъ мочекъ, которыя мы изучали не только по формѣ ихъ глазами, но и по вкусу, пробуя пожевать ихъ и, если вкусны, то и съѣсть.

Порывшись вдоволь въ землѣ, мы отправлялись на ставокъ, смотрѣть, какъ гуляетъ въ водѣ маленькая рыбка-мулька; какъ медленно ползетъ-плыветъ слизнякъ своими мягкими студенистыми щупальцами, которые онъ немного выдвинулъ изъ своей спиральной раковины. Черепахъ двустворчатокъ, какіе бываютъ только въ текучихъ водахъ, мы въ своемъ ставку никогда не находили, за то нерѣдко своими цѣпкими дѣтскими

руками выбрасывали изъ воды вьюновъ, которыхъ много было въ илистомъ днѣ нашего пруда. Иной же разъ, чтобы задобрить разгнѣванныхъ родителей, мы безстрашно заходили къ самому очерету и собирали тамъ на своемъ тѣлѣ пьявокъ, которыя, казалось, только и ждали чтобы наброситься на насъ, присосаться къ нашимъ ногамъ и пить нашу кровь; но за то онѣ не дешево расплачивались: мы ихъ срывали и заключали въ плѣнъ въ бутылку съ водою и съ восторгомъ несли домой, зная, что родители за пьявокъ многое простятъ намъ, потому что пьявки въ ту пору, когда докторовъ и въ поминѣ у васъ не было, были универсальнымъ лѣкарствомъ отъ всѣхъ болѣзней въ сельскомъ мірѣ. Ставокъ свой мы перебродили вдоль и поперекъ, но не рѣшались заходить въ самый очеретъ, потому что тамъ были „безодни“, и главнымъ образомъ потому, что тамъ жили болотяные черти. Одного изъ нихъ я самъ видѣлъ вечеромъ подъ очеретомъ. Небольшой онъ, меньше дворовой собаки, черный, весь въ шерсти и лапки едва замѣтны, хвостъ толстый; онъ вынырнулъ изъ воды на аршинъ выше поверхности. Только уже въ Кіевскомъ училищѣ, прочитавъ у Брема статью о выдрахъ, я узналъ въ ней своего знакомаго „болотяного черта“. Но до того времени я вполнѣ былъ убѣжденъ, что видѣлъ болотяного черта. Уже потому одному, что ни отъ кого на селѣ не слыхалъ я, что въ нашемъ ставку есть земноводный звѣрь—выдра и что можетъ звѣрь жить въ водѣ. Еще болѣе убѣдился я въ томъ, что видѣлъ именно черта, а не иное что, когда у меня сдѣлалась лихорадка и мать нарочито сварила яйцо, дала его мнѣ въ руки и до восхода солнца послала меня на ставокъ, наказавши мнѣ такъ: „иды сыну на ставокъ, кинь оце яйце, якъ можешь дальше въ очеретъ и крыкни зо всеи сылы такъ:—А есть васъ симсотъ и симъ?—Нате вамъ исты всимъ!—и бижы, якъ можешь скорише, до дому, та не оглядайся назадъ и не промовъ ни до кого ни жадного слова, хоть бы тоби хто казавъ: „слава Богу“, то не отвичай: „на вики слава“, а тикай скорійше безъ оглядки до дому“.

Купаясь лѣтомъ по десяти разъ на день, мы обмазывали иломъ все тѣло, голову и лицо, изображая изъ себя болотя-

ныхъ чертей, и пугали другъ друга, гонясь вблизи берега по проѣзжей дорогѣ. Накупавшись вдоволь и обмывшись, мы разъ обошли кругомъ свой ставъ по огородамъ крестьянъ и забрели въ „Сыдоривъ лисъ“, упиравшійся въ очеретъ нашего ставка. Тамъ нашли мы Колосюкову крыныцю, занесенную иломъ, покрытымъ зеленеватою съ синимъ и краснымъ отливомъ водою.

— „Я чувъ, що тутъ въ цій крыныци грошы закопаны“,— тихо сказалъ Степанъ Якубивъ.

— „Колы ихъ нихто не може достаты, воны закляты“,— еще тише пояснилъ Андрій Бурлака.

— „Постійте жъ, я вамъ розскажу“, заговорилъ я таинственно.

— „Иднои ночи, передъ утренею, прійшовъ до насъ Сыдиръ перегриватысь. Отъ тато мій и пытають его: чи то правда, що въ вашій крыныци гроши закопаны? А Сыдиръ и каже: нихто не знавъ, що въ цій крыныци есть грошы; але часто мій покойный батько и дядько Манило, та й я, бачылы коло неи чорта, не при хати згадуючи. Винъ бувъ, якъ нимець: въ паньскому капелюшику, въ куцому сурдутыку, въ узенькихъ штанцяхъ, въ панськихъ чобиткахъ, вусатый такій. Було, якъ заглядыть мене, то заразъ кивае до мене пальцемъ, та й гукае: „хлопъ, хлопъ, ходзь-но тутай“! Я перше думавъ, що то панычъ зъ цего двора, що ось за цимъ лискомъ, та й иду до него. А винъ, якъ зарегоче до мене, ажъ луна пишла, та й бухнувъ у воду, тилько нижками задрыгавъ. Я злякавсь, та скорій до хаты. А батько недалеко стоялы, та й бачылы, якъ винъ ногамы задрыгавъ, тай змыгають до мене плечима, щобъ я не наробывъ крыку. Цыть, мовчи, не кричи. То не панъ, то нечиста сыла грошы стереже. Отъ иднои ночи взялы батько видро й шнура, поклыкалы дядька Манила, та й пишлы до крыныци гроши добуваты. Довго, казалы батько, вылывалы воны воду зъ крыныци, поки добулы дно, а глыбоко до дна — въ два человики. А на дни земля. Отъ батько й гукають до дядька зъ крыныци:—Манило, бижи до дому, та принеси заступа одкидаты землю. А дядько не хоче иты, каже: — „Поки я сбигаю до хаты, то ты гроши вспієшъ достати, та й переховаты“.

„Але таки уговорылы мій батько дядька. Прудко дуже побигъ Манило, прынисъ заступа, та й подавъ батькови. Батько накидають землю заступомъ въ видро, а дядько шнуромъ вытягуе видро съ землею. Отъ якъ знялы землю, заразъ и дно деревьянне розвалылы, та й намацалы пидъ дномъ чобота зъ грошима. Зъ радощивъ батько й гукнулы до дядька: „Есть! Велыка халява грошей"! Та й сталы батько вылазыты. Отъ, отъ бы вже вылизлы; вже й за верхню цебрыну взялысь идною рукою, колы гныла халява порвалась, гроши шарахнулысь, забряжчалы, та й шубовснулы, ажъ загуло щось страшно и земля провалылась и вода звидки-то хлынула, насылу батько выскочилы зъ шматкомъ халявы въ рукахъ. Хрестяться. Колы глянулы на дядька, а дядько тримае сокиру обиручки и трясеця".

— „На що це ты сокиру прынисъ и тримаешь?"

А дядько стоявъ, стоявъ, а дали: бухъ батькови въ ноги.

— „Просты! каже. Якъ бы ты бувъ вынисъ гроши, то я бувъ бы убывъ тебе. Та выдно Господь хранывъ тебе, та й ци гроши одибравъ, абы тилько ты жывый зоставсь. Выдно жъ ци гроши закляти на погибель людей. Та й упавъ дядько другій разъ батькови въ ноги:—Просты мени, Бога рады! Просты!

Перехрестывся батько тричи.—„Слава жъ Тоби Боже, що хоть жывый зоставсь"!

„Та въ ту ничь изновъ закыдалы землею ту крыныцю".

Окончивъ этотъ пересказъ, я и самъ почувствовалъ въ себѣ страхъ. Товарищи мои также застыли съ раскрытыми ртами и выпученными глазами.

— „Тьфу, тьфу, тьфу на тебе, нечиста сыла! сплюнулъ Андрій Бурлака. Сыла Божа при насъ"!

— „Тикаймо хлопци зъ витциль". И, не оглядываясь назадъ на страшное мѣсто, мы побѣжали въ перегонку и разбѣжались по домамъ съ тѣмъ, чтобы на другой день снова сойтись и беззаботно веселиться по цѣлымъ днямъ. М. Щ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ ИСТОРІИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ[1].

По J. Ролле.

III. Хмельнищина и руина.

Почти десять лѣтъ прошло со времени послѣднихъ козацкихъ волненій, а Украина была спокойна. Можно было думать, пожалуй, что козацко-хлопскій вопросъ уже рѣшенъ окончательно. Все располагало къ оптимизму: превосходные урожаи, мягкія зимы, видъ дѣятельнаго рабочаго люду, которымъ кишѣла степь, люду навзглядъ спокойнаго, веселаго—и гордая шляхта жила-себѣ и гуляла, не предчувствуя близкой бѣды. Очень заняла всѣхъ, но не поразила вѣсть о внезапной смерти гетмана Конецпольскаго, усмирителя своевольнаго козачества. Но извѣстіе о тяжелой болѣзни короля сильно встревожило украинскую шляхту: въ этой тревогѣ звучала нота недовѣрія къ магнатству, на рукахъ котораго должно было очутиться государство въ случаѣ королевской смерти.

А между тѣмъ въ Чигиринѣ и его окрестностяхъ разъигрывался очень простой и незначительный по своему содержанію прологъ къ ужасающей исторической драмѣ.

Чигиринское староство послѣ смерти гетмана Конецпольскаго перешло къ его сыну, коронному хорунжему. Управлялось оно подстаростой, который жилъ въ Чигиринѣ. Въ описываемое время подстаростой этимъ былъ нѣкто Чаплинскій, выходецъ изъ Литвы, опредѣленный еще покойнымъ гетманомъ. Едва-ли этотъ человѣкъ былъ здѣсь на своемъ мѣстѣ. Чтобъ

[1]) См. „Кіев. Стар." 1894 г. № .

понимать всѣ сложныя особенности мѣстной жизни, надо было родиться или по крайней мѣрѣ долго жить на вулканической почвѣ Украины. А Чаплинскій, повидимому, только и зналъ, что простого литовскаго хлопа, который покорно тянулъ свое ярмо до послѣдней возможности и, если становилось не въ моготу, исчезалъ въ лѣсу. Въ узко-шляхетской головѣ подстаросты не вмѣщалось то, что и не шляхтичъ можетъ быть человѣкомъ состоятельнымъ, уважаемымъ, образованнымъ. А таковымъ былъ, несомнѣнно, его близкій сосѣдъ, войсковой писарь Богданъ Хмельницкій. Богданъ имѣлъ на земляхъ чигиринскаго староства, надъ рѣкой Тясьминомъ, хуторъ Субботовъ, полученный еще его отцемъ, убитымъ подъ Цецорой, въ видѣ пустаго урочища, а въ описываемое время уже совсѣмъ благоустроенный: былъ тамъ и домъ, и мельница на прудѣ, и обширный садъ, а, главное, было уже и населеніе. Къ этому хутору Богданъ лично выпросилъ у короля за свои высокія заслуги еще степной участокъ за рѣкой, гдѣ тоже скоро появилось населеніе, платившее владѣльцу чиншъ, были пасѣки, гумна, корчмы. Такимъ образомъ войсковой писарь былъ замѣтной особой въ районѣ чигиринскаго староства даже и по имущественному своему положенію. Но надо къ этому прибавить то уваженіе, которымъ онъ пользовался. Пользовался онъ имъ за свое образованіе, такъ какъ онъ учился у іезуитовъ въ Ярославѣ и умѣлъ показать лицомъ свою школьную науку; пользовался за свою большую опытность, которую вынесъ изъ своихъ странствованій: онъ два года былъ плѣнникомъ въ Константинополѣ и Крыму, бывалъ въ Варшавѣ, былъ лично извѣстенъ Владиславу IV; пользовался, разумѣется, уваженіемъ и за свой выдающійся умъ и даровитость, въ которыхъ ему невозможно отказать. И съ уваженіемъ относилась къ Хмельницкому не только козацкая среда или мелко-шляхетская, но даже мѣстные магнаты прибѣгали къ совѣтамъ войсковаго писаря. Но въ глазахъ Чаплинскаго все это были лишь незаконныя притязанія наглаго „плебея“, дерзко попирающаго всѣ человѣческія и божескія права. И этому плебею легко и свободно удается то, чего лишь съ такимъ усиліемъ добивается самъ онъ, Чаплинскій,

желающій изъ всѣхъ силъ угодить вельможному пану Конецпольскому,—удается заселеніе пустыхъ земель.

Какъ перешло затаенное неудовольствіе въ открытую вражду? Несомнѣнно, здѣсь была замѣшана женщина-подстаростина Чаплинская, позже вторая жена Богдана Хмельницкаго, первоначально, въ качествѣ сироты, пріемышъ его семьи. Участіе этой женщины въ случившемся ясно; но характеръ этого участія теменъ. Несомнѣнно, что Чаплинскій началъ оспаривать права Хмельницкаго на его земли; несомнѣнно, что онъ сдѣлалъ на имѣніе Хмельницкаго „заѣздъ", въ которомъ погибло имущество Хмельницкаго и была похищена дѣвушка, которая сдѣлалась вслѣдъ за тѣмъ подстаростиной. Несомнѣнно и то, что Чаплинскій имѣлъ какую-нибудь юридическую зацѣпку для своихъ насильственныхъ дѣйствій: польское право, водворявшееся на почвѣ стараго литовско-русскаго права, съ одной стороны, и мѣстнаго правового обычая, съ другой, производило страшную смуту понятій, отражавшуюся въ жизни той анархіей, о которой была рѣчь выше. Изъ правового хаоса выплывалъ наверхъ или фактически сильный, или тотъ, кому посчастливилось заручиться какой-нибудь непреложной съ формальной стороны правовой гарантіей, въ родѣ королевской грамоты или сеймовой конституціи. Вѣроятно, войсковой писарь не былъ обезпеченъ ничѣмъ подобнымъ, такъ какъ ему не помогли даже личныя его хлопоты въ Варшавѣ: его Суботовъ отданъ былъ въ пожизненное владѣніе тому же самому Чаплинскому. Но вражда Чаплинскаго не разрѣшилась этимъ его торжествомъ: вѣроятно, и Хмельницкій, который теперь поселился въ томъ же Чигиринѣ, гдѣ жилъ подстароста, держалъ себя не какъ побѣжденный. Чаплинскій наноситъ Хмельницкому рядъ тяжелыхъ обидъ: достаточно вспомнить хотя бы то, что онъ публично, на чигиринскомъ рынкѣ, велѣлъ высѣчь старшаго сына Хмельницкаго. Управы на Чаплинскаго, который пользовался полнымъ довѣріемъ молодого старосты, не было, и искать ее было негдѣ.

Въ декабрѣ 1647 г. Хмельницкій ушелъ на низъ, на запорожье. А съ открытіемъ весны уже что-то творилось на Украинѣ неладное: явились тѣ тревожные признаки, по кото-

рымъ опытные люди умѣли предсказывать близкую бурю. Изъ хаты въ хату, по будамъ и винокурнямъ, по уединеннымъ хуторамъ, ходили какія-то темныя вѣсти... Кто переносилъ ихъ? Богъ знаетъ, шляхтичу ничего тутъ нельзя было дознаться: можно было лишь догадываться, что вѣтеръ дуетъ съ юга, отъ днѣпровскаго Низу. И вѣсти были не спроста. Наймиты кидали свои работы, пропивали въ корчмахъ заработки, а между тѣмъ въ-полголоса совѣщались между собою о чемъ-то. Въ одно прекрасное утро пропадаетъ столько-то людей изъ такого-то города, изъ села: очевидно, на Украинѣ снова сбирались „купы“ и исчезали въ степи. Не было села или хутора, гдѣ не ощущалось бы тлѣніе, предвѣстникъ готоваго вспыхнуть пожара. Но пока все было спокойно.

Однако великій коронный гетманъ Потоцкій, знакомый съ положеніемъ дѣлъ на Украинѣ и предупрежденный о томъ, что на Запорожьѣ что-то готовится, самъ пріѣхалъ на Украину. Лучше еслибъ онъ этого не дѣлалъ: съ его появленіемъ возникло въ польскомъ войскѣ двоевластіе, антагонизмъ между нимъ и польнымъ гетманомъ Калиновскимъ. Тѣмъ не менѣе ясно, что поляки были во-время предупреждены, понимали опасность, приняли противъ нея возможныя мѣры. Тѣмъ большимъ ужасомъ обхватила ихъ вѣсть о тяжеломъ пораженіи у Желтыхъ Водъ и подъ Корсунемъ. Войска нѣтъ больше, оба гетмана въ плѣну, къ Хмельницкому перешли всѣ реестровые и всѣ украинцы, служившіе въ польскомъ войскѣ, за-одно съ Хмельницкимъ дѣйствуетъ извѣстный татарскій наѣздникъ мурза Тугай-бей съ ногайцами. Послѣднее поражало больше всего: козаки въ союзѣ съ татарами... какую страшную угрозу Польшѣ заключаетъ въ себѣ эта неожиданная перемѣна фронта, которой никто не предвидѣлъ?

Въ концѣ апрѣля Хмельницкій вышелъ со своимъ войскомъ изъ Запорожья; въ концѣ мая онъ уже стоялъ обозомъ подъ Бѣлой Церковью, какъ полный господинъ положенія. Событія слѣдовали одно за другимъ съ головокружительной быстротой. Въ дополненіе ко всему, разнеслась вѣсть о смерти Владислава IV.

А между тѣмъ на всей территоріи Украины поднималась соціальная революція со всѣми своими ужасами. Видъ края измѣнился моментально. Вчерашніе господа, поляки и евреи, сегодня были жалкими и беззащитными жертвами въ виду возставшаго, какъ одинъ человѣкъ, народа, безпощаднаго креваваго мстителя. Въ своемъ мстительномъ гнѣвѣ, слѣпомъ, какъ бушующая стихія, онъ не зналъ ни справедливости, ни сострадавія: все губилъ онъ въ яростномъ порывѣ, злое, какъ и доброе, виновное, какъ и невинное, дряхлаго старика, грудного ребенка. Счастливъ былъ тотъ шляхтичъ или еврей-арендаторъ, который успѣлъ спастись и спасти свои семьи отъ страшныхъ рукъ своихъ хлоповъ за стѣнами замковъ; но еще гораздо счастливѣе были тѣ, кому удалось пробраться въ Польшу, хотя бы покинувъ все добро на произволъ судьбы. Не только въ Кіевщинѣ и Брацлавщинѣ, но и на Волыни, въ Кіевскомъ Полѣсьѣ и даже въ восточной части Подолья всюду хлопы вырѣзали пановъ и арендаторовъ евреевъ, если тѣ не успѣли ускользнуть своевременно. Очередь была за укрѣпленными городами и мѣстечками. Правда, и тутъ всюду былъ элементъ, благопріятствующій возстанію, въ видѣ мѣщанъ, сплошь русскихъ и православныхъ. Но въ каждомъ замкѣ было теперь много вооруженной шляхты, были и надворные панскіе отряды. Хлопы могли голыми руками расправляться съ панами, но, очевидно, не могли брать даже слабо укрѣпленныхъ мѣстечекъ. Но рядомъ по всей территоріи шла усиленная и самопроизвольная организація военныхъ отрядовъ. Это брали на себя люди энергичные и опытные въ военномъ дѣлѣ, иногда заручившись согласіемъ войскового уряда, воплощавшагося теперь въ лицѣ гетмана Хмельницкаго, какъ-бы „заповѣднымъ листомъ“, иногда обходясь и такъ, лишь „съ воли люду“: было не до формальностей. Эти отряды, или „загоны“, въ нѣсколько сотъ, тысячъ и даже десятковъ тысячъ человѣкъ, должны были окончательно очистить Украину отъ всего лядскаго и жидовскаго, и, дѣйствительно, очистили ее. Самымъ страшнымъ изъ нихъ, и по размѣрамъ, и по жестокости своего предводителя, былъ, конечно, отрядъ Кривоноса: изъ Кіевщины черезъ Брацлавщину Кривоносъ перенесъ свою дѣятельность

на Подолье. Всюду, гдѣ проходилъ Кривоносъ, по слѣдамъ его оставались лишь дымящіяся почернѣлыя развалины и трупы. Тоже въ Кіевщинѣ дѣйствовалъ Харченко Гайжура съ Лысенкомъ Вовгуромъ. На Подольѣ Ганжа и Морозенко стояли во главѣ отряда въ 80000 человѣкъ; а кромѣ того, еще были самостоятельные отряды Остапа Павлюка и Антона. На Волыни пріобрѣли извѣстность, какъ предводители, Колодка, Иванъ Дунецъ, Тыса; на Полѣсьѣ—Гловацкій. Конечно, это были имена лишь главнѣйшихъ предводителей; было рядомъ съ ними и еще многое множество другихъ, второстепенныхъ. Но отмѣчать ихъ имена и дѣянья было некому: шляхтичъ, историкъ или авторъ мемуаровъ, съ отвращеніемъ записывалъ имя ненавистнаго и презрѣннаго хлопа, лишь вынуждаемый къ тому крайней необходимостью. Укрѣпленные города и мѣстечки одинъ за другимъ падали подъ натискомъ этихъ отрядовъ, на встрѣчу которымъ стремились симпатіи русскихъ мѣщанъ. Ужасы поголовнаго избіенія, которому подверглись нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ, напр. Тульчинъ Немировъ, Полонное, превосходятъ всякое описаніе. Наконецъ взятъ былъ Кривоносомъ и Баръ. Только превосходно укрѣпленный природою Каменецъ-Подольскій остался на всей территоріи Украины одной единственной точкой, гдѣ еще задержалась крупица польско-католической стихіи, которая такъ быстро и вольно разлилась было по Украинѣ. Почти все польское, если не спаслось бѣгствомъ, то погибло; вслѣдъ за нимъ пошли и паны русской крови и православной вѣры, кромѣ тѣхъ, кто вольно или невольно отказался отъ своихъ общественныхъ преимуществъ и „окозачился", или кто успѣлъ попрятаться по монастырямъ, особенно въ Кіево-Печерскую Лавру; а вмѣстѣ съ панами пострадали и тѣ изъ православныхъ русскихъ, кто не успѣлъ во-время отказаться отъ польскаго культурнаго обычая, забиравшаго силу надъ русскими, особенно въ городахъ и мѣстечкахъ. Но высшимъ предметомъ народной ненависти, надъ которымъ она изощряла свою мстительную фантазію, были еврей и католическій монахъ. Доминикане, въ память страшныхъ событій этого года, перемѣнили свой черный поясъ на красный, цвѣта крови.

А евреи имѣютъ въ своемъ календарѣ одинъ день, день скорби, напоминающій имъ до сихъ поръ ужасы украинской революціи.

Во всей громадной территоріи Украины нашелся всего только одинъ магнатъ, который прямо несъ свою гордую голову на встрѣчу страшной бурѣ хлопскаго бунта. Это былъ Іеремія Вишневецкій, тотъ легендарный Ярема, самое имя котораго звучало въ ушахъ русскаго населенія, какъ звонъ набатнаго колокола. Съ лѣваго берега Днѣпра, изъ Лубенъ, своей столицы, переправился онъ во главѣ отряда, набраннаго изъ шляхты, сидѣвшей на его земляхъ, обнимавшихъ Полтавскую и значительную часть Черниговской губ., на правый берегъ, прошелъ Украину поперекъ и сталъ на ея западныхъ границахъ. Онъ пробился черезъ море волнующагося, враждебнаго населенія, отмѣчая свой путь страшными жестокостями: онъ не снисходилъ до переговоровъ съ врагами, до того, чтобы захватывать плѣнныхъ: и парламентеры, и плѣнники одинаково шли на колъ. Его выдающіяся военныя способности и мужество доставили ему рядъ побѣдъ надъ предводителями встрѣчныхъ загоновъ, главнымъ образомъ надъ Кривоносомъ; но въ результатѣ онъ могъ только пробиться, и надо сознаться, что и это было слишкомъ много.

Вотъ приблизительные итоги этого ужаснаго лѣта, этихъ трехъ первыхъ мѣсяцевъ, отъ іюня по августъ, открывшихъ собою кровавую эпопею.

Въ 17 украинскихъ королевщинахъ въ руки русскаго населенія перешло 134 города и мѣстечка, изъ которыхъ половина представляла собою настоящіе замки, затѣмъ 4200 деревень, слободъ, хуторовъ, колонизованныхъ боярами или шляхтой, наконецъ до 2000 млиновъ, составлявшихъ важную статью старостинскихъ доходовъ. Имущественныя потери Потоцкихъ, Вишневецкихъ, Замойскихъ, Конецпольскихъ, Калиновскихъ, уже не говоря о сотняхъ менѣе важныхъ шляхетскихъ родовъ, вычисляются многими милліонами. Много цѣнностей пошло съ дымомъ или было уничтожено въ слѣпой ярости; но масса драгоцѣнныхъ движимостей захвачена была и населеніемъ. Мѣстная шляхта была очень богата: панскіе дворы полны дорогихъ ве-

щей; подъ самой убогой шляхетской крышей можно было найти какую-нибудь драгоцѣнную вещицу; въ костелахъ множество сосудовъ художественной работы, священныхъ предметовъ, украшенныхъ брилліантами, жемчугами, рубинами, запасы золота и серебра. Все было расхищено до тла; даже изъ гробовъ выбрасывали трупы, чтобъ снимать съ нихъ драгоцѣнныя вещи.

Одинъ современникъ Альбрехтъ Радзивиллъ опредѣляетъ число людскихъ жертвъ этого времени въ милліонъ головъ. На чемъ основана эта цифра? Какъ велика степень ея достовѣрности? По всей вѣроятности, очень не велика. За болѣе достовѣрныя надо считать извѣстія еврейскихъ писателей-современниковъ, оставившихъ описанія бѣдствій своего народа. По этимъ извѣстіямъ, при взятіи Немирова погибло евреевъ 6000, Тульчина и Бара—по 2000, Полоннаго—10000, кромѣ менѣе значительныхъ погромовъ въ Заславлѣ, Острогѣ, Дубнѣ, Винницѣ, Брацлавлѣ и т. д., въ общемъ разорено до тла 300 еврейскихъ кагаловъ, считавшихъ до 250000 человѣкъ.

Однимъ словомъ, уже къ августу на территоріи Украины не осталось ни одного еврея, какъ не осталось католическаго священника или монаха, польскаго шляхтича или жолнѣра. Но пострадало и русское населеніе. Татары, какъ тотъ злой духъ восточной сказки, котораго такъ легко было вызвать на помощь и такъ трудно отдѣлаться, не могли удовольствоваться гетманами и 8000 рядовыхъ, которыхъ имъ отдалъ Хмельницкій послѣ Корсунской битвы. Подъ предлогомъ готовности на помощь они держались въ предѣлахъ Украины, по среднему Бугу, и распускали свои загоны: захватывая шляхту,—женщины и дѣти всегда доставались имъ при дѣлежѣ добычи съ козаками,—они хватали мимоходомъ и хлоповъ, которые были гораздо многочисленнѣе, и уводили въ Крымъ свой ясыръ. Такова была татарская помощь. Но главная бѣда, которая висѣла надъ русскимъ населеніемъ края и скоро должна была обнаружиться во всѣхъ своихъ ужасныхъ послѣдствіяхъ,—это была общественная дезорганизація вообще, экономическая въ частности. Населеніе огромной территоріи, сплошь земледѣльческое, въ слѣпомъ увлеченіи побросало въ лѣтніе мѣсяцы свои земли и ушло козако-

вать; къ каждому болѣе благоразумному и осторожному, кто оставался на мѣстѣ, относились съ презрѣніемъ, если не съ прямымъ недовѣріемъ. Какая бѣда могла быть по своимъ ближайшимъ результатамъ страшнѣе этой?

Какъ относился Хмельницкій къ тому, что творилось на Украинѣ? Все дѣлалось помимо него; но знать то, конечно, онъ зналъ обо всемъ. Хорошій хозяинъ, онъ едва ли могъ видѣть безъ скорби водворявшееся хозяйственное запустѣніе и разореніе; совсѣмъ не врагъ шляхетской привиллегированности, какъ таковой, онъ не могъ сочувственно относиться къ хлопской завзятости, сносившей все привиллегированное, во что бы то ни стало: онъ даже давалъ совѣты лично извѣстнымъ ему шляхтичамъ, какъ имъ дѣйствовать, чтобы спастись отъ гибели. Но останавливаться на всемъ этомъ ему было невозможно, некогда: потокъ событій властно уносилъ его, могущественнаго гетмана „Божіей милостью", хотя со стороны могло казаться, что это именно онъ направляетъ событія: оптическій обманъ, постоянно наблюдаемый въ исторіи, какъ и въ жизни. Пока необходимо было сосредоточить все вниманіе на одномъ: на томъ, какъ дать отпоръ Польшѣ, которая, не смотря на междуцарствіе, спѣшила собрать всѣ свои силы въ видѣ посполитаго рушенья (земскаго ополченія). Но Польшу преслѣдовала ея злая судьба. Такъ какъ гетманы были въ плѣну, необходимо было выбрать замѣстителей. Повидимому, въ выборѣ этомъ не могло быть колебаній. Все указывало на Іеремію Вишневецкаго, начиная съ того, что онъ былъ самымъ богатѣйшимъ и, слѣдовательно, наиболѣе лично заинтересованнымъ въ дѣлѣ изъ украинскихъ магнатовъ, кончая той популярностью, доходившей до обожанія, какой онъ пользовался среди военнаго люда. Но варшавская политика рѣшила иначе. Во главѣ войска сталъ тріумвиратъ изъ людей, которые ни каждый порознь, ни, тѣмъ болѣе, всѣ вмѣстѣ совсѣмъ не годились въ полководцы: „перына", по насмѣшливому выраженію Хмельницкаго, князь Доминикъ Заславскій, толстый бонвиванъ; „латына" — ученый дипломатъ Остророгъ; „дытына" — молодой Конецпольскій.

Польское войско сбиралось медленно: но за то оно представляло квинтъ-эссенцію шляхетской Рѣчи Посполитой. Паны точно сговорились сразить презрѣнныхъ хлоповъ видомъ своей роскоши, утонченности, блестящихъ костюмовъ, изысканныхъ принадлежностей бытового комфорта. Медленно шелъ имъ на встрѣчу отъ Бѣлой Церкви Хмельницкій, стягивая къ себѣ по дорогѣ загоны: онъ поджидалъ на помощь татаръ. Враги встрѣтились недалеко отъ Константинова, надъ рѣчкой Пилявой, подъ Пилявцами. Что произошло тамъ? Чѣмъ объяснить это позорное бѣгство поляковъ до битвы лишь подъ вліяніемъ слуха, и то невѣрнаго, о приближающейся татарской ордѣ? Самое внимательное изученіе историческихъ источниковъ, касающихся этой столь несчастной для поляковъ кампаніи, которая продолжалась всего отъ 11 до 22 сентября, не даетъ никакого разъясненія. Кажется, правильнѣе всего отнести случившееся просто къ „панфобіи", нервной заразѣ, случаи которой еще не разъ и потомъ проявлялись между поляками въ ихъ столкновеніяхъ съ украинскимъ народомъ. Пилявецкія „донативы" (подарки) долго обращались потомъ по Украинѣ: драгоцѣнности продавались мѣшками за баснословно дешевыя цѣны, хлопы ѣли съ серебряныхъ тарелокъ...

Безъ малѣйшаго препятствія войска Хмельницкаго очутились подъ богатымъ Львовомъ, который откупился отъ осады деньгами, потомъ подъ Замостьемъ. Передъ украинскими хлопами лежала совершенно открытою Польша. Волна народной ненависти, которая донесла Хмельницкаго до Замостья, толкала его и дальше, въ глубь края; но эту волну перерѣзало сильное теченіе, царившее въ умахъ болѣе вліятельной части козачества и къ которому примыкалъ цѣликомъ самъ Хмельницкій. Нельзя порывать съ Польшей, такъ думали люди этого настроенія, чтобъ не попасть изъ огня да въ полымя: надо лишь пользоваться моментомъ, чтобы обезпечить Украинѣ тѣ права, въ которыхъ Польша ей отказывала. И вотъ Хмельницкій, стоя на территоріи беззащитной Польши, не только не предпринимаетъ никакихъ непріязненныхъ дѣйствій, а, наоборотъ, постоянно увѣряетъ Варшаву, что онъ ждетъ только конца междуцарствія,

ждетъ, съ полной вѣрой въ его правосудіе, новаго государя, чтобъ поступить согласно его волѣ, какъ подобаетъ истинному вѣрноподданному его королевской милости.

Между нѣсколькими кандидатами на польскій престолъ взялъ верхъ, согласно категорически выраженнымъ желаніямъ козачества, Янъ-Казиміръ, и Хмельницкій тотчасъ же отступилъ на Украину, чтобъ на мѣстѣ ждать прибытія коммиссіи, которую назначитъ король для урегулированія новыхъ отношеній Украины къ Польшѣ.

Коммиссія была снаряжена, съ Киселемъ во главѣ, Брацлавскимъ воеводой, магнатомъ русскаго рода и православной вѣры. Они пріѣхали на Поднѣпровье, въ Переяславль, въ началѣ 49-го года, послѣ торжественнаго въѣзда Хмельницкаго въ Кіевъ: въѣздомъ этимъ и Кіевъ какъ бы получилъ формальное подтвержденіе своихъ старыхъ правъ на званіе столицы православной Украины, и Хмельницкій утверждался всенароднымъ признаніемъ, освященнымъ церковію, во главѣ съ патріархомъ іерусалимскимъ Паисіемъ, въ званіи украинскаго монарха, „illustrissimo principi". Сосѣднія державы признавали его за такового монарха, посылая къ нему пословъ. Дѣло украинскаго народа и его вождя своимъ необычайно быстрымъ успѣхомъ было разомъ вознесено на головокружительную высоту. Тѣмъ труднѣе было дѣйствовать польской коммиссіи, которая пріѣхала улаживать взаимныя отношенія на тѣхъ основаніяхъ, какія казались единственно возможными польскимъ кролевятамъ: не смотря на все случившееся, они допускали лишь нѣкоторыя уступки, но никакъ не радикальное измѣненіе отношеній. Да и какая дипломатія возможна была въ этой атмосферѣ, насыщенной жгучей ненавистью, въ какую попали коммиссары, какъ только вступили на почву Украины? Подъ сильной военной охраной прибыли они въ Переяславль; втеченіе десяти дней ихъ пребыванія здѣсь имъ ежечасно, ежеминутно грозила смерть отъ разъяренной толпы. На предложенія свои они слышали въ отвѣтъ лишь грозный окрикъ: „мовчить ляхи!" И, наконецъ, когда великодушно рѣшившись пожертвовать для несчастныхъ соотечественниковъ своей панской гордостью, они

дошли до смиренныхъ просьбъ объ отпускѣ польскихъ плѣнныхъ, которыхъ было захвачено множество послѣ первыхъ битвъ и взятія Кодацкаго замка, они съ горечью увидѣли, что и смиреніе ихъ нисколько не трогаетъ торжествующаго врага. Коммиссія отложена была до Троицыной недѣли, „до травы"; но, очевидно, трава нужна была не для дипломатическихъ переговоровъ, а для военнаго похода. Слишкомъ отчетливо чувствовалось всѣми, что еще не наступилъ моментъ, когда можно что-нибудь рѣшать переговорами. Пришла новая весна, и украинскій народъ снова поголовно взялся не за плуги и рала, а за пики и рушницы: Хмельницкій сзывалъ народное ополченіе, а на помощь къ нему шелъ Крымскій ханъ. Въ то же время польское войско, верховнымъ предводителемъ котораго считался самъ король, уже было на готовѣ, и какъ только на Волыни снова появились загоны, оно вступило, чтобъ разгонять ихъ: нѣкоторые города перешли назадъ въ руки поляковъ, въ томъ числѣ Баръ.

Непріятельскія силы встрѣтились снова на той же территоріи, что и въ предъидущемъ году. Осада Збаража, обложеннаго войсками Хмельницкаго и крымцами, такъ героически выдержанная поляками, которыхъ воодушевлялъ Іеремія Вишневецкій, составляетъ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ польской исторіи; но подъ Зборовымъ, гдѣ украинско-татарское войско встрѣтило польскую армію, спѣшившую подъ предводительствомъ самого короля на выручку Збаража, опять чуть было не повторилась таже картина безудержнаго бѣгства подъ вліяніемъ паническаго страха. Результатомъ пораженія былъ Зборовскій мирный договоръ, заключенный нѣсколько поспѣшно подъ давленіемъ татаръ и представлявшій собою попытку разрубить положеніе, которое нельзя было распутать.

И такъ Зборовскій договоръ, составленный и утвержденный подписью Яна-Казиміра въ августѣ 1649 г., характеризуетъ собою моментъ нѣкотораго временнаго затишья, втеченіе котораго дѣлаются попытки къ упорядоченію отношеній, къ выведенію ихъ изъ хаотическаго состоянія.

Польша признала козацкую Украину, въ предѣлахъ которой прекращало свое дѣйствіе польское право. Предѣлы эти

отмѣчены были не тѣсно: съ запада—Горынь, Случъ и Днѣстръ до Ягорлыка; съ сѣвера—Припять, Днѣпръ по Деснѣ и Ипути, а съ востока и юга нечего было и ограничивать—просто до Московіи и Татаръ. Въ предѣлахъ этой территоріи, которой хватило бы на перворазрядное европейское государство, Украина дѣлилась на 16 полковъ, которые назывались по главнымъ городамъ (на правомъ берегу было 9 полковъ), а полки дѣлились на сотни и пользовались полной автономіей. Всего козацкаго войска, расположеннаго на этой территоріи, вписаннаго въ реестры, полагалось Зборовскимъ договоромъ 40000; но еслибъ эта цифра и соблюдалась, то все-таки она включала въ себѣ значительную массу населенія. Каждый реестровецъ втягивалъ въ привиллегированный классъ всѣхъ своихъ родственниковъ, затѣмъ онъ имѣлъ двухъ помощниковъ, или замѣстителей, пѣшаго и коннаго, которые вмѣстѣ съ своими роднями тоже входили въ составъ козачества. Но Хмельницкій, вмѣстѣ съ прочими русскими, ясно видѣлъ, какъ страшно трудно разбить всю возставшую и „окозачившуюся“ массу украинскаго народа, сбросившую съ себя всѣ старыя обязательства, снова на козаковъ и хлоповъ, то-есть какъ-никакъ, а все-таки на привиллегированныхъ и непривиллегированныхъ. Однако миръ съ Польшей внѣ этого условія не былъ возможенъ; да едва-ли и самъ Хмельницкій думалъ, что осуществимъ иной общественный строй, исключающій такое раздѣленіе. И вотъ, чтобы облечить переходное состояніе, онъ подъ-рукой еще устроилъ двадцать тысячъ резервнаго войска, которымъ предводительствовалъ его старшій сынъ а тамъ, гдѣ видѣлъ сильное броженіе и недовольство, разрѣшалъ формировать сверхъ того и „охочіе“ полки. Но часть населенія все-таки должна была оставаться внѣ козачества, слѣдовательно, въ хлопствѣ; а главное—въ силу Зборовскаго договора паны моглп возвратиться на свои земли. Какая часть населенія оставалась въ распоряженіи пановъ, возвращавшихся по приглашенію Хмельницкаго, видно, напр., хотя бы изъ сохранившихся книгъ гродскихъ земскихъ и поточныхъ житомірскаго повѣта за 1650 г., въ которыхъ оставшіеся на мѣстахъ подданные давали подъ присягой показанія, что въ

панскихъ волостяхъ почти нѣтъ людей; что изъ ста хатъ едва остается 2—4 жилыхъ. О томъ, чтобы вернуть старыя права надъ подданными, панщины, произвольные поборы и т. п., которые водворялись было уже передъ Хмельнищиной на земляхъ стараго заселенія, паны не могли и мечтать пока: слава Богу, если хлопы соглашались платить десятину, да и той нелегко было добиться. А между тѣмъ народъ былъ крайне ожесточенъ уже однимъ появленіемъ польскимъ пановъ, съ которыми онъ надѣялся раздѣлаться на всегда: шляхта же, подъ личиной вынужденнаго смиренія, таила озлобленное недовѣріе и страхъ къ своимъ подданнымъ. Положеніе было крайне напряженное, которое не могло затянуться на долго. Въ то время начали ощущаться всѣ ужасы голода. Уже два года, какъ поля были заброшены, старые запасы истощились, торговый подвозъ со стороны Московіи не могъ удовлетворить нуждъ такой большой территоріи, да у массы населенія не было и средствъ для покупки, такъ какъ все пріобрѣтенное при первомъ разграбленіи шляхетскаго добра и пилявицкая добыча—все успѣло разойтись въ два нерабочихъ года. Народъ выкапывалъ и ѣлъ коренья, ѣлъ листья, пухъ съ голоду и умиралъ во множествѣ по улицамъ и дорогамъ; ежедневно толпы тащились со всѣхъ сторонъ по направленію къ Заднѣпровью, надѣясь тамъ найти пищу. Изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ всюду по Украинѣ бродилъ страшный призракъ голодной смерти; Кіевщина, Волынь, Подолье пустѣли. Въ томительной атмосферѣ этого народнаго бѣдствія зловѣщимъ шепотомъ передавались разсказы о женщинѣ, которая съѣла своихъ родныхъ дѣтей, о другой, которая заманивала къ себѣ гостей, чтобы изъ мяса ихъ приготовлять обѣдъ своимъ домашнимъ... А рука объ руку съ голодомъ появились, какъ всегда, тяжелыя повальныя болѣзни, которыя какъ бы свили себѣ съ тѣхъ поръ постоянное гнѣздо на Украинѣ на долгіе годы: отъ моровой язвы 1650 г. „люди падаютъ и лежатъ какъ дрова къ Днѣстру, около Шаргрода и далѣе къ Брацлавлю", пишетъ одинъ современникъ. Мерзость запустѣнія начала водворяться въ краѣ, еще такъ недавно плѣнявшемъ своей цвѣтущей красотой; вмѣсто пѣнія птицъ слышенъ былъ лишь вой собакъ и волковъ, кото-

рые такъ разлакомились человѣческимъ мясомъ, что кидались на каждаго неосторожнаго, и жалобно выли, если не находили себѣ добычи... При такихъ-то обстоятельствахъ должны было водворяться на Украинѣ новые порядки, вытекавшіе изъ условій Зборовскаго договора.

А Польша между тѣмъ уже давно перестала презрительно трактовать украинскія дѣла, какъ простыя своеволія презрѣнной черни. Хлопъ превратился въ козака, а козакъ принялъ образъ какой-то многоголовой гидры, посягающей на самое существованіе шляхетской Рѣчи-Посполитой. И въ самомъ дѣлѣ, почти на всемъ пространствѣ государства шляхта чувствовала подъ своими ногами подземные толчки, сотрясающіе ту хлопскую почву, на которой опиралось ея существованіе; на Литвѣ и въ Галиціи уже были хлопскіе бунты; отдѣльные загоны переходили изъ Волыни на территорію Польши: а что если и всюду изъ нѣдръ хлопства вылупится козакъ и тотъ или иной Хмельницкій поведетъ чернь на шляхту? Зборовскій миръ не могъ успокоить этихъ опасеній; напротивъ, эта козацкая гидра получила свое законное логовище, откуда ей тѣмъ удобнѣе будетъ замышлять свои ковы на шляхетскую Польшу. Съ другой стороны, хотя Зборовскій договоръ и возвратилъ шляхтѣ ея права на земельную собственность въ предѣлахъ козацкой Украины, но пока эти права были совершенно фиктивными, а будущее... о какомъ свѣтломъ будущемъ подъ козацкимъ режимомъ могла мечтать шляхта? Всѣ же мечты, обширные планы и далекіе виды магнатовъ на захватъ и колонизацію новыхъ земельныхъ районовъ разлетались окончательно. Неудовольствіе было общее и крайнее. Тревожное настроеніе, въ которомъ раздраженіе мѣшалось со страхомъ, страхъ съ надеждой, все это питало легковѣріе во всѣхъ его видахъ. Слухи о всевозможныхъ ужасахъ ходили, какъ достовѣрныя извѣстія объ украинскихъ событіяхъ; разсказы о сверхъестественныхъ явленіяхъ и чудесахъ не возбуждали никакого скептицизма, такъ какъ не могъ же божественный промыселъ безучастно относиться къ такому нарушенію предопредѣленнаго имъ порядка. Въ Барѣ днемъ вышла изъ костела процессія мертвецовъ, замученныхъ Кривоносомъ,

всѣ въ бѣлыхъ саванахъ и съ воплями: „отомсти, Боже нашъ, кровь нашу“! Въ Дубнѣ три распятія, обращенныя на востокъ, сами обернулись на своихъ подставахъ къ западу, т. е. отвернулись отъ козаковъ. Въ Сокалѣ Божія Матерь сама обѣщала монаху побѣду. Даже въ Крыму были небесныя знаменія, которыя, по словамъ плѣнныхъ, возвращавшихся на родину, ханскіе знахари толковали, какъ обѣщающія побѣду поляковъ надъ козаками. Въ августѣ вернулся изъ плѣна польскій гетманъ Конецпольскій со страстной ненавистью къ козакамъ, со страстной жаждой отомстить имъ и тѣмъ смыть свой позоръ. Тотчасъ же вступилъ онъ въ исправленіе своихъ обязанностей и въ главѣ кварцянаго войска залегъ на Подольѣ, съ нетерпѣніемъ выжидая случая, чтобъ вмѣшаться въ украинскія дѣла. Случай тотчасъ же дали пограничные споры: Подольскіе хлопы не хотѣли признавать границъ, поставленныхъ Зборовскимъ договоромъ, такъ какъ онѣ оказались внѣ козацкой Украины, и Брацлавскій полковникъ Нечай, одинъ изъ самыхъ ожесточенныхъ враговъ шляхетской Польши, не только набиралъ въ козаки изъ мѣстностей, лежащихъ внѣ указанныхъ предѣловъ, но и занялъ нѣкоторые пункты, не отходившіе къ козакамъ по договору.

Въ самомъ началѣ 1651 г. Калиновскій занялъ безъ сопротивленія Подольскіе замки Ямполь, Шарогродъ, Мурафу. Только въ Красномъ, гдѣ находился самъ Нечай, встрѣтилъ онъ отпоръ. Двое сутокъ обороняли козаки замокъ, и когда наконецъ враги ворвались, то въ одной изъ замковыхъ свѣтлицъ они нашли тѣло Нечая: у изголовья горѣли восковыя свѣчи, дьякъ читалъ надъ покойникомъ, а кругомъ молились его близкіе. Но таково было всеобщее ожесточеніе тѣхъ ужасныхъ временъ, что даже и этотъ торжественный видъ уже поконченныхъ счетовъ съ жизнью, не удержалъ жолнѣровъ. Всѣ присутствующіе были убиты; тѣло брошено на поруганіе. Надо отдать справедливость Калиновскому: онъ былъ сильно возмущенъ такимъ святотатствомъ. Подобные эпизоды глубоко западаютъ въ народную память; вѣроятно, благодаря этому имя и образъ Нечая, очень далекій, повидимому, отъ его реальныхъ чертъ, перешли и въ украинскія думы, и въ польскую поэзію.

И такъ, польское войско захватило часть края, находившагося въ козацкихъ рукахъ, и теперь, ободренное успѣхомъ и обремененное провіантомъ и цѣнной добычей, двигалось вглубь „Бужскаго козачества“, прямо на Винницу, гдѣ заперся съ горстью козаковъ полковникъ Богунъ.

Изъ восьмидесяти дѣятелей, имена которыхъ дошли до насъ отъ перваго десятилѣтія Хмельнищины, Богунъ есть несомнѣнно самый замѣчательный. Умъ и энергія въ связи съ выдающимися военными способностями и большой независимостью характера отмѣчаютъ всѣ его дѣйствія; онъ никогда не запятналъ себя безцѣльной жестокостью, а, главное, въ его поступкахъ всегда ощущается присутствіе идеальныхъ мотивовъ, которыхъ какъ бы не достаетъ иногда самому Хмельницкому. Въ столкновеніи подъ Винницей съ Калиновскимъ, къ которому пришелъ на помощь Брацлавскій воевода Ланцкоронскій, Богунъ въ первый разъ выступилъ на историческую сцену и выступилъ блестяще. Вытѣсненный изъ города и изъ замка, Богунъ со своей горстью держался въ монастырѣ, на надбрежной скалѣ. Безпрестанныя вылазки, фигли, на придумываніе которыхъ Богунъ былъ чрезвычайно изобрѣтателенъ, сдѣлали то, что поляки рѣшились отступить, такъ какъ понесли большія потери. Но тутъ опять повторилось съ польскимъ войскомъ старое несчастіе: разнесся слухъ о томъ, что на помощь Богуну идетъ Хмельницкій съ татарами, и войско разбѣжалось въ паническомъ страхѣ, побросавъ всю свою добычу. Крайне изнуренные козаки Богуна даже не имѣли силъ преслѣдовать бѣглецовъ. Съ этихъ поръ Богунъ выступаетъ, какъ Брацлавскій полковникъ, т. е. предводитель Бужскаго козачества, глава всего Побужья.

Такимъ образомъ еще не наступила весна 1651 г., а уже на югѣ Украины открылись военныя дѣйствія. Но пока обѣ стороны дѣлали видъ, что принимаютъ все происходящее за частное столкновеніе, а сами энергично готовились къ войнѣ. Паны, только что начинавшіе устраиваться въ своихъ имѣніяхъ, снова спасались поспѣшнымъ бѣгствомъ. Въ Польшѣ сбиралось посполитое рушенье: шляхта шла съ необычайной готовностью, съ религіознымъ подъемомъ настроенія, самъ король предводи-

тельствовалъ войскомъ. И въ лагерѣ Хмельницкаго не было недостатка въ готовности, но былъ недостатокъ въ единодушіи. Прежде всего, русскіе горькимъ опытомъ убѣдились, какъ тяжело приходилось расплачиваться за помощь татаръ, которые опять пришли къ Хмельницкому съ ханомъ; а главное самъ украинскій народъ раскололся на козака и хлопа и чувствовалъ это.

Битва дана была „пидъ мистечкомъ та пидъ Берестечкомъ", по словамъ украинской думы, на р. Стыри, въ іюнѣ. Это было первое и страшное пораженіе, которое нанесли поляки Хмельницкому. Причиной пораженія были татары. Ханъ Исламъ-Гирей явился на помощь козакамъ противъ воли, подъ давленіемъ Турціи, которая разсчитывала пріобрѣсти протекторатъ надъ Украиной. Татары не только покинули украинцевъ въ критическую минуту, но захватили съ собой насильно Хмельницкаго, и такимъ образомъ украинское войско осталось безъ вождя. Положеніе сразу сдѣлалось крайне опаснымъ. Огромный украинскій таборъ, окопанный валами съ трехъ сторонъ, а съ четвертой примыкавшій къ болоту, заключалъ въ себѣ до двухсотъ тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ много женщинъ и дѣтей, стариковъ и духовенства. Изъ числа военнаго люду едва одна пятая состояла изъ реестровыхъ козаковъ; остальное — хлопы, хотя и подѣленные Хмельницкимъ на отряды и пристроенные къ полкамъ, но недисциплинированные, плохо вооруженные, а то и совсѣмъ безоружные. Въ этой пестрой массѣ, предоставленной въ крайне опасный моментъ самой себѣ, наступило разложеніе. Ярко вспыхнуло недовѣріе хлопа къ козаку; чернь подозрѣвала, что старшина выдастъ ее на жертву врагу; явилось нѣсколько партій, которыя боролись одна съ другой; духовенство, вмѣсто того, чтобы явиться въ роли миротворца, усиливало своимъ вмѣшательствомъ раздоры. Богунъ, который выбранъ былъ массой изъ числа прочихъ семнадцати старшинъ какъ бы въ наказные гетманы, нѣсколько времени спасалъ положеніе своей необыкновенной энергіей: поддерживалъ кой-какой порядокъ внутри лагеря, дѣлалъ удачныя вылазки изъ табора, велъ переговоры съ королемъ и разсылалъ шпіоновъ за

вѣстями о Хмельницкомъ, относительно судьбы котораго никто ничего не зналъ въ таборѣ. День и ночь не сходилъ онъ съ коня, пользовался каждой оплошностью врага, былъ всѣмъ—и вождемъ, и начальникомъ штаба, и инженеромъ. Но положеніе было слишкомъ трудно, и тянуть его дѣлалось невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что къ польскому войску подвезли большія пушки, которыя громили таборъ. Надо было уходить. Богунъ подготовилъ уходъ, перекинулъ мостъ черезъ рѣчку и плотину черезъ болото, которая намощена была изъ возовъ, походныхъ шатровъ, конской сбруи, кожуховъ, человѣческихъ труповъ. Все это онъ устроилъ втихомолку, втихомолку ночью и выбралась часть войска изъ лагеря. Но вдругъ хлопскую массу обхватила паника, въ основаніи которой лежалъ слухъ, что старшина съ козаками ее кидаетъ: народъ разомъ бросился на переправу, давили другъ друга, топили плотину и сами тонули въ болотѣ. Напрасно Богунъ, вернувшись на-встрѣчу, убѣждалъ и уговаривалъ успокоиться и не губить себя и другихъ: ничто не помогало. Тогда онъ прорвался съ своими козаками черезъ польскій отрядъ, заступившій дорогу, и ушелъ въ степь; за нимъ послѣдовали и другіе козацкіе старшины; хлопская масса въ самомъ дѣлѣ осталась „на мясныя ятки". Двѣсти человѣкъ засѣли на болотной кочковинѣ и рѣшились защищаться до послѣдняго. Гетманъ, видя ихъ отчаянную рѣшимость, заявилъ, что оставляетъ имъ жизнь, но они не приняли милости, въ знакъ своей рѣшимости, въ виду войска, побросали въ воду всѣ свои деньги, а потомъ опять взялись за самопалы. Конница не могла съ ними ничего подѣлать; послали пѣхоту, которая оттѣснила ихъ въ болото. Но и здѣсь, стоя по поясъ въ болотѣ, они защищались отчаянно. Наконецъ, остался одинъ, но и тотъ не принялъ пощады, а держался нѣсколько часовъ, пока какому-то мазуру неудалось достать его и зарубить косой. Это изъ польскихъ разсказовъ о хлопской „завзятости".

Такимъ образомъ къ концу лѣта 1651 г. положеніе Украины было критическое. Украинское войско все разсыпалось или истреблено. а между тѣмъ гетманы Потоцкій и Калиновскій съ своими жолнѣрами двигаются въ глубь края; съ сѣвера же идетъ

имъ на встрѣчу съ литовскими войсками Радзивиллъ, который перешелъ съ лѣваго берега Днѣпра на правый и уже взялъ Кіевъ. Правда, урожай этого лѣта предохранялъ населеніе отъ голодной смерти; но эпидеміи свирѣпствовали по-прежнему, а, можетъ быть, и сильнѣе прежняго, благодаря новому побоищу. А, главное, водворялась анархія въ народномъ настроеніи. Хотя Хмельницкій вернулся на Украину, откупившись отъ своего союзника, хана, но не вернулась съ нимъ та сила обаянія, какою онъ держалъ въ рукахъ украинскій народъ. Масса волновалась, приписывала Хмельницкому вину пораженія подъ Берестечкомъ, сбиралась черная (общенародная) рада на Масловомъ ставу и требовала, чтобъ гетманъ далъ на ней отчетъ въ своемъ поведеніи; выдвигались другіе кандидаты на гетманство; внутренній расколъ и взаимное недовѣріе росли. Если прибавить къ этому, что Хмельницкій только что пережилъ тяжелую семейную драму, которая кончилась позорной казнью его молодой жены, бывшей подстаростины Чаплинской, и потерялъ въ военныхъ стычкахъ своихъ лучшихъ друзей, между прочимъ и Тугай-бея, то можно смѣло сказать, что едва-ли онъ переживалъ въ своей жизни болѣе тяжелыя, болѣе критическія минуты, чѣмъ теперь. И то, что онъ не потерялся въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, лучше всего доказываетъ, что онъ не былъ простымъ человѣкомъ случая. Одновременно устраиваетъ онъ свои семейныя и общественныя дѣла: вступаетъ въ третій бракъ съ немолодой уже вдовой Анной Филиппихой, сестрой двухъ полковниковъ, корсунскаго и нѣжинскаго, братьевъ Золотаренокъ, подпираетъ какъ-то свою расшатавшуюся власть и ведетъ энергично съ поляками переговоры о новомъ мирѣ. Сопротивляться войскамъ, коронному и литовскому, которыя соединились въ глубинѣ Украины, подъ Васильковымъ, при такихъ обстоятельствахъ было прямой невозможностью. Надо было купить миръ какой-бы то ни было цѣной, лишь бы выиграть время. А будущее еще могло представить всякія возможности: недаромъ судьба убрала съ дороги какъ разъ въ такое тяжелое время самаго ожесточеннаго и самаго опаснаго врага украин-

скаго народа, Іеремію Вишневецкаго, который умеръ внезапно въ Паволочи, въ цвѣтѣ лѣтъ и силы, повидимому, отъ холеры.

Конечно, поляки также сильно желали мира: и въ ихъ войскахъ свирѣпствовали повальныя болѣзни.

Коммиссія, по прежнему съ Киселемъ во главѣ, прибыла въ Бѣлую Церковь, въ то время главный военный украинскій станъ. Этотъ форпостъ, выдвинутый въ дикую степь, превратился какъ бы въ огромный городъ: здѣсь кишѣла масса хлопства, стянутаго со всей козацкой Украины до трехъ сотъ тысячъ человѣкъ по меньшей мѣрѣ, и посреди этой массы, коекакъ справляясь съ нею, дѣйствовала козацкая старшина. Хлопство не хотѣло слышать ни о какихъ коммиссарахъ, ни о какихъ соглашеніяхъ: конечно, теперь оно хорошо понимало, что всякое соглашеніе кончится для него неизбѣжно панщиной. „Съ ума вы посходили, паны, что-ли“!—такъ привѣтствовалъ коммиссаровъ войсковой писарь Выговскій, „что пріѣхали въ огонь, къ хлопамъ? И мы, защищая васъ, пропадемъ“...

Пропасть старшина не пропала; но она, съ Хмельницкимъ во главѣ, должна была привести въ дѣйствіе всѣ свои силы, всю энергію, чтобъ уберечь коммиссаровъ отъ толпы. Разбивали хлопскіе черепа, снимали съ плечъ хлопскія головы, чтобы удержать чернь отъ штурма замка, гдѣ укрывались коммиссары; при появленіи поляковъ на улицѣ, надъ ними ругались, грозили, бросали камнями, пускали стрѣлы. И хотя въ концѣ концовъ ихъ отпустили живыми, но за то отняли все, что у нихъ было съ собой—деньги и драгоцѣнности, коней и шатры. Тѣмъ не менѣе Бѣлоцерковскій миръ былъ заключенъ: число реестровыхъ уменьшено до двадцати тысячъ, границы козацкой Украины съужены до предѣловъ одного Кіевскаго воеводства. Въ октябрѣ войско оставило Украину, что собственно только и было нужно Хмельницкому. О соблюденіи условій мира онъ не думалъ: да и можно ли было думать объ этомъ? Къ тому же и сама Польша дала на то формальное право: тотъ сеймъ, на которомъ должно было состояться утвержденіе договора, былъ сорванъ, и такимъ образомъ Бѣлоцерковскій договоръ не получилъ юридической силы.

Если Хмельницкій еще недавно допускалъ, что возможенъ modus vivendi между Украиной и Польшей, то теперь уже онъ не думалъ этого. Являлась неизбѣжной какая-нибудь иная политическая комбинація. Двѣ комбинаціи навязывались положеніемъ: одна—протекторатъ Турціи, другая—Московскаго государства. Обѣ, при положительныхъ сторонахъ, представляли и много отрицательныхъ. Выборъ былъ нелегокъ, гетманъ колебался. Но, колеблясь, онъ поддерживалъ съ Москвой и Константинополемъ самыя тѣсныя отношенія, подготовляя свой послѣдній шагъ, но не рѣшаясь его сдѣлать ни въ ту, ни въ другую сторону. Въ тоже время онъ держалъ по отношенію къ Польшѣ видъ вѣрноподданнической покорности и соблюденія поставленнаго договора. Но этимъ видомъ онъ пользовался лишь для проведенія своихъ собственныхъ цѣлей. Поляки требовали приведенія въ исполненіе условій Бѣлоцерковскаго договора: гетманъ на-встрѣчу ихъ требованіямъ слалъ жалобы, что такіе-то и такіе-то бунтовщики и вожаки своевольной черни не даютъ ему, гетману, несмотря на всѣ желанія, приводить въ исполненіе постановленныя условія. А на Украинѣ, дѣйствительно, появлялись отдѣльныя лица, которыя воплощали въ себѣ народное недовольство положеніемъ дѣлъ вообще, Хмельницкимъ въ частности. Согласно заявленіямъ Хмельницкаго, поляки послали на Украину судную коммиссію, и такимъ образомъ гетманъ, при помощи ихъ и до нѣкоторой степени на ихъ счетъ, раздѣлывался съ вожаками недовольныхъ. На украинскихъ рынкахъ катились головы враговъ гетмана; терроръ сдерживалъ нѣсколько проявленія недовольства; но положеніе дѣлъ не улучшалось. Народъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уже пришелъ къ убѣжденію, что положеніе, плохое въ настоящемъ, ничего не обѣщаетъ и въ ближайшемъ будущемъ, и двинулся за Днѣпръ. Втеченіе года, слѣдующаго за Бѣлоцерковскимъ миромъ, масса жителей Поднѣстровья и Побужья ушла и осѣла на берегахъ Донца, Удая, Коломака, Харькова: росла Украина Слободская, и пустѣла настоящая, исконная.

Но разыгрывая передъ поляками видъ покорности, Хмельницкій подъ рукой приводилъ въ исполненіе свои планы. Оче-

реднымъ изъ этихъ плановъ, состоявшимъ, вѣроятно, въ связи съ турецкимъ протекторатомъ, было соединеніе Молдавіи съ Украиной путемъ брака старшаго сына Тимоша съ Розандой, дочерью господаря Лупулла. Ни Лупулъ не хотѣлъ этого брака, ни Польша, его союзница. Калиновскій, послѣ бѣлоцерковскаго мира, стоялъ съ кварцянымъ войскомъ на Побужьѣ и рѣшилъ низачто не пропускать сватовъ въ Молдавію. Для этой цѣли онъ расположился на берегу рѣки Буга, недалеко отъ Ладыжина у горы Батоги, а въ его войско собрался цвѣтъ польскаго рыцарства. Хмельницкій дѣлалъ видъ, что не принимаетъ ни въ чемъ участія, предупреждалъ Калиновскаго о сыновней затѣѣ, а на самомъ дѣлѣ пригласилъ на помощь татаръ и самъ организовалъ предпріятіе, и организовалъ такъ удачно, что польское войско было окружено и потерпѣло ужасное пораженіе, самъ гетманъ Калиновскій убитъ. Дѣло было въ концѣ мая 1652 года. Тимошъ побѣдоносно прошелъ въ Молдавію, и Лупуллъ теперь желалъ только одного: какъ-бы поскорѣе удовлетворить сватовъ. Розанда, утонченная красавица, сдѣлалась женой простака Тимоша. Теперь поляки ясно увидѣли, какъ двусмысленна была относительно ихъ политика „хлопскаго гетмана". Только что наступилъ новый 1653 г.; еще стояла зима, и потому никто не ожидалъ нападенія, какъ на Украину обрушился во главѣ десяти тысячъ кварцянаго войска Стефанъ Чарнецкій, коронный обозный, человѣкъ нообыкновенной энергіи, большой опытности „въ козацкихъ фортеляхъ", которымъ онъ обучился у самихъ козаковъ, и нечеловѣческой жестокости: укрощать грозой, топить хлопскій бунтъ въ хлопской крови—только этимъ онъ и руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ. Всюду, гдѣ онъ проходилъ, онъ оставлялъ за собой пустыню, полную развалинъ и пепелищь, страшную той тишиной, въ которой еще какъ-бы звучали предсмертные стоны замученныхъ людей. О жестокости козаковъ сохранилось много ужасающихъ свидѣтельствъ; но и этихъ козаковъ поражалъ Чарнецкій своей безчеловѣчностью. Не находили оправданій для дѣйствій короннаго обознаго и его соотечественники, какъ они ни были озлоблены противъ украинскаго народа. Въ Погребище Чарнецкій ворвался во время ярмарки,

когда тамъ собралось множество народу: онъ вырѣзалъ всѣхъ, не щадя ни женщинъ, ни стариковъ, ни грудныхъ дѣтей. Къ счастію, его успѣлъ задержать въ его страшномъ движеніи Богунъ: въ битвѣ подъ Монастырищемъ и самъ коронный обозный былъ опасно раненъ, и войско его все разсыпалось. Такимъ образомъ, вся эта военная экспедиція оставила лишь впечатлѣніе ужасовъ, которые произвелъ Чарнецкій: но терроризировать украинское населеніе было нелегкой, и можно сказать, даже неисполнимой задачей.

Теперь поляки сосредоточили все свое вниманіе на томъ, чтобы мѣшать Хмельницкому въ его Молдавской политикѣ. Тимошъ, отвезя молодую жену на Украину, возвратился съ козаками въ Молдавію и, конечно, руководясь отцовскими планами, затѣялъ войну съ Валахіей. Но предпріятіе оказалось неудачнымъ, валашскій господарь соединился съ седмиградскимъ княземъ Ракочи, получилъ помощь отъ поляковъ; Лупуллъ былъ свергнутъ съ престола, а потомъ и Тимошъ умеръ отъ раны, полученной имъ въ то время, какъ враги осаждали Сочаву, гдѣ онъ заперся. Хмельницкій не успѣлъ во-время придти на помощь. Вся молдавская политика кончилась ничѣмъ, или, точнѣе сказать, тяжелой потерей, смертью сына. Тѣмъ самимъ сошла со сцены и мысль о турецкомъ протекторатѣ. А между тѣмъ осенью, когда смертью Тимоша пришли къ окончательной развязкѣ Молдавскія дѣла, польскій король самъ явился во главѣ войска на Поднѣстровье. На Поднѣстровьѣ же стоялъ и Хмельницкій, къ которому опять пришелъ на помощь татарскій ханъ. Но этотъ такъ называемый Жванецкій походъ обошелся безъ всякаго серьезнаго столкновенія воюющихъ сторонъ: Хмельницкій благоразумно предоставилъ полякамъ сражаться съ стихійными невзгодами: осенними ливнями, холодомъ, недостаткомъ крова и провіанта. Жолнѣры начали бунтовать и разбѣгаться. Состоялся, по настоянію татаръ, Жванецкій миръ. Условія его были какъ бы и выгодны для украинскаго народа: имъ возвращался въ свою силу Зборовскій договоръ. Но въ числѣ этихъ условій было одно, позорное и для поляковъ, и для украинцевъ: татары выговорили себѣ право распустить свои загоны по Украинѣ,

чтобъ набрать себѣ ясыръ въ видѣ контрибуціи. Еще лишній разъ видѣла Украина, какихъ союзниковъ имѣетъ она въ татарахъ. Однако кое-кто на Украинѣ уже зналъ, что гетманъ рѣшился, что послѣдній шагъ уже сдѣланъ, хотя пока еще и держится въ тайнѣ: Украина порываетъ съ Польшей и поступаетъ подъ протекторатъ Московскаго государства.

8 января 1654 г. состоялась Переяславская рада, которая дала окончательную санкцію уже заключенному договору; жизнь украинскаго народа пробивала себѣ новое историческое русло. Договоромъ этимъ количество войска запорожскаго опредѣлялось въ 60000, а за Украиной обезпечивалась полная свобода суда и самоуправленія.

Рѣшеніе Переяславской рады соединиться съ Москвой не было выраженіемъ единодушной воли, единодушнаго согласія всего украинскаго народа. Высшее кіевское духовенство встрѣтило рѣшеніе съ тревогой и сомнѣніемъ; многіе принесли присягу, но вопреки своимъ убѣжденіямъ; были и такіе, что совсѣмъ отказались отъ присяги, напр. Сирко, позже знаменитый кошевой запорожскій, и брацлавскій полковникъ Богунъ. Но какъ-ни-какъ, а рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ, и логическія его послѣдствія наступили. Алексѣй Михайловичъ объявилъ войну Польшѣ: одно московское войско двинулось на Литву, другое на Украину. Когда поляки узнали объ оппозиціи Богуна, они предложили ему гетманское достоинство, надѣясь такимъ образомъ удержать за собой Побужье, если не всю правобережную Украину. Богунъ велъ переговоры, затягивалъ ихъ, но это было съ его стороны лишь дипломатической сноровкой: если Богунъ не хотѣлъ московскаго протектората, то еще гораздо меньше хотѣлъ возвращенія къ Польшѣ. Наконецъ, и поляки увидѣли, что здѣсь имъ не на что надѣяться. Переговоры съ Крымомъ тоже затягивались. Хотя ханъ, въ виду соединенія Хмельницкаго съ Москвой, теперь становился естественнымъ союзникомъ Польши, но только къ осени поляки могли добиться высылки на помощь татарскаго войска, и то на тяжелыхъ условіяхъ: татарамъ отдавался на зимовье весь край между Днѣстромъ и Бугомъ, чтобы въ каждомъ мѣстечкѣ

гарнизонъ былъ на половину польскій, на половину татарскій, чтобы рядомъ съ гетманомъ былъ султанъ-калга, рядомъ съ полковниками мурзы.

Лишь въ концѣ октября коронныя войска стали подъ Шарогродомъ, „украинскими воротами", и принялись очищать Поднѣстровье. Въ авангардѣ снова шелъ свирѣпый Чарнецкій. Отпоръ встрѣтили въ Бушѣ. Заброшенная у сліянія рѣчекъ Морафы и Буши, окруженная скалами, Буша была столицею „левенцовъ", или подольскихъ самозванныхъ козаковъ. Они были вытѣснены изъ Могилева и засѣли здѣсь. Всего укрывалось здѣсь до 16000 человѣкъ; однѣхъ женъ козацкихъ было тысячъ шесть. Взятіе Буши Чарнецкимъ принадлежитъ къ числу самыхъ ужасныхъ эпизодовъ всей этой ужасной эпохи. Жители сами зажигали свои дома и умерщвляли себя; женщины кидались съ дѣтьми въ пламя или кидали дѣтей въ колодцы, бросались сами вслѣдъ. Жена сотника Завистнаго сѣла на бочку пороху и подпалила ее, хотя красавица Гандзя могла разсчитывать на пощаду. „Твердыя сердца русскія не имѣли надъ собой никакого состраданія", говоритъ одинъ польскій историкъ, современный событіямъ. Все остальное высѣкъ, спалилъ, потопилъ Чарнецкій, не выпустилъ ни души. Огромныя богатства, собранныя въ Бушѣ, всѣ погибли въ огнѣ: если Чарнецкій и былъ корыстолюбивъ, то жестокость его брала верхъ надъ корыстолюбіемъ. Польскіе гетманы, по совѣту Чарнецкаго, разбросали по краю универсалы, требуя послушанія и грозя въ случаѣ отказа судьбой Буши. Но ничего не могли дождаться: села опустѣли, мѣстечки окопались, Побужье молчало, положеніе было такое, что весь край нужно было принуждать къ повиновенію штурмомъ.

Въ январѣ 1655 г, встрѣтилось войско польско-татарское съ козацко-московскимъ: это была такъ—называемая Ахматовская кампанія, разъигравшаяся на территоріи Бѣлой-Церкви. Народъ на своемъ образномъ языкѣ говорилъ, что встрѣча враговъ произошла „на Дрыжиполѣ", такъ какъ дѣло было лютой зимой и всѣмъ приходилось крайне страдать отъ холода. Обстоятельства встрѣчи сложились очень неблагопріятно для

украинцевъ. Поляки окружили часть союзнаго войска, Хмельницкаго съ Шереметевымъ, въ то время, какъ главная масса московскаго войска, ничего не подозрѣвая, спокойно стояла себѣ съ Бутурлинымъ подъ Бѣлой-Церковью. Козакамъ пришлось съ большими потерями пробиваться сквозь непріятелей табором. Таборъ былъ громадный: квадратъ изъ ста тысячъ возовъ, поставленныхъ въ три ряда, скованныхъ цѣпями и уставленныхъ пушками, занималъ площадь до полмили въ длину. Пѣхота дѣйствовала около пушекъ, а въ срединѣ квадрата была заключена конница. Кругомъ этой подвижной крѣпости кипѣли польскія войска, бѣшено кидаясь на нее: послѣ страшныхъ усилій и потерь полякамъ удалось оторвать конецъ табора, но таборъ все таки сомкнулся, и украинцы соединились подъ Бѣлой-Церковью съ московскимъ войскомъ. Поляки считали побѣду своей; но они понесли большія потери, а главное— все это для нихъ не имѣло никакихъ послѣдствій. Край по прежнему лежалъ въ своемъ угрюмомъ и молчаливомъ отпорѣ, не страшась никакого террора, не трогаясь никакими просьбами и увѣщаніями. А между тѣмъ польскіе союзники татары, расположившіеся между Днѣстромъ и Бугомъ, выбирали здѣсь ясыръ, какъ въ завоеванной странѣ. Они хватали все молодое, сильное, красивое, что представляло какую-нибудь цѣнность на восточныхъ рынкахъ. Вь Студеницѣ, Ушицѣ, Бакотѣ, Рашковѣ не стало женщинъ; уводя съ собой кромѣ того огромныя стада коней и воловъ, татары еще требовали, чтобъ союзники давали имъ охрану. Но и охрана не спасала татаръ отъ Богуна, который залегъ съ своими „богуновцами“ въ дикихъ степяхъ, чтобъ отбивать у татаръ ихъ добычу.

Между тѣмъ мрачная грозовая туча облегла Польшу со всѣхъ сторонъ. Положеніе государства казалось безвыходнымъ. Послѣ Смоленска, московскія войска взяли Полоцкъ и Витебскъ, Могилевъ, Ковно, Минскъ и вступили въ Вильно: Алексѣй Михайловичъ принялъ титулъ великаго князя Литовскаго. Шведы вторглись въ Польшу съ сѣвера и заняли почти все государство съ обѣими его столицами, Варшавой и Краковомъ. Хмельницкій снова стоялъ подъ Львовомъ, держа въ своихъ рукахъ

не только Червонную, но и Холмскую Русь; взятъ былъ и Люблинъ. Таково было положеніе дѣлъ осенью того же 1655 года. Теперь во власти соединеннаго московско-украинскаго войска была судьба русскаго племени во всѣхъ его подраздѣленіяхъ и историческихъ оттѣнкахъ, и, повидимому, Хмельницкій понималъ все значеніе этого обстоятельства: но, къ несчастію, этого не понимали его союзники. Въ слѣдующемъ же 1656 г. московскій царь, плѣненный перспективой, которую выставили ему поляки, получить польскую корону, заключилъ съ Польшей отдѣльный миръ, безъ всякаго участія украинцевъ. Этотъ оборотъ дѣла поразилъ всѣ сознательные и руководящіе элементы Украины, прежде всего, конечно, Хмельницкаго; московскимъ симпатіямъ нанесенъ былъ серьезный ударъ: какъ положиться на такого неустойчиваго покровителя и союзника? какъ быть дальше? Опять появляется мысль о новыхъ политическихъ комбинаціяхъ: Хмельницкій вступаетъ въ сношеніе съ шведами и венграми. При такомъ то положеніи дѣлъ, изъ котораго не видно было никакого удовлетворительнаго выхода, измученный заботой, умеръ Хмельницкій въ концѣ іюля 1657 года.

А. Ефименко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧЕРНИГОВСКАЯ ГИМНАЗІЯ НАЧАЛА 40-хъ ГОДОВЪ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Печатая настоящую статью г. Рудановскаго, мы считаемъ себя обязанными, какъ по отношенію къ читателямъ, такъ и по отношенію къ самому автору, сдѣлать нѣсколько предварительныхъ оговорокъ.

Въ № 5-мъ текущаго года въ статьѣ „Воспоминанія Іосифа Самчевскаго" мелькомъ упомянуто было о личности Ѳ. А. Китченка, назначеннаго по рекомендаціи Судіенка инспекторомъ Черниговской гимназіи. Воспользовавшись этимъ случаемъ, мы въ примѣчаніи помѣстили дополнительныя замѣтки о личности Китченка, любезно доставленныя намъ однимъ изъ бывшихъ учениковъ этой гимназіи и вполнѣ согласовавшіяся съ тѣми свѣдѣніями, какія имѣлись у насъ и раньше изъ другихъ источниковъ. Недавно нами получена отъ одного изъ учениковъ г. Китченка первыхъ годовъ его пребыванія въ Черниговѣ печатаемая ниже статья, иначе освѣщающая и оцѣнивающая личность этого педагога.

Съ одной стороны, желая соблюсти вполнѣ безпристрастное отношеніе къ фактамъ, отошедшимъ уже въ область исторіи, а съ другой—не видя особеннаго противорѣчія въ печатаемой теперь характеристикѣ г. Китченка съ тѣми данными, какія были сообщены раньше, такъ-какъ рѣчь идетъ о разныхъ эпохахъ (а вѣдь въ дѣятельности педагога десятокъ лѣтъ иногда даетъ невѣроятныя перемѣны!)—мы помѣщаемъ статью г. Л. Рудanов-

скаго въ полномъ ея объемѣ, тѣмъ болѣе, что центръ тяжести всей статьи заключается совсѣмъ не въ освѣщеніи личности г. Китченка, а въ прекрасной характеристикѣ педагоговъ Черниговской гимназіи начала 40-хъ годовъ.

Еще одна оговорка. Л. Рудановскій, не читавшій воспоминаній Іосифа Самчевскаго въ нашемъ журналѣ, а знакомый съ ними только изъ выдержекъ, напечатанныхъ въ „Новомъ Времени", впадаетъ въ ошибку, приписывая Самчевскому отзывъ о Китченкѣ, кажущійся ему рѣзкимъ. Считаемъ нужнымъ еще разъ подчеркнуть, что этотъ отзывъ принадлежитъ не Самчевскому, а одному изъ бывшихъ учениковъ Черниговской гимназіи.

Въ № 6542 газеты „Новое Время", въ отдѣлѣ „Среди газетъ и журналовъ", помѣщены выдержки изъ напечатанныхъ въ „Кіевской Старинѣ" воспоминаній Самчевскаго, изображающія въ самыхъ мрачныхъ краскахъ дѣятельность бывшаго инспектора Черниговской гимназіи, Китченка.

Тономъ очевидца и непосредственнаго свидѣтеля Самчевскій говоритъ: „сѣченіе учениковъ было для Китченка истиннымъ наслажденіемъ: это *единственный его трудъ на педагогическомъ поприщѣ. Кромѣ сѣченія онъ ровно ничего не дѣлалъ*";— „каждый день онъ подвергалъ истязаніямъ не менѣе 50-ти учениковъ; многіе наказывались по два раза";—„вопль и плачъ дѣтей оглашали все зданіе гимназіи". Въ видѣ иллюстраціи, разсказывается, что ученика Джогина Китченко преслѣдовалъ систематически и истязалъ до такой степени, что отъ красиваго, розоваго и выхоленнаго мальчика осталась лишь тѣнь и что когда пріѣхавшая черезъ годъ мать „увидѣла своего сына блѣднымъ и замученнымъ, съ нею сдѣлался обморокъ; она такъ рыдала, что всѣ ученики прослезились". Далѣе высказывается удивленіе, какъ директоръ Невѣровъ „допустилъ устройство Китченкомъ застѣнка въ помѣщеніи Мины", своего приспѣшника, „гдѣ проливалась кровь дѣтей". „Чрезвычайно странное совпаденіе", говоритъ Самчевскій: „съ одной стороны добрый, гуманный, ученый, идеально честный директоръ (такъ говорятъ

близко знавшіе Невѣрова), а съ другой — Китченко, положительное воплощеніе звѣря, палача".

Я воспитывался въ Черниговской гимназіи съ 1840 по 1846 г.; при мнѣ, въ 1841 или 42 г., былъ назначенъ инспекторомъ Китченко. Какъ современникъ описываемой Самчевскимъ эпохи и очевидецъ происходившаго въ гимназіи въ первыя 4—5 лѣтъ инспекторства Китченка, я положительно утверждаю, что сообщаемыя Самчевскимъ свѣдѣнія невѣрны и крайне преувеличены, что краски наложены имъ слишкомъ густо и грубо: ни воплей, ни стоновъ въ гимназіи не слышалось, каждодневныхъ экзекуцій не происходило, кровь учениковъ не лилась; все это плодъ слишкомъ пылкой фантазіи. Джогиныхъ, двухъ братьевъ, я зналъ лично; младшій, о которомъ, судя по описанію наружности, говоритъ Самчевскій, никакимъ истязаніямъ не подвергался; мелодраматической сцены обморока матери при видѣ блѣднаго и измученнаго сына и общихъ рыданій положительно не было. Наказывать розгами по 50 учениковъ въ день было невозможно уже потому, что высшіе классы, начиная съ 4-го, освобождались тогда отъ тѣлеснаго наказанія по личному усмотрѣнію, безъ постановленія совѣта, а въ 3-хъ параллельныхъ низшихъ всѣхъ учениковъ было около 150. Китченко, правда, былъ строгъ и если наказывалъ, то наказывалъ сильно; но случаи наказаній были нечасты; импонировалъ отъ не столько наказаніями, сколько суровымъ и властнымъ тономъ отрывистой и рѣзкой рѣчи; для лѣнтяевъ и неисправимыхъ шалуновъ онъ былъ дѣйствительно грозенъ; прилежные же и развитые ученики если не любили, то цѣнили Китченка за добро, какое онъ сдѣлалъ для гимназіи, и за водворенный имъ въ ней порядокъ.

Но не въ этихъ преувеличеніяхъ и вымыслахъ главный грѣхъ автора воспоминаній. Еще болѣе грѣшитъ онъ, утверждая, что „сѣченіе учениковъ — единственный трудъ Китченка на педагогическомъ поприщѣ. Кромѣ сѣченія онъ ровно ничего не дѣлалъ". Въ этихъ словахъ такая вопіющая неправда и такая возмутительная несправедливость по отношенію къ Ѳ. А Китченку, о которомъ я сохраняю самое признательное вос-

поминаніе, что считаю нравственною обязанностью принять на себя, въ видахъ возстановленія истины, нелегкій въ мои годы трудъ печатнаго опроверженія взводимой на него напраслины.

Оговариваюсь, что буду говорить только о первыхъ 4—5 годахъ инспекторства Китченка. Какова была дѣятельность его послѣ 1846 г. въ Черниговѣ, а потомъ въ роли директора Житомирской гимназіи, я не знаю. На моей сторонѣ преимущество непосредственнаго очевиднаго свидѣтельства, въ то время какъ Самчевскій, не имѣвшій въ мое время ничего общаго съ Черниговскою гимназіею, говоритъ только по слухамъ, принятымъ на вѣру безъ всякой провѣрки.

Утверждаю, что Ѳ. А. Китченко сдѣлалъ для Черниговской гимназіи много, очень много: онъ ее рѣшительно пересоздалъ. Чтобы оцѣнить заслугу его въ этомъ отношеніи, необходимо бросить взглядъ на то, чѣмъ была эта гимназія до назначенія его инспекторомъ.

Приходится разбудить уснувшія было и покрытыя 50-тилѣтнею давностію воспоминанія и представить прежде всего характеристику начальствовавшаго и наставническаго персонала.

Директоромъ былъ Як. Павл. Ростовцевъ. Средняго роста, худощавый старикъ, съ изрѣзаннымъ глубокими морщинами небольшимъ лицемъ, съ откинутою назадъ головою, увѣнчанною зачесанными вверхъ сѣдоватыми волосами, онъ 3—4 раза въ году обходилъ классы. Дверь шумно распахивалась сторожемъ, и въ комнату положительно влеталъ директоръ; круто остановившись посрединѣ и не отвѣчая на общій поклонъ, онъ быстро одинъ за другимъ дѣлалъ вопросы учителю — чѣмъ занимаетесь? какъ они (т. е. ученики) у васъ? за что наказаны (всегда стояло нѣсколько человѣкъ на колѣняхъ)?—и, не выжидая отвѣта, такъ-же быстро вылеталъ въ ту-же, или въ противоположную дверь. Этими рѣдкими визитаціями исчерпывалась, по отношенію по крайней мѣрѣ къ намъ, ученикамъ, дѣятельность директора; никого изъ насъ онъ не зналъ и успѣхами нашими не интересовался, на способъ и пріемы преподаванія никакого вліянія не оказывалъ; держалъ себя весьма надменно и прини-

малъ просителей, даже дома, въ халатѣ (что впрочемъ было въ духѣ того патріархальнаго времени).

Совершенную по внѣшности противоположность директору представлялъ инспекторъ Ив. Матв. Сбитневъ. Насколько первый былъ быстръ и стремителенъ въ движеніяхъ и рѣчи, настолько послѣдній былъ медлителенъ, торжественъ и важенъ: медленная поступь; руки сложенныя на груди; неторопливая, размѣренная рѣчь; выраженіе благодушія и благоволенія на лицѣ; отсутствіе всякой энергіи и инціативы въ характерѣ. Одинаково съ директоромъ, онъ никакого вниманія на преподаваніе не обращалъ; съ учениками обращался привѣтливо и ласково, строгимъ наказаніямъ ихъ не подвергалъ, но донималъ отеческими, весьма длинными нотаціями; о поведеніи же и нравственности ихъ весьма мало заботился.

При столь равнодушномъ отношеніи къ дѣлу начальниковъ, въ преподаваніи господствовала крайняя рутина; среди учениковъ—неразвитость и нравственная неряшливость.

Составъ учителей былъ, за немногими отрадными исключеніями, невообразимо плохъ. Большинство изъ нихъ перешло при учрежденіи гимназіи изъ прежняго 4-хъ класснаго училища и имѣло весьма невысокій образовательный цензъ. Ученіе состояло въ дословномъ зазубриваніи убійственныхъ учебниковъ того времени; учителя не давали, да и не могли давать, по ограниченности знаній и развитія, какихъ-либо объясненій и дополненій. Нѣкоторые отличались невоздержностью и нерѣдко являлись на уроки въ нетрезвомъ состояніи; иные были по своимъ нравственнымъ и умственнымъ свойствамъ предметомъ глумленія и насмѣшекъ учениковъ и, понятно, никакого нравственно-развивающаго вліянія на нихъ имѣть не могли. Въ низшихъ классахъ — ручная расправа, битье линейками и палками по рукамъ, квалифицированное колѣнопреклоненіе на гречкѣ или горохѣ при засученныхъ инекспресибляхъ, оставленіе безъ обѣда — были обычнымъ явленіемъ и при томъ, чѣмъ хуже былъ учитель, чѣмъ меньше могъ онъ импонировать личными качествами, тѣмъ чаще прибѣгалъ онъ къ такимъ искусственнымъ средствамъ возбужденія къ себѣ уваженія. Нѣкото-

рые изъ нихъ живо рисуются теперь въ моей пробужденной памяти.

Законоучитель, соборный протоіерей, о. Петръ Шишовъ—высокій, довольно плотный старикъ, съ жиденькою остроконечною бородкою—всегда являлся въ классъ съ толстою въ кожаномъ переплетѣ библіей, которая служила нерѣдко орудіемъ вразумленій для непонятливыхъ учениковъ. Онъ былъ очень добръ, но необыкновенно горячъ и вспыльчивъ. Ученіе начиналось выслушиваніемъ заданнаго урока, при чемъ половина класса обыкновенно ставилась на колѣни, а по головамъ наиболѣе лѣнивыхъ и непонятливыхъ прохаживалась библія. Потомъ назначался новый урокъ—„до сюда"; объясненія если и давались, то такъ невразумительно, что даже наиболѣе способные не могли понять ихъ; о нравственной сторонѣ религіи, о разъясненіи догматовъ христіанства, значенія таинствъ и церковной обрядности—помину не было. Требовалось дословное заучиваніе безъ всякихъ добавленій.

Учитель географіи Кондратьевъ, средняго роста, съ круглымъ брюшкомъ и отвисшею нижнею губою, являлся нерѣдко въ весьма возбужденномъ состояніи, что́ тотчасъ же по нѣкоторымъ твердо изученнымъ признакамъ подмѣчалось наблюдательнымъ дѣтскимъ глазомъ. Смущенныя лица невыучившихъ урока тогда просвѣтлялись, книги складывались, на всѣхъ устахъ появлялась улыбка въ предвкушеніи предстоящаго спектакля. А спектакли бывали дѣйствительно интересны. Онъ посвящалъ дѣтей въ самыя интимныя подробности своего хозяйства и своей семейной жизни, разсказывалъ безконечное множество чудесныхъ случаевъ, въ которыхъ всегда игралъ самую дѣятельную роль. Разсказъ слѣдовалъ за разсказомъ, съ своеобразной жестикуляціей и мимикой; время уходило; слышался звонокъ, и учитель, торопливо указавъ слѣдующій урокъ, быстро удалялся. Не то бывало при нормальномъ состояніи: сперва просматривались рапортички т. наз. аудиторовъ, и получившіе дурныя отмѣтки ставились на колѣни; потомъ спрашивался урокъ; учитель бывалъ строгъ и суровъ, число колѣнопреклоненныхъ увеличивалось. Затѣмъ производилось объясненіе слѣ-

дующаго урока, т. е. собственно не объясненіе, а повтореніе того же учебника, съ тою же массою ничего неговорящихъ названій городовъ, озеръ и рѣкъ и съ тѣми же кожевенными, салотопенными и мыловаренными заводами, которые, оказывалось, составляли особенности всѣхъ городовъ россійскаго царства отъ Чухломы до Кобелякъ; голосъ учителя постепенно возвышался и доходилъ до крика при произнесеніи нѣкоторыхъ любимыхъ названій, какъ Титтикака, Маракаибо и т. под. Урокъ оканчивался. Учитель, видимо довольный собою, переходилъ въ обычный добродушный тонъ; наказанные прощались, и въ заключеніе разсказывался заранѣе припасенный анекдотъ, возбуждавшій общій хохотъ, подъ шумъ котораго учитель удалялся. Онъ былъ человѣкъ добрый, но ученики не питали къ нему ни малѣйшаго уваженія и подсмѣивались надъ его безконечнымъ враньемъ.

Учитель русскаго языка Розовъ—смирный человѣкъ, съ грязно-желтымъ цвѣтомъ лица и длиннымъ, вѣчно перепачканнымъ въ табакѣ носомъ—читалъ по грамматикѣ Востокова, которую зналъ наизусть и требовалъ того-же отъ питомцевъ. Объясненія заключались въ перефразировкѣ сказаннаго въ учебникѣ и ничему не научали. Диктовку поручалъ лучшему ученику, а самъ засыпалъ; этимъ пользовались шалуны, и начинались различныя игры—сперва тихо, потомъ громче и громче. Кто-нибудь вскрикивалъ, учитель просыпался, и начиналась среди общаго хохота, расправа: классъ наполнялся поставленными на колѣни. Иногда Розовъ приходилъ въ поэтическое настроеніе и могильнымъ голосомъ, съ сильно провинціальнымъ акцентомъ, начиналъ декламировать стихи. Любимыми были— „О, сизокрылая ласточка, о, миловидная птичка", или Востоковское „Хоть весною и тепленько...". Декламація эта, при оригинальной, а въ этихъ случаяхъ и умиленной фигурѣ учителя и при его глухомъ, замогильномъ голосѣ, была такъ комична, что мы съ трудомъ удерживались отъ смѣха. Вліянія на учениковъ онъ не имѣлъ никакого; его не уважали и нерѣдко глумились надъ нимъ.

Учитель французскаго языка—Фешо, изъ барабанщиковъ великой арміи, попавшій въ плѣнъ и оставшійся здѣсь просвѣщать россійское юношество. Коротенькій, толстый человѣкъ, переваливавшійся при ходьбѣ, съ торчащими бровями, придававшими его комичной фигурѣ уморительный характеръ, почти всегда притомъ пьяный, онъ, не смотря на 30-лѣтнее житье въ Россіи, не зналъ ни одного почти русскаго слова. Въ ожиданіи его прихода ученики выстраивались передъ дверью въ двѣ паралельныя шеренги; при появленіи учителя раздавались крики—bonjour mr Fechau, мяуканье, визгъ, свистъ; двоетрое мальчугановъ выскакивали изъ рядовъ и выдѣлывали передъ нимъ невозможные антраша: иной кувыркался черезъ голову, иной шелъ на четверенькахъ, третій нацѣпливалъ сзади бумажку на пуговицу вицмундира. Фешо торжественно вступалъ въ классъ, съ словами—„grosses bètes, polissons! я будетъ сѣкалъ". Но нѣсколько любезныхъ словъ, нѣсколько маленькихъ услугъ,—и добрый старикъ успокаивался. Начинался урокъ. Ученики не понимали учителя, учитель учениковъ, и въ результатѣ никто ничему не выучивался; многіе читали, выговаривая каждую букву, а тѣ, кто зналъ что-либо до поступленія въ гимназію, забывали прежнее. Обыкновенно ученики тѣсною толпою окружали учительскій столъ, отвѣчая на вопросы разомъ, кому что вздумается; шумъ, гамъ, свистъ раздавались въ классѣ. Какой-нибудь мальчуганъ, пристраиваясь сзади, все прицѣливался ладонью къ плѣши учителя и, наконецъ, не соразмѣривъ движеній, звонко хлопалъ по лысинѣ. Иногда производилось бомбардированіе учителя катышками пережеванной бумаги. Терпѣніе Фешо истощалось, онъ звалъ инспектора. Неторопливою походкою, со сложенными накрестъ руками, являлся нахмуренный Иванъ Матвѣевичъ; производилось разслѣдованіе; дѣти не выдавали товарищей, виновныхъ не оказывалось. Все оканчивалось чувствительною нотаціею и приказаніемъ извиниться, что и исполнялось къ общему удовлетворенію.

Учитель нѣмецкаго языка Ратынскій, больше извѣстный подъ данною школьниками кличкою „гаметеръ", къ которой онъ такъ привыкъ, что и самъ откликался, если къ ней при-

бавлялось слово „герръ“. Толстый, рябой, неряшливый и необычайно труслив..й чудакъ, въ косо накинутой на плечи шинели, одна пола которой, волочившаяся по землѣ, всегда была въ грязи, съ обмотаннымъ вокругъ шеи грязнымъ шерстянымъ платкомъ и съ толстою, наполненною книгами и бумагами, папкою подъ мышкою. Онъ также былъ предметомъ общаго глумленія. Легенда шла, что нѣкогда онъ былъ выдающимся по способностямъ и трудолюбію воспитанникомъ виленскаго университета и готовился къ профессурѣ; но что гроза, разразившаяся надъ университетомъ, до того потрясла его робкую и пугливую натуру, что онъ остался запуганнымъ и всего боящимся на всю жизнь. Крайняя бѣдность, обусловленная необходимостью жить съ семьей на одно тогдашнее нищенское жалованье, довершила приниженность этого подававшаго было большія надежды человѣка. Ученики продѣлывали съ нимъ безобразныя, но казавшіяся тогда только забавными, штуки: то собирали между собою нѣсколько мѣдныхъ монетъ и представляли ему, какъ найденныя, съ вопросомъ, не онъ ли потерялъ? „О, да, meine lieben, я сгубилемъ“, отвѣчалъ онъ, поспѣшно схватывалъ ихъ и опускалъ въ свой карманъ;—то приносили съ собою нѣсколько купленныхъ на базарѣ селедокъ или толстыхъ блиновъ и незамѣтно вкладывали въ его папку; при выходѣ шалость обнаруживалась; учитель, нисколько не сердясь, завязывалъ находку въ свой носовой, перепачканный въ табакѣ, платокъ и уносилъ съ собою;—иногда кто-нибудь, въ разсчетѣ на невѣроятную трусливость учителя, вскрикивалъ: „инспекторъ или директоръ идетъ“! Бѣдный Ратынскій блѣднѣлъ и растеривался: дрожащими руками старался пригладить волосы и растрепывалъ ихъ еще больше, силился застегнуть вицъ-мундиръ и не могъ....; наконецъ раздавался общій хохотъ. Понявъ шутку, онъ успокаивался и такъ бывалъ радъ минованію тревоги, что не сердился даже на шалуновъ. Училъ онъ порядочно; у него была своя весьма правильная система преподаванія; но всѣ усилія разбивались о господствовавшее тогда нерасположеніе къ нѣмецкому языку, такъ что выучивались у него чему-нибудь очень немногіе. Нравственнаго вліянія на учениковъ онъ

не имѣлъ никакого; его жалѣли, но не уважали и, при случаѣ, зло подсмѣивались.

Общимъ пугаломъ, предъ которымъ трепетали распущенные школьники, былъ учитель латинскаго языка Климовскій. Онъ былъ непомѣрно строгъ и взыскивалъ за всякую ошибку въ склоненіяхъ и спряженіяхъ и въ безконечныхъ исключеніяхъ изъ правилъ; къ ручной расправѣ онъ, правда, не прибѣгалъ, но наибольшая часть наказанныхъ голодомъ и розгами приходились на его долю. Его боялись, отъ него бѣгали, а потому нравственнаго вліянія онъ имѣть не могъ.

Если эту галлерею дополнить учителемъ рисованія и чистописанія, дряхлымъ и вѣчно пьянымъ старикомъ Зайцевымъ, любившимъ ругаться неприличными словами, и преемникомъ его—молодымъ, непомѣрно длиннымъ господиномъ, имѣвшимъ дурную привычку наказывать за ошибку въ письмѣ или кляксу по рукамъ толстою палкою, и, наконецъ, добрымъ чудакомъ Народоставскимъ, учившимъ всему понемногу, то будетъ исчерпанъ весь учительскій персоналъ низшихъ классовъ. Кто былъ учителемъ математики—не помню; но именно изъ того, что въ памяти моей не сохранилось никакихъ слѣдовъ отъ этой личности, я заключаю, что онъ былъ человѣкомъ довольно безцвѣтнымъ и ничѣмъ не выдававшимся ни въ хорошую, ни въ дурную сторону.

Отъ названныхъ учителей мы не слышали ни одного живого слова, ни одного нравственно-руководящаго наставленія; рутина и пошлый педантизмъ господствовали въ преподаваніи; никто и ничто не будило мысли; работала одна память, вызубривая массу неосмысленныхъ правилъ и фактовъ. Ограниченность умственнаго развитія и низменность нравственнаго уровня большинства учителей производили деморализующее вліяніе. Спало все: спало начальство; полусонными, а часто—пьяными являлись на уроки неряшливые учителя; въ дремотномъ состояніи пребывали питомцы, находя исходъ избытку молодыхъ силъ въ болѣе или менѣе грубыхъ шалостяхъ.

Оговариваюсь: учителей старшихъ классовъ я, находясь во 2 и 3 классѣ, не зналъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ, съ которыми пришлось познакомиться позднѣе, скажу впослѣдствіи.

И вотъ въ это сонное царство, въ затхлую среду этихъ непризванныхъ педагоговъ вступилъ, въ качествѣ инспектора, Фед. Андр. Китченко.

Директоръ, съ закинутою назадъ болѣе чѣмъ когда-либо и растрепанною головою, провелъ его по классамъ и представилъ ему учителей и учениковъ. Средняго роста, худощавый, смуглый брюнетъ, съ небольшими висячими бакенбардами, онъ всею своею небольшою, какъ бы сбитою, фигурою, упорнымъ взглядомъ строгихъ глазъ, твердою поступью согнутыхъ въ колѣняхъ ногъ выявлялъ рѣшительный и твердый характеръ и сильную волю. Директоръ передъ нимъ какъ-то стушевывался. Впечатлѣніе, произведенное имъ на учениковъ и учителей, было различно. Мы, дѣти, инстинктивно поняли, что въ этомъ довольно благообразномъ и щеголевато одѣтомъ человѣкѣ есть нѣчто новое для насъ, незаурядное; мы сразу безсознательно насторожились и встрепенулись. Учителя, избалованные патріархальнымъ отношеніемъ къ нимъ Ивана Матвѣевича, встрѣтили новаго инспектора угловатыми поклонами, подобіемъ улыбки на лицахъ и съ оттѣнкомъ независимости во взглядахъ. Вслѣдъ за уходомъ посѣтителей, Кондратьевъ сообщилъ, что Китченко долженъ быть очень силенъ: онъ зналъ такого же худощаваго человѣка, который поднималъ одною рукою 25 пуд.; самъ онъ, Кондратьевъ, одинъ разъ перебросилъ 2-хъ пуд. гирю черезъ крышу своего дома съ такою силою, что гиря зарылась на аршинъ въ землю. Households Народоставскій задался вопросомъ, происходитъ ли фамилія Китченко отъ слова „китъ“ или „кичиться“. Фешо заявилъ на своемъ невозможномъ языкѣ, что онъ желаетъ, чтобы „Jean Matthieu“ оставался инспекторомъ и что новаго онъ не хочетъ. Зайцевъ ничего не сказалъ, потому что былъ пьянъ до неспособности даже выругаться. Одинъ Ратынскій, отдохнувши послѣ пережитаго страха, замѣтилъ: „то не Ив. Матв.; prędko zobaczymy“. Вообще же впечатлѣніе было скорѣе спокойное, чѣмъ тревожное.

Послѣдовавшія за оффиціальнымъ вступленіемъ въ должность первыя недѣли какъ бы оправдывали оптимизмъ учителей. Китченко являлся въ гимназію къ началу занятій и знакомился съ учителями, посѣщалъ ихъ уроки, у иныхъ по нѣскольку разъ; ни одобренія, ни порицанія не высказывалъ, замѣчаній не дѣлалъ. Знакомился съ бытомъ учениковъ, обходя часто ихъ квартиры, разспрашивая объ условіяхъ жизни, требуя отъ хозяевъ чистоты и опрятности въ квартирахъ и доброкачественности даваемой ими дѣтямъ пищи. Было нѣсколько случаевъ наказаній за шалости и лѣность, убѣдившіе насъ, что новый инспекторъ шутить не любитъ.

Казалось, все шло обычнымъ порядкомъ; никакихъ перемѣнъ впереди не предвидѣлось, ни тревогъ, ни опасеній никѣмъ не ожидалось.

И вдругъ грянулъ громъ. „Стонъ и вопли", по выраженію Самчевскаго, раздались въ гимназіи, но не въ средѣ учениковъ, а учителей. Большая часть ихъ была постепенно уволена въ отставку. Первымъ ушелъ о. Шишовъ, за нимъ послѣдовали Кондратьевъ, Розовъ, Фешо, Климовскій, Зайцевъ и нѣсколько другихъ изъ высшихъ классовъ, фамилій которыхъ не помню. На смѣну ихъ явились молодые преподаватели съ университетскимъ образованіемъ, съумѣвшіе осмыслить и оживить преподаваніе и возбудить въ ученикахъ любознательность и охоту къ ученію. Все встрепенулось и поднялось; наступила для гимназіи новая эра ея существованія.

Конечно, Китченко не былъ единственнымъ виновникомъ совершившейся перемѣны. Почва для нея была подготовлена предшествовавшей ревизіей, обнаружившей невозможно жалкое состояніе гимназіи. Его заслуга заключается въ томъ, что, благодаря его энергической настойчивости, преобразованіе совершилось съ непривычною въ то время быстротою и рѣшительностію, и что при этомъ онъ сумѣлъ отличить овецъ отъ козлищъ и сохранить для гимназіи изъ учительскаго персонала все, что было въ немъ порядочнаго и полезнаго.

Остались: въ низшихъ классахъ Ратынскій и Народоставскій, въ высшихъ Мокіевскій, Больманъ и Паевскій. Скажу, что припомню о трехъ послѣднихъ.

Учитель латинскаго языка, незабвенный Павелъ Ив. Мокіевскій былъ почтенный плотный старикъ, выше средняго роста, съ рябоватымъ широкимъ лицомъ и постоянною доброю улыбкою на устахъ. Онъ не былъ красивъ, но въ его небольшихъ сѣрыхъ глазахъ свѣтилось столько доброты, сердечности, благорасположенности и участія ко всѣмъ, что не любить его было невозможно, и мы всѣ любили и глубоко уважали эту славную личность.

Какъ преподаватель, Павелъ Ив. близко подходилъ къ типу того идеальнаго воспитателя, какой нарисованъ Гоголемъ во 2-й части Мертвыхъ Душъ. Большой латинистъ и глубокій знатокъ римской исторіи и римскаго быта, онъ страстно любилъ свой предметъ и умѣлъ заинтересовать имъ питомцевъ. Весьма своеобразное преподаваніе заключалось въ заучиваніи словъ и идіомовъ языка, въ переводахъ и объяснительномъ чтеніи классическихъ авторовъ, переходя постепенно отъ легчайшихъ по изложенію къ болѣе и болѣе труднымъ, при чемъ попутно объяснялись о обенности и формы языка не въ видѣ сухихъ правилъ, а въ живомъ изложеніи. Заучиваніе словъ не было обязательнымъ, а предоставлялось усмотрѣнію и желанію каждаго. Но мы знали, какое удовольствіе доставляло Павлу Ив. знаніе возможно бо́льшаго числа словъ, и другъ передъ другомъ старались его утѣшить. Слова и фразы, взятыя изъ назначеннаго для перевода мѣста, выписывались каждымъ въ отдѣльныя тетрадки, съ подсчетомъ числа ихъ; тетрадки эти клались, предъ приходомъ учителя, на столъ, и чѣмъ больше ихъ было, тѣмъ веселѣе становилось лицо Павла Ив., тѣмъ шире расплывалась на лицѣ его добрая, милая улыбка. Съ чувствомъ полнаго удовлетворенія заносилъ онъ въ свой журналъ число выученныхъ каждымъ словъ и дѣлалъ провѣрку нѣкоторыхъ случайно вынутыхъ тетрадокъ. Нѣкоторые ученики доходили до виртуозности и „сдавали“ до тысячи словъ каждогодно, средняя же цифра колебалась между тремя и шестью сотнями. Затѣмъ начиналось спрашиваніе назначенныхъ на урокъ переводовъ. При удачныхъ отвѣтахъ доброе лицо учителя сіяло, при неудачныхъ же на немъ выражалось такое огор-

ченіе, что всѣ мы проникались негодованіемъ и укоризною по отношенію къ лѣнивцу, огорчившему Павла Ив. Никакихъ наказаній не полагалось, никогда мы не слышали отъ него грубаго и рѣзкаго слова. „Жаль, очень жаль", говаривалъ онъ по адресу незнающаго урока, переходя на „вы", что̀ одно считалось уже наказаніемъ; „жаль васъ;—не перейдете въ слѣдующій классъ, огорчите вашихъ родителей". Этимъ ограничивался выговоръ, но провинившійся, подъ его нравственною тяжестію и подъ укоризненными взорами товарищей, чувствовалъ себя весьма неловко и въ большинствѣ случаевъ старался исправиться: неисправимыхъ и безусловно плохихъ учениковъ у Павла Ив. совсѣмъ не бывало.

Самой занимательной и многополезной частью уроковъ Павла Ив. было объяснительное чтеніе классическихъ авторовъ. Постепенно, шагъ за шагомъ, со строгою послѣдовательностью знакомилъ онъ насъ съ характеромъ и смысломъ древнеримскаго быта, останавливаясь преимущественно на подвигахъ самоотверженной любви къ родинѣ, преданности идеѣ, гуманности и справедливости. Передавая эти подвиги своимъ яснымъ образнымъ языкомъ, увлекаясь ими самъ, онъ заронялъ въ молодыя воспріимчивыя души сознательную любовь къ родной землѣ, чувства добра и правды.

Непривычная современному уху скандировка стиховъ пріобрѣтала въ устахъ учителя, подъ вліяніемъ умиленія и чувства, какими онъ бывалъ проникнутъ, особую пѣвучесть и торжественность.

Вліяніе его на учениковъ было громадно; въ *„докитченковское"* время онъ одинъ только, да развѣ еще Больманъ, будилъ мысль и возбуждалъ любознательность.

Павелъ Ив. никогда не былъ женатъ и жилъ въ полномъ одиночествѣ. Гимназія замѣняла ему семью, ученики были его дѣтьми, составляли предметъ его заботъ, тревогъ и, по временамъ, торжества.

Миръ праху нашего милаго, добраго старика-наставника! Много поколѣній учениковъ прошло предъ его любящимъ взоромъ и получило отъ него задатки чести, добра и правды. Увѣ-

ренъ, что никто изъ насъ не вспомнитъ о немъ безъ чувства глубокой любви и сердечной признательности.

Учитель физики Больманъ, высокій, плотный, красивый брюнетъ, всегда невозмутимо спокойный, зналъ основательно свой предметъ и, несмотря на затрудненіе съ русскою рѣчью, излагалъ его ясно и вразумительно. Онъ избѣгалъ сложныхъ формулъ и вычисленій и, при полномъ отсутствіи пособій, давалъ вполнѣ отчетливое представленіе о физическихъ явленіяхъ. Въ частной жизни онъ держался особнякомъ, не сходясь съ коллегами.

Совершенно иной типъ представлялъ собою учитель исторіи Ив. Ив. Паевскій. Худощавый, молодой человѣкъ, небольшого роста, очень опрятный, весь какой-то прилизанный, онъ отличался точностію и аккуратностью. Манкировокъ уроками и опаздываній у него не полагалось. Твердо выучивъ наизусть тогдашніе учебники—всеобщей исторіи Кайданова и русской—Устрялова, онъ требовалъ и отъ учениковъ дословнаго заучиванія; никакихъ измѣненій, даже перестановки словъ не допускалось: стукъ костлявыхъ пальцевъ по столу и недовольное „то нѣтакъ“ (sic) сразу водворяли порядокъ. До Карамзина онъ не доходилъ, къ новымъ тогда учебникамъ Смарагдова и Соловьева относился скептически и, какъ только Смарагдовъ смѣнилъ оффиціально Кайданова, призналъ для себя затруднительнымъ заучивать наизусть новый учебникъ и поторопился воспользоваться предложеніемъ перемѣнить свой неудобоизлагаемый предметъ на занятіе латинскимъ языкомъ въ младшихъ классахъ, гдѣ, конечно, былъ болѣе на мѣстѣ. Впослѣдствіи Паевскій долгое время занималъ должность нотаріуса, вполнѣ подходящую къ его педантичнымъ и экономическимъ наклонностямъ, и умеръ недавно въ глубокой старости.

Какъ учитель исторіи, И. И. не выходилъ изъ тѣсныхъ рамокъ учебниковъ; уроки его заключались въ дословномъ произнесеніи того, что ученики обязывались выучивать также дословно[1]); вліянія на учениковъ не имѣлъ никакого, уваженіемъ

---

[1]) Причемъ съ особымъ паѳосомъ и съ глазами. съуженными отъ наслажденія, произносилъ фразы, въ родѣ: „изъ глубины Азіи тучи варваровъ нахлынули

съ ихъ стороны не пользовался, напротивъ, былъ предметомъ вышучиваній и школьныхъ шалостей. Заранѣе, напримѣръ, подыскивались синонимы, умышленноприлагательныя переставлялись обратно учебнику: ученикъ говорилъ—„Дмитрій Донской умеръ", а учитель съ обычнымъ стукомъ поправлялъ „преставился", „Александръ Невскій скончался",—поправка „опочилъ въ Бозѣ"; „Петръ Великій"—„нѣтакъ, Великій Петръ", и далѣе безъ конца; учитель волновался, стукъ учащался и въ результатѣ—дурныя отмѣтки и, по временамъ, приглашеніе инспектора для водворенія порядка.

Иногда школьничество принимало другія формы: учитель имѣлъ привычку, спрашивая уроки, ходить по классу и по временамъ останавливаться, налегая на первую партію; школьники подмѣчали, въ какихъ брюкахъ приходилъ онъ въ гимназію, и если въ свѣтлыхъ, то лицевая доска партіи спѣшно натиралась мягкимъ карандашемъ: учитель перепачкивалъ свои свѣтлые брюки; если въ темныхъ, то приготовлялся мѣлъ, и когда онъ, ходя по классу, направлялся въ одну сторону, партія за спиною его натиралась мѣломъ: послѣдствія были тѣже. Иногда какой-нибудь бойкій ученикъ прочитывалъ предъ уроками соотвѣтственныя мѣста въ исторіяхъ Карамзина или Смарагдова и вставлялъ въ отвѣтъ заимствованные оттуда свѣдѣнія, или же отвѣчалъ урокъ своими словами; учитель недоумѣвалъ, растеривался, останавливалъ, стучалъ; ученикъ возражалъ, ссылаясь на источники; происходила бурная сцена, и либеральный школьникъ терялъ надолго расположеніе наставника.

Другою заботою Китченка съ самаго начала было улучшеніе по возможности быта учениковъ.

До него дѣти состоятельныхъ родителей помѣщались на квартирахъ у инспектора (у директора, кажется, пансіонеровъ не бывало), нѣкоторыхъ учителей и въ частномъ пансіонѣ вѣчно пьянаго нѣмца Капеллера. Это была ученическая аристократія.

(sic) на русскую землю", или „на горизонтѣ русской исторіи появилась свѣтозарная звѣзда: это былъ геній Петра Вел.".

Разсчитывая на вліяніе и заступничество хозяевъ, ученики эти пользовались льготою ничего не дѣлать, не всегда являться на уроки и, между тѣмъ, быть постоянно переводимыми въ высшіе классы и получать большую часть школьныхъ наградъ. Капеллеръ же за наградами для своихъ квартирантовъ не гонялся, но путемъ заискиваній, угощеній и подарковъ достигалъ переводовъ въ слѣдующіе классы. Такія поблажки совершались открыто, безъ всякихъ маскировокъ, возбуждая въ юныхъ сердцахъ чувство горечи отъ сознанія неправды. Остальные ученики жили—немногіе у родителей и родственниковъ, а большинство на частныхъ квартирахъ, человѣкъ по 10 и 20 вмѣстѣ. Что это были за квартиры — гадко вспомнить. Оплачивались онѣ, правда, дешево—рубля по 3 въ мѣсяцъ со столомъ и не болѣе 1 руб. безъ стола, но за то и услугъ отъ хозяевъ мало полагалось. Еще пища, благодаря баснословной тогдашней дешевизнѣ, была сносная и приготовлялась изъ свѣжихъ, припасовъ, хотя безвкусно и неряшливо; но въ самыхъ помѣщеніяхъ—невообразимая грязь, неряшливость, отсутствіе самыхъ примитивныхъ удобствъ, смѣшеніе возрастовъ было обычнымъ явленіемъ. Въ лучшемъ случаѣ взрослые ученики, а такихъ въ то малокультурное время было много, избирали для себя самую отдаленную комнату и пребывали тамъ большею частію при закрытыхъ дверяхъ; тамъ же, гдѣ уединяться по расположенію комнатъ было нельзя, всѣ безцеремонныя отправленія здоровыхъ, брадатыхъ юношей, до водки, картъ и гетеръ включительно, совершались предъ глазами дѣтей - соквартирантовъ. Для каждой квартиры назначался инспекторомъ „старшій“, обязанный наблюдать за поведеніемъ и занятіями учениковъ младшихъ классовъ (старшіе, начиная съ 4-го, отъ надзора освобождались) и получавшій за это даровые столъ и квартиру и маленькую плату отъ дѣтей; но надзоръ былъ чисто номинальный, для очистки совѣсти; на дѣлѣ же онъ парализовался совмѣстнымъ съ дѣтьми житьемъ учениковъ, не подлежавшихъ надзору.

Самые бѣдные нанимали квартиры безъ стола и продовольствовались припасами, высылаемыми изъ деревень. Китченко, вслѣдъ за водвореніемъ въ Черниговѣ, обратилъ вниманіе на

эти злосчастныя квартиры и, путемъ убѣжденій, настойчивыхъ требованій и угрозъ лишить права содержать гимназистовъ, побудилъ хозяевъ наблюдать за чистотою; кое-какія улучшенія стали сразу обнаруживаться; подтянулъ онъ также и „старшихъ“: оргіи и безшабашность привычекъ нѣсколько поуменьшились.

Это были первые шаги. За этимъ онъ задался мыслію замѣнить вредное во всѣхъ отношеніяхъ пансіонерство у учителей устройствомъ пансіона при гимназіи. Обстоятельства благопріятствовали: почетнымъ попечителемъ гимназіи былъ избранъ дворянствомъ богатый, добрый и благожелательный помѣщикъ М. І. Судіенко, сразу оцѣнившій побужденія Китченка и пошедшій на встрѣчу его предположеніямъ. Совокупныя усилія ихъ, опиравшіяся на крупныя пожертвованія попечителя, увѣнчались успѣхомъ: благородный пансіонъ былъ открытъ, хотя и въ небольшихъ размѣрахъ, зависѣвшихъ отъ тѣсноты помѣщенія, въ самомъ домѣ гимназіи.

Значительная часть этого небольшого стараго, 3-хъ этажнаго дома занималась прежде квартирами директора и инспектора. Китченко же въ квартирѣ своего предшественника не поселился; какъ разрѣшился квартирный вопросъ по отношеніи къ директору Ростовцеву—не знаю, но замѣнившій его вскорѣ Я. М. Невѣровъ жилъ внѣ гимназіи. Весь второй этажъ былъ освобожденъ подъ помѣщеніе пансіона, актовый залъ, единственную довольно большую комнату въ домѣ, обратили въ дортуаръ.

Обстановка пансіона была весьма скромная, но приличная; плата за полное содержаніе, съ одеждою, пищею и ученьемъ, умѣренная;—не помню цифры, но, кажется, она не превышала 150 р. въ годъ. Трудно было въ тогдашнемъ Черниговѣ подыскать сносныхъ знатоковъ иностранныхъ языковъ и искусствъ; но тѣмъ не менѣе при пансіонѣ оказались, въ качествѣ гувернеровъ, для французскаго языка почтенный и симпатичный Пагетъ, для нѣмецкаго—какой-то чудакъ, чистокровный нѣмецъ, не имѣвшій ни малѣйшаго представленія о свойствѣ своихъ обязанностей, а служившій предметомъ школьническихъ продѣлокъ; онъ же училъ и игрѣ на фортепьяно, въ которой былъ

нѣсколько сильнѣе, чѣмъ въ своей прямой спеціальности. Танцамъ училъ, за неимѣніемъ новаго лучшаго, замѣнившій старика Зайцева новый учитель чистописанія, личность весьма порядочная, но и весьма комичная, когда, со скрипкою подъ мыщкою, порхалъ сильфидой, не смотря на довольно внушительный животокъ, выдѣлывая различные battements, pas de zéphyre upirouettes; усердно выламывалъ онъ ноги неповоротливыхъ хохликовъ и заставлялъ насъ отвѣшивать граціозные поклоны въ вошедшемъ было тогда въ моду lancier; но ловкихъ танцоровъ все-таки ни одного не выработалъ.

Пансіонъ, устранившій сразу язву пансіонерства у начальниковъ, былъ любимымъ дѣтищемъ Китченка: каждый день—въ будни и праздники—онъ посѣщалъ его по нѣскольку разъ, вникалъ во всѣ подробности хозяйства и быта; по праздникамъ самъ сопровождалъ воспитанниковъ въ церковь; въ высокоторжественные дни, дѣлая по тогдашнему обычаю оффиціальные визиты начальствующимъ лицамъ, бралъ съ собою всегда кого либо изъ пансіонеровъ; возилъ нѣкоторыхъ на jours fixes у губернатора и другихъ верховниковъ; словомъ, употреблялъ всѣ старанія, чтобы заинтересовать пансіономъ и заохотить состоятельныхъ людей помѣщать дѣтей въ это заведеніе. Съ учениками обращался онъ строго, съ нѣсколько даже напускною суровостію, но къ наказаніямъ, особенно тяжелымъ, прибѣгалъ лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ.

Оканчивая этимъ мои замѣтки, предоставляю самимъ читателямъ сдѣлать выводъ, правъ ли авторъ воспоминаній Самчевскій, утверждая, что „сѣченіе учениковъ было единственнымъ трудомъ Китченка на педагогическомъ поприщѣ“ и что „кромѣ сѣченія, онъ ничего не дѣлалъ“. Надѣюсь, что приведенные мною не слухи, а факты говорятъ сами за себя и устраняютъ надобность въ дальнѣйшихъ опроверженіяхъ.

Повторяю, послѣдующей доятельности Китченка въ Черниговѣ послѣ 1846 г. и Житомірѣ я не знаю. Помнится, въ концѣ 50-хъ или началѣ 60-хъ годовъ въ „Современникѣ“ была напе-

чатана статья Добролюбова, подъ сенсаціоннымъ заглавіемъ „всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами“, въ которой говорилось, что въ житомірской гимназіи, гдѣ директорствовалъ Китченко, число высѣченныхъ въ теченіе года въ нѣсколько разъ превышало общее число учениковъ гимназіи, и ставилось въ укоръ тогдашнему попечителю кіевскаго округа Н. И. Пирогову, что онъ отнесся къ такому возмутительному факту равнодушно и не удалилъ тотчасъ же жестокаго директора. Весьма возможно, что одинъ изъ Самчевскихъ (ихъ, сколько мнѣ извѣстно, было на педагогическомъ поприщѣ двое: отецъ, Іосифъ, долгое время инспекторствовавшій въ Новгородсѣверской гимназіи, и другой, Иванъ, мой современникъ по университету, окончившій курсъ на бывшемъ словесномъ отдѣленіи философскаго факультета) стоялъ близко къ послѣдующей дѣятельности Китченка и свои впечатлѣнія того времени перенесъ и на тотъ предшествовавшій періодъ, котораго я былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ. Но это не оправданіе: клеймить человѣка такъ, какъ заклейменъ Китченко въ „Воспоминаніяхъ“, съ прямымъ указаніемъ на дѣятельность его именно въ Черниговѣ, допустимо лишь на основаніи неопровержимыхъ и непреложныхъ фактовъ, а не по однимъ слухамъ.

Лично я никогда не былъ партизаномъ Китченка; не смотря на его особую благосклонность ко мнѣ, выражавшуюся и въ сравнительно снисходительномъ отношеніи къ моимъ весьма крупнымъ шалостямъ, и въ томъ, что едва ли не одному мнѣ онъ давалъ читать составлявшія тогда запретный плодъ рукописныя стихотворенія малороссійскихъ поэтовъ и едвали не одного меня бралъ съ собою при оффиціальныхъ своихъ визитахъ. Всегдашняя суровость и рѣзкость его меня запугивали и заставляли нравственно сжиматься. Чрезъ 40 лѣтъ, въ началѣ 80-хъ годовъ, неожиданная случайность вызвала между нами обмѣнъ нѣсколькими письмами. Тутъ только, изъ писемъ этого 80 лѣтняго старца, убѣдился я, что подъ суровою внѣшностью его таилось отзывчивое и способное къ добрымъ движеніямъ сердце, что суровость эта, соотвѣтствовавшая духу того суроваго времени, была чисто напускною и что онъ со-

хранилъ до глубокой старости и полную ясность недюжиннаго ума, и самое теплое воспоминаніе о многихъ изъ своихъ многочисленныхъ питомцевъ. А что онъ не былъ выше своего времени и шелъ въ уровень съ тогдашними требованіями—поставлено въ укоръ ему быть не можетъ.

Л. Рудановскій.

Частная переписка Григорія Андреевича Полетики. [1]

(1750—1784 г.).

81) Брата Ивана Андреевича, изъ Василькова, 1779 года, 25 ноября.

М. г. мой, братецъ Григорій Андреевичь. Письмо ваше, наполненное лаяня и ругательствъ, имѣлъ я несчастіе получить; моглъ бы и я такимъ образомъ взаимно отвѣтствовать, ежели бъ я имѣлъ такую дурную и пронирливую душу, какъ вы. Но я устраняясь отъ таковыхъ филозовскихъ выраженій, каковіе вы употребляете, и которыхъ и самъ Руссо, обожаемый вамы, въ употребленіи не имѣлъ, хочу толко запросто вамъ обявить нижеслѣдующее: я вамъ, кажеться, уже при послѣднемъ моемъ свиданіи, и яснылъся и неудоволствіе свое оказалъ, что вы зъ братомъ Андреемъ Андреевичемъ, взявши во владѣніе степъ Коровинскій втрое, ежели не слишкомъ болше, противъ половины Овечовского, и владѣвъ онымъ болше десяти лѣтъ, выпустили, случаемъ ли или нерадѣніемъ, изъ своего владѣнія знатную часть, имѣя искъ объ ономъ въ сенатѣ на свое имя, и не дождавши конца, хочетъ наградить свой убытокъ изъ нашихъ незапутанныхъ тяжбою земель. Выноватъ ли я, что вы при началѣ владѣнія вашего онымъ степомъ, не уравняли противъ половыни Овечовского, хотя я вамъ о томъ нѣсколко разъ и напоминалъ, а покойный братъ Стефанъ въ гвалти, грабежи и

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1894 г, № 6.

тяжбу съ вамы за то вступилъ, которую вы съ нимъ велы на общій коштъ вмѣстѣ съ нашимы дѣламы. Имѣете ли вы право уравнивать теперича степъ, когда оного знатная часть изъ владѣнія вашего вышла, не дождавшись конца дѣлу. Вы приводите пустый доводъ о приставничествѣ, который здѣсь совсѣмъ не служытъ; приставничество есть то, когда кто приставленъ будетъ къ общему его зъ другимы имѣнію, съ тѣмъ, чтобъ по прошествіи урочного времены корыстю оного зъ своимы соучастникамы подѣлилъся; а напротивъ того, тотъ, который завладѣлъ общимъ имѣніемъ, корыстуетъся самъ одинъ оного доходамы, не приставникъ, но владѣлецъ неправилный называетъся, такъ какъ и вы въ семъ случаи находитись. Вы то и самы признали, что вы однѣ были самовластніе владѣтели, когда вы чрезъ три суда велы дѣло на свое имя, а нынѣ и въ сенатѣ производиться на вашежъ имя, не приглашая насъ соучастниковъ той земли, въ тѣхъ може быть мыслахъ, чтобъ насъ и никогда до уравненія тѣхъ земель не призывать; а може быть и въ томъ состоите намѣреніи, чтобъ доведши дѣло до сената, тамъ оное и на вѣкы въ долгомъ ящикѣ оставѣть или и насъ вздумаете притягать дохаживать оныхъ земель, въ чемъ я великый резонъ имѣю подозрѣвать изъ вашихъ о приставничествѣ ябедническихъ доводовъ, не бывши никогда ни приставникамы, ни опекунамы. И для того я вамъ явно и ясно обявляю, что я никогда до уравненіа вышеупомянутыхъ земель не приступлю, пока оное дѣло не рѣшитъся въ сенатѣ въ вашу пользу. Вы умѣете мои дѣла перецеживать, а самы будучи философомъ Руссовой секты, за полушку давытесь. Что касаеться до отъискиваніа завладѣнних земель, вы меня угрозить не можете зарокамы, ибо я никогда противенъ не былъ свою долю въ складку давать, а что до повѣренного принадлежитъ, будемъ искать недорогово, чтобъ мы впредь ему не платили за каждой шагъ по рублю, а сверхъ того и другому,—пришый-хвостъ-кобылѣ,—занапрасно триста рублей, въ угодность вашу. Кто изъ насъ теперь бездѣлникъ, я кажется довольно доказалъ: тотъ ли, который свою землю защищаетъ или тотъ, который ухищреннымъ образомъ, покривъ себя лицемѣр-

нымъ братолюбіемъ, оніе отнять хочетъ?—Вы меня за кого хочите содержите, я не спору, а я васъ за лукавого лицемера содержать буду навсегда, и съ тѣмъ остаюсь вашъ покорный слуга и братъ И. Полетика.

82) Григорія Ивановича Полетики, изъ Вѣны, 1780 г., 15/26 января.

М. г. мой, братецъ Григорій Андреевичъ! По письму вашему, писанному изъ Коровинецъ октября 30 числа, минувшаго года, учиня новую справку о необходимо нужныхъ на содержаніе и ученіе дѣтей вашихъ въ Презбургѣ ежегодныхъ издержекъ, я при семъ посылаю вамъ данную мнѣ объ оныхъ записку, изъ которой вы усмотрите, что на каждаго ученика, по самой умѣренной цѣнѣ, надобно въ первый годъ употребить до трехъ сотъ пятидесяти гульденовъ цесарской монеты, а на наши деньги до двухъ сотъ десяти рублевъ; по моему жъ мнѣнію, весьма трудно, да чаятельно и не возможно будетъ, обойтись безъ того, чтобы вамъ на каждаго изъ сыновей вашихъ не издержать въ годъ по сту червонцевъ, или по двѣсти по пятидесяти рублевъ, естьли къ показаннымъ въ помянутой запискѣ надобностямъ присовокупить и такія, которыхъ ни обстоятельно изчислить, ни предвидѣть неможно, какъ напримѣръ: содержаніе слуги, покупку книгъ, бумаги, перьевъ, издержки на лѣкарства и лѣченіе, въ случаѣ болѣзненныхъ припадковъ, и разные другіе случайные и обыкновенные расходы. Между тѣмъ, не желая отвратить васъ, м. г. мой братецъ, отъ добраго и похвальнаго вашего намѣренія къ посылкѣ дѣтей вашихъ въ Презбургъ для наукъ, не могу я однакожъ умолчать предъ вами, что тамошнее ученіе почти ничего не значитъ въ сравненіи того, которое, во время отлучки моей отсюда, заведено въ венгерскомъ городѣ Будимѣ, гдѣ изъ бывшихъ езуитскихъ доходовъ учрежденъ настоящій университетъ, о которомъ здѣсь подано мнѣ весьма хорошее мнѣніе, ибо въ немъ не токмо многимъ наукамъ, съ которыми Презбургскія школы никакого не имѣютъ знакомства, но и многимъ языкамъ, да и всему тому учатъ, что только потребно къ доброму воспитанію молодсго

благороднаго человѣка. И такъ, въ разсуждеиіи сего, не угодно ли вамъ будетъ отвезти дѣтей вашихъ въ помянутый городъ Будимъ, гдѣ содержаніе и ученіе оныхъ менше, по объявленію тамошнихъ людей, будетъ вамъ коштовать, нежели въ Презбургѣ. Тамъ же найдете вы теплыя минеральныя воды, въ которыхъ можно вамъ будетъ покупаться, посовѣтовавшися съ докторомъ, котораго вы тамъ сыщете, а оттуда милости просимъ къ намъ въ гости; мы-жъ, можетъ быть, полѣчимъ васъ и другими, еще лучшую предъ Будимскими репутацію имѣющими банями, кои въ мѣстечкѣ Баденѣ находятся, разстояніемъ въ трехъ миляхъ отъ здѣшняго города, откуда, естьли вы пожелаете и наши эскулапы посовѣтуютъ вамъ, можете побывать и въ Карлсбадѣ, до котораго отсюда щитается шестьдесятъ четыре мили, а сколь далеко отъ Кіева прямо до онаго, о томъ здѣсь никому не извѣстно; чтожъ касается до Карлсбадскихъ обстоятельствъ, о которыхъ вы желаете имѣть свѣденіе, то отъ меня учинены были одному довольно оныя знающему человѣку вопросы, на которые онъ съ своей стороны здѣлалъ отвѣтъ, какъ то усмотрите вы изъ изложеннаго при семъ особливаго листочка, гдѣ вы найдете и мои вопросы, и отвѣтъ на оные.

Когда вы, м. г. мой братецъ, разсудите отвезти дѣтей вашихъ въ Будимъ, который разстояніемъ отъ Вѣны находится въ тридцати миляхъ, то на такой случай я при семъ посылаю вамъ рекомендательное отъ г. Юлинца къ одному изъ знакомыхъ ему тамошнихъ мѣщанъ письмо, съ котораго и копія при семъ же прилагается; а пріѣхавъ туда, можете вы сами подробно распроситься о состояніи тамошняго университета и производимаго въ немъ ученія, такожъ и о всѣхъ до того и другаго принадлежащихъ обстоятельствъ; и естьли вы оныя не найдете согласными съ вашимъ желаніемъ и съ вашими мыслями, или съ тѣмъ добрымъ мнѣніемъ, которое мнѣ здѣсь подано объ ономъ университетѣ, то уже въ такомъ случаѣ ничего не остается вамъ, какъ пріѣхать съ дѣтьми вашими въ Презбургъ, куда и меня можете отсюда выписать, въ два или въ три дни, для соглашенія о нужныхъ къ намѣреніямъ вашимъ распоряженіяхъ. Надобножъ вамъ знать (естьли вамъ неизвѣстно), что ѣдучи изо

Львова, чрезъ Венгрію, въ Вѣну, почти не можно миновать городовъ Будима (по нѣмецки называемаго Офенъ) и Пешты, чрезъ которые и Нѣжинскіе купцы обыкновенно ѣздятъ.

О Полетикѣ не могу я ничего сказать вамъ, потому, что что я не могъ съ нимъ видѣться, хотя и нѣсколько разъ ѣздилъ къ нему, и я по тому и по другимъ обстоятельствамъ примѣчаю, что онъ убѣгаетъ моего знакомства. Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе м. г-нѣ моей Оленѣ Ивановнѣ, такожъ и всѣмъ Роменскимъ и Хмеловскимъ родственникамъ, и между послѣдними—сказать Афанасію Прокофіевичу и Петру Афанасіевичу (Шкляревичамъ), что я получилъ письма ихъ отъ 28 октября и 4-го ноября, что коляска для Петра Афанасьевича, въ ожиданіи отвѣта его на мое къ нему письмо, не была заказана, что уже теперь по оному его отвѣту она мною оставлена будетъ, и что впрочемъ я не имѣю болѣе ничего писать къ нимъ, пребывая со всегдашнимъ моимъ къ вамъ усердіемъ и непремѣнною преданностью, вашъ, м. г. моего, покорнѣйшій и усердновѣрнѣйшій слуга Григорій Полетика.

NB. По обнадеживаніямъ, которыя князю здѣланы отъ графа Никиты Ивановича Панина, сперва чрезъ Букунина меньшаго, а потомъ, нѣсколько разъ, чрезъ Ивана Ивановича Бецкаго, я долженъ здѣсь остаться, но незнаю, сколь долго; мнѣ жъ начали уже пересылать и жалованье, но не инако, какъ съ потерею на вексельномъ курсѣ, вмѣсто того, что всѣмъ другимъ доплачивается оная потеря по новому штату.

Копія съ письма капитана Юлинца къ Будимскому гражданину Дмитрію Бозытовцу, отъ 11 числа мѣсяца генваря по старому стилю, 1780 года.

Племениторoдный, его высокородія канцеляріи и посолства совѣтника нашего Григорія Полѣтики братъ отъ стрица, коллежскій совѣтникъ такожде Григорій Полѣтика намѣряетъ свое и нѣкихъ сродниковъ своихъ сынове у Будимъ науке ради довести, а понеже странному въ чужой земли человѣку потребно есть имати таковаго познаника, койбы его у потребы его наставити и ему послужити могло, того ради усудіосе (?), госпо-

дине куме, реченнаго коллежскаго совѣтника Григорія Полѣтику вамъ симъ препоручити и покорно молити, да бысте не пожалили труда своего, по пришествію сего мужа тамо у Будимъ, яко знатнаго господина и единовѣрнаго своего, честно примите; съ профессоры и учители тамошняго университета его познати; мѣсто ради его и сродниковъ его сыновъ истражити, и все то, что ему тамо отъ потребе будетъ, устроити, а за сіе ваше усердіе и послуженіе, не само я потщуся вамъ достодолжное мое принести благодареніе, но и господинъ совѣтникъ нашъ, его же именемъ я вамъ сіе пишу, ни едну прилику не будетъ пропустити, у койойбы вамъ благодареніе свое показати могло.—Надѣющияся убо я на вашу многообразнѣ уже мнѣ свидѣтельствованную къ послуженію благую и скорую волю, остаю присно.
P.S. Ащелибы се случило, да коллежскій совѣтникъ Полѣтика съ реченными детми не бы самъ тамо у Будимъ дошло, но кого другого съ ними изъ Руссіе посла, то понизко васъ молимъ таковаго посланика его пріимити, како самаго нѣга и у потребныхъ вещехъ ему равно послужити.

83) Брата Андрея Андреевича, изъ Ромна, 1780 г., 1 апрѣля.

М. г. братецъ Григорій Андреевичъ! Бывши въ Коровинцяхъ, въ 20 день прошлаго марта, получилъ ваше м. г-ря моего, письмо; всѣ ваши совѣти въ пріѣздѣ моемъ въ Глуховъ, по разнымъ надобностямъ, пріемлются мною съ моею покорнѣйшею благодарностію, толко при томъ напоминаніе нѣкоего плута и бездѣльника для мене читать весма было непріятно, потому что неблагодарности моей противу васъ въ жизни моей еще одной не бывало, и такъ прошу въ письмахъ, хочай стороною, но неуподоблять мене тѣмъ, кои вамъ оную дѣлаютъ. Домашніе мои крайнѣйшіе недосуги вовся мнѣ нынѣ ехать въ Глуховъ не дозволяютъ, а намѣренъ я въ концѣ святъ ехать къ Андрею Стефановичу (Милорадовичу) первѣе, а отъ него къ графу (Румянцову), естли вы, м. г. мой братецъ, по милости своей, пожалуете мене увѣдомите, какъ о графѣ, такъ и о господинѣ губернаторѣ, гдѣ ихъ я сискать могу въ то время, та и о себѣ, когда изволите быть къ намъ. Естли вы будете тотчасъ по фо-

миной неделлѣ, то я васъ обожду, а буди не заразъ, то уеду. За то, что я вашему Самойленку далъ полное наставленіе, какимъ образомъ копать и садить живци, прошу за мене слово доброе сказать г. губернатору и открыть мое намѣреніе, какого будетъ онъ мнѣнія; естли подъ сумнѣніемъ,—то я и починать не буду; мнѣ все равно такъ быть, какъ я нынѣ есмь. Хочай я своимъ жеребцомъ васъ и превелъ въ сумнѣніе такою цѣною, но прошу оной отнюдь ве жалѣть, посему что оной нынѣ въ себѣ имѣетъ вишины всего росту 2 аршина 6 вершковъ, будучи четирехъ лѣтъ, но совсѣмъ тѣмъ еще весна начинается; вы можете сами его разсмотрѣть полутше съ Алексѣемъ Павловичемъ, которой его еще не смотрѣлъ, поелику нѣтъ его въ домѣ во весь постъ, а онъ нынѣ въ градскихъ заводахъ, а велѣте толко Скибовскому на случай заготовить для него кобылъ хорошихъ съ пять, ибо по его лѣтамъ болѣе ему и давать не слѣдуетъ; и что на сіе соблагоизволите, прошу мене по слѣдующей почтѣ увѣдомить, пребывающаго къ вамъ зъ должнѣйшимъ почтеніемъ. Вашъ, м. г-ря моего, покорнѣйшій слуга Андрей Полетика.

84) Григорія Ивановича Полетики, изъ Вѣны 1780 г. $^4/_{15}$ іюля.

М. г. мой, братецъ Григорій Андреевичъ! Получа, въ свое время, два письма ваши, одно отъ 31-го декабря прошедшаго, а другое отъ 20-го февраля нынѣшняго года, удержался нѣсколько времени отвѣтствовать вамъ на оныя, во первыхъ, потому, что я уже обо всемъ нужномъ для знанія вашего довольно обстоятельно писалъ къ вамъ $^{15}/_{26}$ числа минушго генваря мѣсяца; во вторыхъ, потому, что вамъ уже чрезъ Василія Александровича Шарапова извѣстно объ учиненномъ верховною властію новомъ обо мнѣ опредѣленіи; въ третьихъ,—потому, что мы каждой почтовой день ожидаемъ изъ коллегіи формальнаго объ ономъ опредѣленіи объявленія, но еще по сіе время не дождалися, и чаятельно пройдетъ еще нѣсколько мѣсяцовъ, пока онаго дождемся; а наконецъ, и потому, что я между тѣмъ надѣялся отъ васъ получить отвѣтъ на вышеозначенное мое письмо.—Теперь же, оставя всякое ожиданіе, не хотѣлъ я болѣе мѣшкать отвѣтомъ моимъ

на ваши письма, дабы напослѣдокъ не здѣлаться мнѣ предъ вами виноватымъ въ продолженіи моего молчанія; но иного ничего не будетъ сей отвѣтъ заключать въ себѣ, кромѣ слѣдующихъ трехъ пунктовъ: 1-е, о нѣмецкомъ дворянствѣ для Андрея Андреевича я не могу стряпать до тѣхъ поръ, пока онъ въ томъ не согласится въ Иваномъ Андреевичемъ, и пока они оба вдругъ, не увѣдомятъ меня о своихъ намѣреніяхъ, которое увѣдомленіе могутъ они учинить однимъ письмомъ, лишь бы только оно отъ обоихъ подписано было; ибо Иванъ Андреевичъ принялъ другія по сему дѣлу мысли, какъ то можно усмотрѣть изъ приложеннаго при семъ экстракта изъ письма, которое отъ него въ недавнемъ времени получено мною. 2-е, когда вы получите отъ Ивана Логиновича Кутузова пятнадцать рублевъ и нѣсколько копѣекъ, кои употреблены мною на вино его, то я прошу васъ отдать сіи деньги брату моему Ивану Ивановичу. 3-е, присланный къ вамъ отъ извѣстнаго графа Пармы, а отъ васъ ко мнѣ, пакетъ его, я безъ задержанія отослалъ, куда слѣдовало, по адресу онаго, но еще никакихъ на имя его писемъ нѣтъ у меня въ полученіи, о чемъ вы можете дать ему знать при удобномъ случаѣ. Первымъ изъ вышеозначенныхъ двухъ писемъ вы, м. г. мой братецъ, не мало потревожили было меня, упомянувши въ ономъ, что вы отъ часу ослабѣваете здоровьемъ, то отъ тѣлесныхъ болѣзней, то отъ душевныхъ безпокойствъ; но другое письмо нѣсколько въ томъ меня успокоило, тѣмъ больше, что въ немъ нашелъ я нѣкоторую надежду къ тому удовольствію, чтобы мнѣ съ вами въ здѣшней сторонѣ видѣться. Равнымъ образомъ, я обрадованъ учиненнымъ мнѣ отъ Андрея Степановича Милорадовича, изъ деревни Вишенки, увѣдомленіемъ о счастливомъ освобожденіи Олены Ивановны отъ приключившейся ей тяжкой болѣзни. Вы знаете все пространство моего къ вамъ и ко всему дому вашему усердія, а потому и легко вообразить себѣ можете, сколь сильно трогаетъ меня всякая непріятная до васъ и любезной вашей фамиліи касающаяся вѣдомость, и сколь много напротивъ того веселитъ меня все, что принадлежитъ до удовольствія и благосостоянія вашего. Впрочемъ знаете вы, м. г. мой братецъ,

и то, сколь истинное есть и всегда будетъ мое къ вамъ почтеніе и сколь постоянна и тверда моя къ вамъ привязанность, которая не прежде, какъ съ моею жизнію конецъ свой получитъ. Вашъ, м. г-ря моего, покорный, вѣрный и усердный слуга Григорій Полѣтика. PS. Прошу засвидѣтельствовать почтеніе мое м. г-нѣ моей Оленѣ Ивановнѣ, а при томъ постараться, чтобы приложенное при семъ писмо, вѣрно и безъ потерянія времени, доставлено было Андрею Степановичу Милорадовичу.

Экстрактъ изъ письма Ивана Андреевича, отъ 15 марта 1780 г.

О дипломѣ я еще нѣсколько повременить хочу по той причинѣ, что братъ Андрей Андрееничъ въ половину ко мнѣ не приступаетъ, а для меня одного такую сумму заплатить нѣсколько съ тягостью, а паче не будучи удостовѣренъ—утвердитъ ли здѣшній дворъ ваши дипломы; и для того я сего случаю намѣренъ ожидать, а больше всего принуждаетъ меня къ тому нынѣшніе мои недостатки.

85) *Василія Лазаревича* [1]), *изъ Глухова, 1780 г., 19 ноября.*

М. г.! Дѣло ваше съ г. Бѣлушихою и понынѣ нерѣшенно, по причинѣ, что челобитчики являются по дѣламъ вшедшимъ прежде вашего, которые по порядку и по наличности тѣхъ челобитчиковъ слушаются; вашежъ дѣло, сколь я не ставилъ въ настольный реестръ, но однако ни однажды не могло дойти къ докладу. Естли не будетъ удачно доложить до новаго года, то въ началѣ онаго, когда еще челобитчики не посъѣзжаются, ласкаю себя надеждою имѣть въ томъ успѣхъ, и при докладѣ, удостовѣряю васъ м. г-ря, что не упущу внушить обстоятельствъ въ письмѣ вашемъ выраженныхъ. По дѣлу вашему съ Трубицкимъ весьма странные слѣдствія выходятъ, о чемъ усмотрѣть изволите изъ нижеписаннаго: отъ наслѣдниковъ умершаго Трубицкаго войскового товарища и хоружого сотеного Мартина Трубицкихъ повѣренный, ноября 2-го, подалъ при донесеніи вѣ-

[1]) Кажется, это былъ бунчук. тов. Василій Яковлевичъ Л-чъ. Смотри Списки черниг. дворянъ 1783 г., стр. 109. Во время писанія этого письма Л—чъ, какъ видно, служилъ въ генеральномъ судѣ.

рющее для выслушанія рѣшенія, но я забравъ, по должности моей, справку съ присланнымъ отъ суда земскаго репортомъ, въ которомъ означенъ завытый четыренеделный срокъ на 27-е октября, подалъ о томъ докладъ, по которому судъ генералный и учинилъ было опредѣленіе за просрочку пятью днями неявкою повѣренного оныхъ Трубицкихъ къ выслушиванію рѣшенія, въ прозбѣ имъ отказать и тое рѣшеніе исполнить; но теперь изъ числа Трубицкихъ войсковый тов. самъ являсь, подалъ въ судъ доношеніе, съ представленіемъ причинъ неявки повѣреннаго на срокъ, 1-е, что дочь того повѣреннаго предъ самымъ срокомъ, т. е. 26-го числа, умерла, а 2-е, возный положилъ на имѣніи Трубицкихъ билетъ въ небытность его въ домѣ и назначилъ срокъ, вомѣсто шестонедельнаго, четыренедельный. Сіи резоны сколько сами по себѣ ни слабы, но судъ генералный, во уваженіе извѣстной персоны заступленія, принялъ ихъ правилными и опредѣлилъ обявить рѣшеніе. Трубицкій еще не подписалъ онаго, но обявлялъ мнѣ на словахъ, что онъ недоволенъ и подастъ апелицію въ коллегію. Все сіе обясняю собственно для вашего, м. г., знанія. Представляю мой совѣтъ: предъупредить въ коллегію съ жалобою вашею на оные два опредѣленія, одно другое отмѣняющіе; но прежде подачи въ коллегію жалобы, надобно выслушать рѣшеніе суда генералного Честь имѣю быть всегда съ глубокою преданностію вамъ, м. г., всепокорнѣйшимъ слугою Василей Лазаревичъ.

86) Григорія Ивановича Полетики, изъ Вѣны, 1781 г. 31 марта— 11 апрѣля.

М. г. мой братецъ Григорій Андреевичъ! Хотя я и весьма мало на сихъ дняхъ имѣю свободнаго времени, какъ за говѣніемъ, такъ и за дѣлами, однако не хотѣлъ упустить первой почты, по полученіи благопріятнѣйшаго вашего письма отъ 8-го марта, дабы исполнить требованіе ваше, по которому при семъ и посылается вамъ два письма рекомендательныя, одно къ господину фельдмаршалу князю Александру Михайловичу, а другое къ господину генералу прокурору; въ какой же силѣ сіи письма составлены по мыслямъ и приказанію князя Дмитрія

Михайловича, то усмотрите вы изъ приложенной при семъ же копіи съ оныхъ. Я сердечно желаю, чтобы онѣ вамъ помогли, сколько надобно, къ достиженію намѣренія вашего, и слѣдовательно къ благополучному окончанію дѣла, для котораго вы ихъ имѣть желали; только я боюсь, чтобъ вы не поздо получили ихъ, когда тотчасъ, послѣ наступающаго чрезъ три дни свѣтлаго праздника, оное дѣло войдетъ въ общее сенатское собраніе. Къ помянутой копіи съ нашего рекомендательнаго письма я присовокупляю сообщаемую при ономъ записку. Остается мнѣ, м г., мой братецъ, увѣдомить васъ, что письмо ваше, писанное изъ Юдинова, августа 13 числа прошедшаго года, дошло до меня въ свое время, и что изъ него съ великимъ прискорбіемъ усмотрѣлъ случившееся въ Юдиновѣ печальное приключеніе и разныя другія непріятныя обстоятельства ваши. Не хотя разбережать сей чувствительной раны, я впрочемъ желаю отъ всей искренности сердца, дабы всевышній охранилъ васъ впредь отъ всѣхъ подобныхъ приключеній и избавилъ васъ отъ всѣхъ безпокойствъ и печалій вашихъ, а напротивъ того даровалъ бы вамъ на сей остатокъ вашей жизни спокойство и удовольствіе, при совершенномъ здоровьи, котораго, равномѣрно и м. г-нѣ моей Оленѣ Ивановнѣ, желаю такъ, какъ и всей любезной вашей фамиліи, пребывая съ непремѣнною и неразрушимою къ вамъ привязанностію и совершеннымъ почтеніемъ вашъ, м. г-ря, покорнѣйшій и усерднѣйшій слуга Григорій Полѣтика. PS. Хотя я теперь въ тулупахъ и не имѣю нужды, однако съ благодарностію пріиму отъ васъ, м. г. мой братецъ, тѣ оба, кои намѣрены вы прислать ко мнѣ; ибо одинъ изъ нихъ могу я употребить для себя не столько по надобности, сколько изъ особливаго къ такому подарку уваженія, а при томъ и для воспоминанія о томъ любезнѣйшемъ братѣ, который тулупомъ своимъ согрѣвать будетъ не много уже холоду терпящее мое тѣло. Другой же тулупъ можно будетъ подарить князю или кому другому. Обѣщанія о портретѣ моемъ я конечно не позабылъ, но за разными обстоятельствами не имѣлъ еще способнаго времени ко исполненію онаго, а особливо по тому, что употребляемый здѣсь одинъ изъ лучшихъ живописцовъ для портретовъ чрезъ

долгое время боленъ былъ, да и теперь еще не совсѣмъ выздоровѣлъ. При всемъ томъ не примину я удовольствовать желаніе ваше, сколь скоро возможно будетъ.

87) Осипа Ивановича Туманскаго[1]), *изъ Глухова, 1781 г., 10 апрѣля.*

М. г. мой Григорій Андреевичъ. Надѣясь на вашу благосклонную милость къ себѣ, имѣю случай въ своей надобности прибѣгнуть ко оной, зная при томъ добродушіе и человѣколюбіе ваше, и по которымъ здѣлайте мнѣ благотвореніе, о которомъ толко десница знать будетъ, а отъ шуйцы сокриется. А вотъ что за дѣло! Случилось, въ прошломъ годѣ со стороны коронной быть мнѣ депутатомъ между двумя некрещенными бородами, то есть: Чернѣговскимъ Троецкимъ Иллѣнскимъ монастиремъ и Добрянскими расколники, и которые на оной доносятъ, что овладѣли черцы принадлежащими коронѣ деревнями, что и по слѣдствію оказалось, и подано въ Малороссійскую коллегію съ мнѣніемъ объ отборѣ, а часть самую малую земли въ короняое вѣдомство, и отобрать приговорено. Тутъ, по слѣдствію, монастирь одною толко давностію правился, но какъ и оной не доказалъ и крѣпостей никакихъ не предъявилъ, то и объвиненъ; однакъ, после многіе нашлись оного монастиря защитники, стоя крѣпко за давность, а болше за денги чернечіе, и напали на меня злобно—для чего я за корону, а не за чернецовъ стряпалъ, но что невозможно избить слѣдствія, то и подвели черца тамошнего монастиря намѣсника, которой тутъ и повѣреннымъ былъ, Арсенія, вступить на меня, по тому дѣлу бывшого депутата, въ доносъ, якобы я взялъ 250 рублей монастирскихъ денегъ, и болше у ныхъ требовалъ, а какъ де сего они не дали, то потому де не въ монастирскую сторону, а въ коронную дѣло вышло. Ваше высокоблагородіе знаете, что я, какъ человѣкъ, не безъ непріятелей живу, сего то возжелалось, чтобъ меня невинно обезславить; но слава Богу, невинный человѣкъ всегда будетъ невиннымъ, ибо по случаю въ прошлой

---

[1]) О немъ см. Опис. Стар. Малор., II, 438.

зимѣ бывшей моей сильной болѣзни, шемякинской о семъ заочно отъ меня судъ или слѣдствіе ишли, допрошиваны честные и чиновные люди, три человѣка, подъ присягою, и въ чемъ оной чернецъ на ныхъ заклался, всіо обьявыли они, яко оной чернецъ лжетъ, а потому желается сіе напастное дѣло довести до конца и получить удовлетвореніе; но при томъ надобна мнѣ еще справка: какъ я слишу, что по указамъ святѣйшаго синода, и Малороссійскіе монастири должны о приходахъ и расходахъ своихъ денежныхъ годовые и мѣсячные вѣдомости туда или въ коллегію-економію или въ другое вѣдомство посилать, то и Троецкій Чернѣговскій Иллѣнскій монастирь, чрезъ свою команду, тоже конечно учинить былъ долженъ, о чемъ вашему высокоблагородію чрезъ своихъ пріятелей въ синодѣ учинить виправку возможно, и для того всепокорнѣйше прошу облагодѣтельствовать меня симъ, здѣлать такову партикулярно справку — присланы ли изъ Чернѣговской епархіи за прошлій 780 годъ денежные о приходахъ и расходахъ вѣдомости, и ежели присланы, то оного Троецкого Чернѣговского Иллѣнского монастиря, ежели можно, за весь прошедшій годъ, а ежели всѣхъ не можно, хотя за три или 4 мѣсяцы, май, июнь и июль, и августъ копіи изъ тѣхъ вѣдомостей мнѣ достать и прислать ко мнѣ въ Глуховъ. Симъ вы меня весма одолжите, какъ такова человѣка, который всегда былъ, будетъ и есть съ особливымъ почитаніемъ и совершенною преданностію вашего высокоблагородія, м. г-ря моего, всепокорнѣйшимъ слугою Іосифъ Туманскій. Въ насъ, въ Глуховѣ, слава Богу, всіо хорошо, дай Богъ впередъ лучше, и васъ видѣть въ добромъ здравіи.

88) Андрея Степановича Милорадовича, изъ Вишенекъ, 1781 г., 13 апрѣля.

М. г. мой Григорій Андреевичъ! Требованіе ваше исполнено. Братца вашего и моего истиннаго пріятеля Григорія Ивановича родственники—всѣ, какими чынами по запискѣ были означены, такъ и произведены. Естли не въ трудъ вамъ, покорно прошу сообщить ко мнѣ, каково положеніе во всемъ собраніемъ въ Глуховѣ знатнѣйшаго шляхетства здѣлано, и по секрету

прыложить перваго изъ нихъ, съ вамы прымырывшагося, вашего начертанія прывѣтствія; я злоупотребленія нималаго не учиню; будте увѣрены. Пребывающій съ непреложнымъ усердіемъ и отличнымъ почтеніемъ вашъ, м. г-ря моего, вѣрнопокорнѣйшій слуга Андрей Милорадовичъ.

P. S. Посланъ сей податель г-нъ Хорошкевичъ по нѣкоторому дѣлу въ Глуховъ, есть изъ вѣрныхъ для меня, можете съ нимъ писать ко мнѣ откровенно, хотя у насъ никакихъ секретовъ нѣтъ. А вы держитеся однакожъ моихъ совѣтовъ—не подавать безумнымъ меча: *фамилія ваша, имѣніе, немолодые лѣта* да будутъ смягченіемъ патриотической горячности, иногда не въ попадъ. Вы не думайте, чтобъ въ Глуховѣ съ вамы равно соображали. Не всему вѣру емлите, чтобъ къ искушенію не послужыло. Оставимъ дѣла, судбою своею влекомые. Раздерыте сіе писмо, ничего незначущееся.

89) Григорія Ивановича Полетики, изъ Вѣны, 1781 г., 8/19 іюня.

М. г. мой братецъ Григорій Андреевичъ! Предъ симъ не было мнѣ способу отвѣтствовать на писмо ваше отъ 3-го числа прошедшаго апрѣля, полученное мною чрезъ г. Юлинца; да и теперь съ великою нуждою пишу я къ вамъ, за недостаткомъ времени, почему и не могу такъ пространно и обстоятельно отвѣтствовать на оное писмо, какъ бы мнѣ хотѣлось. Но дабы хотя частію исполнить мое желаніе, то я при семъ посылаю требованное вами, м. г. мой братецъ, писмо къ Андрею Степановичу, и съ онаго копію, изъ которой вы усмотрите, что я къ нему пишу только объ одномъ Тимофѣѣ Ивановичѣ; а о прочихъ намѣренъ впредь писать къ самому графу, къ которому я и нѣкоторый поводъ имѣю адресоваться съ моею прозьбою, въ слѣдствіе полученнаго мною въ прошедшемъ году отъ его сіятельства писма, съ котораго такъ же при семъ сообщаю вамъ копію; а между тѣмъ прошу васъ увѣдомить меня, въ какихъ нынѣ званіяхъ состоитъ и при какихъ сотняхъ щитиются тѣ четверо изъ нашихъ свойственниковъ, которыхъ долженъ я рекомендовать господину фельдмаршалу. При семъ же посылаю, по требованію вашему, копію съ извѣстной челобитной моей

и съ писма, при которомъ она отъ меня послана была къ графу Никитѣ Ивановичу; а изъ той челобитной вы усмотрите, что не переводъ, но засвидѣтельствованная копія съ диплому нашего при ней представлена мною. Андрею Андреевичу, при засвидѣтельствованіи моего почтенія, прошу найлучшимъ образомъ поблагодарить за стараніе его о Тимофѣѣ Ивановичѣ; вамъ же, м. г. мой братецъ, я покорнѣйше благодарствую за тулупы, которыми я подѣлился съ новопожалованнымъ переводчикомъ г. Кудрявскимъ, который нижайше вамъ кланяется. Наконецъ, еще приношу вамъ благодареніе мое за все то, о чемъ вы въ вышереченномъ писмѣ писать изволили, пребывая съ совершеннымъ почтеніемъ и такою же преданностію вашъ, м. г-ря моего покорнѣйшій и вѣрнѣйшій слуга Григорій Полѣтика. Прошу не прогнѣваться за маранье, которому причиною скоропостижность и недостатокъ времени.

90) Андрея Степановича Милорадовича, изъ Вишенекъ, 1781 г., 14 августа

М. г. мой Григорій Андреевичъ! Съ письма моего, вчерашняго дня къ вамъ отпущеннаго, увыдѣвши касательно родственниковъ Григорія Ивановича, онъ какъ и вы, остаетеся спокойными; а сей часъ получивши ваше письмо о г. войсковомъ товарыще Бѣловодскомъ, опредѣлилъ мѣсто ему въ губернскомъ городѣ секретаря, по его самого благоугодности, а за симъ долженъ онъ возвратившись въ Полтаву, уволиться отъ нынѣшняго въ магистратѣ тамошнемъ мѣста, и пребывъ въ свой домъ, ожидаться моего возвращенія. Въ протчемъ зсилаюсь на мое къ вамъ письмо съ г. Хорошкевичемъ отправленное и ожидаю длинѣйшаго вашего съ нимъ описанія нашему собранію, устройства его и исправленія, чемъ кончиться; а для прымѣчанія моего о благоразумныхъ и строптивыхъ хотѣлъ бы узнать единственно про себя, не для одного любопытстьа, какъ лучше для свѣденія въ могущихъ быть при перемѣнѣ случаяхъ, общественное благо составляющихъ. Вы знаете мою скромность, и особливо тутъ не секретное, а можетъ быть надобное. Андрея Антоновича я сюда ожадаю, и его сіятельство хочетъ его видѣть,

прошу ему объявить. Пребывающій съ отмѣннымъ усердіемъ и отличнымъ почтеніемъ вашъ, м. г-ря моего, покорнѣйшій слуга Андрей Милорадовичъ.

91) Афанасія Петрова, изъ Екатеринослава, 1781 г., 6 ноября.

М. г. Григорей Андреевичъ! Удостоившись полученіемъ почтеннѣйшаго вашего писанія касательно о доставленіи къ вамъ изъ Еникуля излѣчающую полипусовъ траву, я немедленно непреминулъ (посвящая себѣ услугамъ такой особѣ, какова ваша, что и за щастіе почитаю) писать къ пребывающему тамъ одному моему пріятелю, знающаго траву оную, которой, при случившей оказіи, и прислалъ. Я вознамѣрился было притомъ написать и къ упоминутой въ письмѣ вашемъ лѣкарькѣ, чтобъ сюда пріѣхала, но разсудивъ, что и безъ ней, я подамъ вамъ всѣ тѣ способы, какъ надлежитъ поступать во время пользованія (такъ какъ и г. Анагностіо, излѣчившаго уже небезъизвѣстнаго вамъ его пріятеля) безъ никакихъ расходовъ; и болѣе потому, что время будетъ продолжительно, того отмѣнилъ. Итакъ извольте, м. г., получить оную, и поступая по особливо писаннымъ способомъ, не упустите время къ пользованію вашему. По нѣкоторомъ же времени, нижайше прошу, не оставить удостоить меня увѣдомленіемъ. Въ прочемъ, препоручая себя наивсегда вашей милости и благосклонности, и желая отъ искренности сердца моего, возвращенія дражайшаго вашего здравія, съ достодолжнымъ высокопочитаніемъ и непоколебимою преданностію, пребуду. в., м. г., покорнымъ слугою Афанасій Петровъ.

92). Степана Ефимьевича Карновича,[1]) изъ Москвы, 1781 г., 7 ноября.

М. г. Григорій Андреевичъ. Каша, извощикъ, едетъ изъ Москвы въ Малороссійские города Мглинъ и Почепъ; онъ мне сказывалъ, что онъ будетъ и въ Погаре, то я имѣлъ такой случаи, по любвѣ вашей къ намъ, не могъ преминуть, чтобъ къ вамъ не писать, и о себѣ увѣдомить, что я съ Софьею Васильевною

[1]) Бывшій Стародубскій полковникъ. См. о немъ Опис. Стар. Малор. I. 62.

и со всѣми дѣтьми моими въ Москве обрѣтаемся здоровы; тогожъ и вамъ со всею вашею фамилиею, по власти Божіей, желаемъ быть здоровымъ же; и при семъ покорно прошу васъ, чрезъ сегожъ извощика Кашу, когда онъ будетъ въ Погаре, а когда не будетъ, то хотя чрезъ кого нибудь, кто будетъ ехать въ Москву, прислать ко мне, когда у васъ имѣется, семена самые хорошие большихъ кіяковъ, что называется пшеничка (кукуруза), болшихъ же бураковыхъ и свеколныхъ, болше петрушки, чернушки, и гумби (?) да и чебру, рюты, и самой болшей репы и бѣлыхъ большихъ гарбузовъ семенъ, да и сѣмя левандоваго и шавленнаго или ихъ кусточковъ понемногу, и сѣмянъ же пустарнаку; я слышалъ, что у раскольниковъ самой большой родится, неможноль у нихъ послать спросить, взиму или весною они его сѣютъ, и какъ съ нимъ обходятся; да и одолжитежъ присылкою комне для прививокъ черенковъ, то есть розокъ гливныхъ, брагамотовыхъ и разныхъ зимнихъ и скороспѣлокъ дуль и яблоновыхъ, да и отъ венгерокъ, сливъ, черносливныхъ, и отъ болшихъ вишенъ розокъ же. У насъ оные прививаются сливы и вишни, ибо я хочу завесть всѣ вышепрописанные плоды, въ своихъ московскихъ и деревенскихъ садахъ. И положите оные сѣмена въ разные бумажки, а протчіе завяжите въ узолкахъ или въ мѣшечкахъ, надпишите на каждомъ, гдѣ какие сѣмена, и которые осенью, а которые весною у васъ сѣются и садятся; и при посылке оного отпишите ко мне о своемъ здоровье. И тако, къ вамъ съ почтеніемъ моимъ остаюся вашъ м. г-ря, покорный слуга Степанъ Карновичъ. А чтобъ вы прислали ко мне сухихъ малороссійскихъ грибовъ, о томъ я уже къ вамъ писать не смѣю, а когда возможно, то пожадуйте пришлите, такожъ и славной вашей вѣтчины, хотя одинъ окорокъ [1]).

93) Андрея Степановича Милорадовича, изъ Чернигова, 1782 г., 25 января.

М. г. мой Григорій Андреевичъ! Отпустите мнѣ, что я такъ долго не отвѣчалъ на ваше писмо. Братъ вашъ и мой

---

[1]) Письмо писано чужою рукою, а собственноручно—одна лишь подпись, дрожащимъ почеркомъ.

истинный пріятель Андрей Андреевичъ самовидецъ, живою грамотою, здѣшнихъ бывшихъ и настоящихъ упражненій; кромѣ того, по вашимъ обстоятельствамъ, въ разсужденіи вашихъ припадковъ и неприбытія сюда, не было нужды употреблять какія либо мѣры; я вамъ искреннѣйше желаю исправленія въ вашемъ здоровье, съ тѣмъ есмь и навсегда непреложно пребуду съ истиннымъ и отличнымъ почтеніемъ вашъ, м. г-ря моего, покорнѣйшій слуга Андрей Милорадовичъ.

94) Григорія Ивановича Полетики, изъ Вѣны, 1782 г., 7 февраля

М. г. мой братецъ Григорій Андреевичъ! Съ того времени, какъ поѣхали отсюда сѣверные наши любезные гости[1]) (что было, какъ о томъ чаятельно уже вамъ самимъ извѣстно, декабря 24-го числа, по нашему календарю), я почти каждый день собирался писать къ вамъ, но за разными помѣшательствами понынѣ не удалось мнѣ исполнить сего моего намѣренія; хотяжъ и прежде отъѣзда помянутыхъ гостей могла бы сыскаться нѣкоторая къ тому матерія, въ разсужденіи того, что я имѣлъ уже отъ васъ два писма, одно писанное изъ С.-Петербурга, іюня 13-го числа, при самомъ вашемъ оттуда отъѣздѣ, а другое, отправленное изъ Глухова августа 20-го, и привезенное въ С.-Петербургъ Андреемъ Степановичемъ, а оттуда полученное мною въ началѣ октября мѣсяца; но никоимъ образомъ не могъ я тогда писать къ вамъ, 1-е, за многими и превеликими хлопотами и недосугами, 2-е, за тѣмъ, что хотя бы мало свободнаго къ тому времени и нашлося, однако не застали бы уже писма мои въ С.-Петербургѣ Андрея Степановича, потому, что по увѣдомленію, которое отъ Василія Александровича Шарапова здѣлано мнѣ, при отправленіи послѣдняго вашего писма, долженъ былъ господинъ губернаторъ обратно изъ С.-Петербурга отправиться въ Малороссію, чрезъ четыре недѣли по его туда пріѣздѣ; изъ чего слѣдуетъ, что мои писма пришли бы въ С.-Петербургъ около трехъ недѣль позже по отъѣздѣ его оттуда; а наконецъ, 3-е, по той причинѣ, что при выше объявленныхъ хлопотахъ и

---

[1]) Великій князь Павелъ Петровичъ съ супругою.

недосугахъ несовсѣмъ я здоровъ былъ, въ то самое время, когда дошло до меня помянутое послѣднее ваше писмо. Всѣ сіи резоны безъ сумнѣнія, м. г. мой братецъ, достаточны будутъ ко оправданію предъ вами продолжавшагося понынѣ моего молчанія, которое напослѣдокъ (сыскавъ нѣсколько свободныхъ часовъ) прерываю теперь, и прежде всего покорнѣйше благодаря вамъ за употребленное вами въ пользу нашихъ свойственниковъ стараніе, долженъ я вамъ сказать, что за нихъ же благодарилъ я графу и Андрею Степановичу въ декабрѣ мѣсяцѣ, отправя мои къ нимъ писма чрезъ С.-Петербургъ. За симъ слѣдуетъ отвѣтъ мой на первое изъ выше означенныхъ вашихъ писемъ. Благодарствую вамъ за учиненное мнѣ онымъ писмомъ сообщеніе о обстоятельствахъ, касающихся до дѣла вашего съ Корсаками, и сердечно желаю, чтобъ оное въ скоромъ времени могло совершенно окончиться ко удовольствію вашему и господь Гамалѣевъ. Чтожъ касается до дѣтей вашихъ, о которыхъ вы желаете имѣть отъ меня увѣдомленіе — продолжать ли вамъ или перемѣнить въ разсужденіи ихъ тотъ вашъ поступокъ, о которомъ вы въ томъ же писмѣ упоминаете, то на сіе позвольте мнѣ, м. г. мой братецъ, сказать вамъ откровенно и праводушно, что сколь много ни желалъ бы я услужить какъ вамъ, такъ и имъ самимъ исходатайствованіемъ для нихъ какихъ либо иностранныхъ офицерскихъ чиновъ, но, къ великому моему сожалѣнію, не нахожу я никакого къ тому способу, ибо здѣсь, какъ вамъ уже извѣстно, никакимъ иностраннымъ людямъ, кромѣ знатнѣйшихъ имперскихъ княжескихъ фамилій, не даютъ офицерскихъ чиновъ, естьли они не были въ здѣшней же службѣ, и оныхъ не заслужили; да и изъ тѣхъ имперскихъ фамиліи никто инако не можетъ здѣланъ быть здѣшнимъ офицеромъ, какъ съ тою кондиціею, что бы ему дѣйствительно быть въ военной здѣшней службѣ. Въ Пруссіи тоже; а въ Польшѣ, какъ я слышу, извѣстное вамъ препятствіе понынѣ продолжается. Отвѣтъ на ваше послѣднее письмо: премного благодарствую вамъ, какъ за сообщеніе сочиненной вами для пресвѣтлѣйшихъ нашихъ путешественниковъ рѣчи, которую здѣсь всѣ, кому я ни читалъ ее, хвалили, въ томъ числѣ и князь Дмитрій Ми-

хайловичь, и которая (естьли вы мнѣ дозволите сказать объ ней мое нелестное и нелицемѣрное мнѣніе) по справедливости общей похвалы заслуживаетъ, такъ и за присылку копіи съ фельдмаршалскаго о нашихъ свойственникахъ предложенія въ Малороссійскую коллегію. Въ бытность великаго князя въ здѣшнемъ городѣ, одинъ разъ, я имѣлъ случай сказать его императорскому высочеству, что я двоюродный братъ того, который въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ былъ главнымъ инспекторомъ надъ классами, и который имѣлъ нещастіе потерять чрезъ пожаръ почти все свое движимое имѣніе и всю библіотеку; но какъ скоро я сіе выговорилъ, то вошелъ камердинеръ и сталъ о чемъ то докладывать его высочеству, чѣмъ и пресѣклась рѣчь моя, которую ни въ то время распространить, ни въ другой разъ возобновить мнѣ уже не удалося. Чтожъ касается до князя Александра Борисовича Куракина, то я почти все то пересказалъ ему, о чемъ вы ко мнѣ писали; и онъ со удовольствіемъ и съ благодареніемъ принявъ объявленіе мое о томъ, что вы весма хвалитесь всегдашнею его къ вамъ благосклонностію, не менше, какъ и оказуемою отъ него по дѣламъ вашимъ справедливостію, сказалъ мнѣ при томъ, что ему небезъизвѣстно о желаніи, которое имѣютъ другіе, чтобы Гамалѣевскія деревни присовокупить къ ихъ имѣнію. Теперь я долженъ предъ вами, м. г. мой братецъ, взаимнымъ образомъ похвалиться тѣмъ, что князь Александръ Борисовичь, по своей къ намъ милости, взялся построяпать посредствомъ г. генерала прокурора о подтвержденіи нашего нѣмецкаго дворянства, о чемъ не задолго предъ отъѣздомъ своимъ отсюда писалъ онъ къ князю Александру Алексѣевичу, сообща ему копію съ нашего диплома, такожъ и съ челобитной, которая отъ меня въ 1780 году послана была при писмѣ къ графу Никитѣ Ивановичу; по его жъ совѣту я и самъ о томъ же писалъ къ генералу прокурору, какъ то усмотрите вы изъ приложенной при семъ копіи съ моего къ нему писма, которое отъ негожъ князя Александра Борисовича при писмѣ его послано отсюда. Для любопытства вашего, при семъ случаѣ посылаю вамъ въ особливомъ пакетѣ восемь печатныхъ піесъ, содержащихъ въ себѣ разныя мудрыя и повсемѣственнаго свѣ-

денія достойныя узаконенія, кои здѣсь въ недавнемъ времени учинены отъ владѣющаго императора. Въ заключеніе всего сего, позвольте мнѣ, м. г. мой братецъ, предложить вамъ мое мнѣніе и совѣтъ мой, кои состоятъ въ томъ, что весма бы, кажется, не худо было какъ для васъ самихъ, такъ и для другаго кого изъ ближнихъ вашихъ, естьли бы вы по пріѣздѣ вашемъ въ С.-Петербургъ, старалися, сколько можно больше, адресоваться къ Александру Андреевичу Безбородку, о котораго честности и склонности къ благодѣяніямъ я здѣсь весма много слышалъ, и довольно увѣренъ. Впрочемъ пребуду всегда съ непремѣнною моею къ вамъ преданностію и истиннымъ почтеніемъ, вашъ, м. г-ря моего, покорнѣйшій и усерднovѣрнѣйшій братъ и слуга Григорій Полѣтика. P. S. Прошу засвидѣтельствовать должное мое почтеніе м. г-нѣ моей Еленѣ Ивановнѣ, а при томъ увѣрить ее о непремѣнной моей къ ней преданности.

95) Василія Александровича Шарапова, изъ Петербурга, 1782 г., 1 іюля.

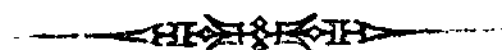
Дѣла ваши, м. г. Григорій Андреевичъ, остаются безъ слушанья; и человѣкъ вашъ обнадѣженъ, что до того долго еще не дойдетъ; соперникъ вашъ отселѣ уже уѣхалъ, а потому всему и онъ рѣшился возвратиться къ вамъ, и завтра отъ меня отъѣзжаетъ. Я, пользуясь симъ случаемъ, возвращаю къ вамъ при семъ заготовленное вами письмо и съ копіею, такъ же письмо къ почтдиректору съ бланкетомъ; а притомъ за нужно нахожу здѣлать вамъ мои примѣчанія. Посылка онаго чрезъ почтдиректора была въ намѣреніи, чтобъ оно не попало въ руки Безбородки и его товарищей, какъ отъ него почти зависящихъ и ничего безъ него не дѣлающихъ. Но естьли вы исключаете изъ сего письма ваше на него, равно какъ и на Заводовскаго подозрѣніе, то хотя почтдиректоръ и доставитъ его прямо, оно ему отдано будетъ, и тогда естьли не получите худа, прозба ваша останется безъ дѣйства. Здѣланное или чемъ запутанное поправить труднее. Отзывъ его брата могъ выдуманъ быть для уловленія васъ; и какъ вы хотѣли уже здѣлать сіе, то конечно довольно успѣли они въ своемъ намѣреніи. Излишно го-

ворить, сколь мало можно полагаться на слова, а особливо таких, каковы они. Въ случаѣ же изъявленіи вами на него подозреніе, письмо ваше безсумнѣнія до рукъ его не дойдетъ: такихъ примѣровъ было много; и въ ту пору вамъ бояться его нѣчего. Можетъ же статься, что сіе умножа принесенныя на него жалобы, обратитъ и всѣ ихъ каверзы въ ничто. Все до времени! Въ письмѣ къ почтдиректору нужно изъяснить опасность вашу отъ секретарей или просто попросить его о доставленіи; или же послать къ нему и безъ письма, запечатавъ тогда незнакомою печатью. Всякой полученной имъ пакетъ обязанъ онъ доставлять прямо. О дозволеніи жъ отнюдь упоминать излишно: оно приватное; и онъ не сказывая о семъ, берется иногда и здѣсь, особливо въ отлучку двора, помогать лишеннымъ способовъ принесть жалобы свои и прозбы. Посему можете и здѣсь употребить сіе средство, когда будетъ надобно. Я незнаю, нужно ли давать читать многимъ сіе письмо по его подачѣ; а надобно дать только тѣмъ, кои имѣютъ силу и могутъ васъ подкрѣплять и уничтожать ихъ замыслы. Изъяснивъ вамъ, м. г., они о семъ мысли, имѣю честь отвѣтствовать вамъ на послѣднее письмо ваше. Изъ присланныхъ при ономъ, я надписанное на Григорья Ивановича отослалъ къ нему съ случившимся куріеромъ, а другія разослалъ съ человѣкомъ вашимъ. О Левандовскомъ теперь донесу вамъ только, что слухъ носился объ опредѣленіи его къ принятію челобитенъ. Естьли сіе правда, то Безбородко дѣлая его помощникомъ, хочетъ съ нимъ дѣлами подѣлиться, какъ съ человѣкомъ надѣжнее другихъ, хотя и они ничего безъ него не дѣлаютъ. Обремѣнясь всемъ, ибо онъ и не нося званіи, исправляетъ должность кабинетъминистра, перваго министра иностранныхъ дѣлъ потому что вицеканцлеръ дѣла подноситъ и повелѣній получаетъ чрезъ него, и главнаго почтъ правителя, онъ любитъ повеселиться и столомъ, и картами, и комедіями, и балами на своей дачѣ, что была Тепловская, а притомъ еще и съ своею италіанкою, и упражняться еще строеніемъ огромнаго для себя дома. По сему можете судить, сколь дѣла въ порядкѣ, и что не минуемо должно уходить отъ челобитчиковъ и въ заднія двери, и въ окны. Наконецъ, немину-

еможъ сбудется и употребленное вами изражение: спѣетъ путь грѣшныхъ. Онъ очень смѣлъ и безстыденъ, и все еще ему удается. Но сіе самое и поощритъ его на какое либо дѣло, которое уничтожитъ по крайней мѣрѣ его силу. Съ товарищемъ онъ еще хорошъ, однакожъ дружба ихъ не можетъ быть чистосердечна. Виды ихъ теперь разнообразны, и товарищъ долженъ уступать и терпѣть. Помогши выжить графа Н. П. и выгнавъ старшаго своего брата, онъ ожидалъ того, чемъ нынѣ по вступленіи Безбородко ласкаться не можетъ, говоря иногда о вояжѣ, а иногда объ отставкѣ, кажется чувствуетъ онъ, что обманутъ. Дружба ихъ тверда быть не можетъ и по несогласію содержимыхъ ими италіанокъ. Напослѣдокъ увидимъ, чемъ все кончится. Между тѣмъ товарищъ выдумываетъ внѣшнія мѣста и старается умножать тѣмъ свой промыселъ, а потому хотя и принужденъ будетъ отстать, не останется одракожъ съ пустыми руками; да конечно еще за добрыя свои дѣла и хорошо награжденъ будетъ.—О пенсіонѣ вашемъ въ адмиралтѣйствѣ положено, чтобъ вы получали оной изъ сосѣдняго намѣстничества, а о семъ получите отъ человѣка вашего данную ему копію. Поѣздка въ Москву нынѣшній годъ кажется быть уже не можетъ, и сказываютъ теперь, что будетъ она въ концѣ будущаго года. И такъ, м. г., естли надобно вамъ будетъ предпринять путь зимою, то не въ Москву, а сюда. Сія поѣздка страшитъ меня чрезвычайно. И дѣйствительно была бы она для меня весьма раздражительна. Упреждая сіе, я рѣшился взять отставку и удалиться куды нибудь потеплѣе. Притомъ и упражненіе въ важныхъ бездѣлицахъ мнѣ очень уже надоѣло, а здоровье и особливо женнино требуютъ покою и перемѣны воздуха. Вотъ что, м. г., пророчитъ вашъ сонъ; но я и въ семъ случаѣ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ—мало ожидаю себѣ добраго. Не имѣя ни отпусковъ моимъ письмамъ, ни записокъ, я не знаю когда и съ кѣмъ отвѣтствовалъ я вамъ на письмо ваше, съ г. Милорадовичемъ полученное. По сей причинѣ не знаю а такъ же и что писалъ я о перемѣнахъ въ коллегіи Ихъ было уже по моемъ выходѣ столько, что можно записаться. Отставляютъ безъ прозбы, производятъ другихъ, перемѣняютъ и дѣлаютъ что

.....(?) новое почти ежедневно. Я не увѣдомлялъ васъ порядочно о семъ, какъ мало или и совсѣмъ васъ не интересующемъ, но теперь, чтобъ удовольствовать желаніе ваше, донесу вамъ сколько можно въ кратце; коллегія состоитъ теперь изъ одной секретной експедиціи, а протчія департаменты публичной експедиціи, казенной и внутренней уничтожены, а почтовой отдѣленъ и названъ главнымъ почтъ правленіемъ. Контора въ Москвѣ такъже уничтожена, и остался тамъ только старой архивъ. Теперь коллегію составляютъ только, хотя гр. Н. П. еще и не отставленъ, вицеканцлѣръ, Безбородко и Бакунинъ. Они во всемъ учавствуютъ съ нимъ и все подписываютъ, чего прежде не было, Г. Кохъ и г. Алопеусъ произведены совѣтниками канцеляріи и на мѣста статскихъ совѣтниковъ, а потому и получаютъ жалованье—первой 2000, а другой 1500, какое получали Убри и Крокъ. Мѣста четырехъ сов. канц. наполняютъ г. Гренъ и г. Страховъ, да надв. сов. Блюмъ и Кондоиди младшій. О протчихъ же по частнымъ перемѣнамъ не упомню. Теперь все чиновныя, а приняться не за кого. Въ гл. почтовомъ правленіи по Безбородкѣ, почтдиректоръ и два совѣтника, коихъ одинъ славной архитекторъ и фаворитъ Безб. Львовъ, а другой бывшій въ Москвѣ Протопоповъ, покровитель Два Бакунина; и хотя оба они мало способны, получаютъ по 1500 жалованья, тожъ что и старикъ почтдиректоръ. Миръ теперь кажется не далекъ. Вы знаете, что въ Англіи министерство перемѣнилссь, а съ нимъ перемѣнились и поступки. Теперь хотятъ уже признать независимыми американцевъ, но ищутъ только помириться съ ними безъ участія Франціи. Сіи жъ не соглашаются, а потому и выдетъ общей миръ. Англія хочетъ помириться такъ же особливо подъ зд. медіаціею съ Голандіей, и согласилась поставить основаніемъ мира положенныя ея имп. вел. правилы нейтралски (?) и здѣлать такой же трактатъ, какой имѣли они съ 1674. Однакожъ вздумали поздно. Голандія вошла въ соглашеніе съ Франціею, и едваль безъ нее что здѣлаетъ. Почему и сіе будетъ въ общее жъ замиреніе. Аглинскіе емисары часто въ Францію и Гишпанію ѣздятъ и наконецъ согласясь о главномъ, заключатъ подъ медіацію обоихъ

дворовъ миръ въ Вѣнѣ. Теперь разнеслась новость о побѣдѣ аглинской ескадры надъ францускою и что гр. де-Граса самаго въ полонъ взяли. Подлинныхъ извѣстій нѣтъ, но естьли правда, то чтобъ агличане не подняли опять носъ, и тогда война еще не мало продолжиться можетъ. Совсѣмъ тѣмъ навезли къ намъ много вина португальскаго, сахару и кофи. Цѣна на вина конечно уменьшится, а сахаръ ужъ теперь по 12, а кофи по 13 пудъ. Жена моя свидѣтельствуетъ вамъ, м. г-нѣ Аленѣ Ивановнѣ и любезнымъ дѣтимъ вашимъ нижайшее почтеніе вмѣстѣ со мною, и оба желаемъ вамъ совершеннаго здоровья пребывая навсегда ваши нижайшія слуги Ш.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Посылка Малороссіянъ въ ледяной домъ. Однажды въ 1739 г. любимая шутиха Императрицы Анны Іоанновны калмычка Авдотья Ивановна Буженинова, уже немолодая и безобразная собою, въ разговорѣ съ Государыней высказала охоту выйти замужъ. Ея Величество, смѣясь, спросила калмычку, есть ли у нея женихъ, и послѣ отрицательнаго отвѣта взялась сама устроить ея судьбу. Въ женихи Императрица выбрала разжалованнаго за переходъ въ католичество изъ маіоровъ въ пажи и назначеннаго придворнымъ шутомъ князя Михаила Алексѣевича Голицына, внука нѣкогда всесильнаго любимца царевны Софьи, князя Василія Васильевича. Придворные пришли въ восторгъ отъ выдумки Государыни, а у камергера Татищева явилась счастливая мысль справить шутовскую свадьбу въ нарочно устроенномъ на Невѣ ледяномъ домѣ. Планъ изобрѣтательнаго камергера былъ одобренъ, и была назначена «маскарадная коммисія» подъ предсѣдательствомъ кабинетъ-министра Волынскаго для приведенія этого плана въ исполненіе. Между прочимъ для участія въ свадебныхъ торжествахъ было рѣшено вытребовать въ Петербургъ представителей всѣхъ племенъ и народовъ, подвластныхъ русской государынѣ [1]).

Среди бумагъ недавно поступившаго въ библіотеку Кіевскаго университета архива покойнаго М. О. Судіенка сохранилось цѣлое дѣло о посылкѣ въ ледяной домъ малороссійскихъ плясуновъ. Дѣло это рисуетъ тотъ переполохъ, какой произвела петербургская затѣя въ одномъ изъ концовъ русскаго государства, и показываетъ, какихъ расходовъ она стоила.

---

[1]) „Русская Старина“ 1873 г. № 3. Ст. С. Н. Шубинскаго „Императрица Анна Іоанновна“, стр. 347—358.

Начинается дѣло Высочайшимъ указомъ изъ кабинета Ея Величества на имя генералъ-маіора и лейбъ-гвардіи маіора Шипова отъ 29 ноября 1739 г. Указомъ этимъ предписывалось: по случаю приготовляющагося при дворѣ «для предбудущей нѣкоторой забавной свадби» маскарада выбрать по 6 чел. козаковъ, козачьихъ молодыхъ бабъ и дѣвокъ, «по козацку танцовать умѣючихъ, только чтобъ собою негнусни были», сдѣлать имъ изъ казенныхъ денегъ «нарочитое платье со всѣми ихъ приборы, каки у нихъ обыкновенно употребляютъ», взять сколько нужно «на прокормъ ихъ дорогою безъ оскудѣнія денегъ» и, обнадеживъ Высочайшею Ея Имп. Величества милостію, отправить на подводахъ въ Петербургъ «въ самой скорости», такъ чтобы къ генварю 1740 г. они были уже на мѣстѣ. Платья предписывалось сшить имъ изъ добраго сукна и недорогихъ камокъ, а если женскому полу нужны шубы, то пошить ихъ изъ недорогихъ бѣличьихъ мѣховъ.

Указъ былъ полученъ въ Глуховѣ 10 декабря, и В. Ген. Канцелярія немедленно принялась за приведеніе его въ исполненіе. Въ началѣ рѣшено было за недостаткомъ времени для посылки въ отдаленныя мѣста сыскать требуемыхъ людей въ сотняхъ «сегобочныхъ за Сеймомъ и въ Миргородскомъ полку». (Какъ видно изъ другихъ документовъ, по мнѣнію В. Г. К. въ Миргородскомъ полку были самые лучшіе танцоры). Поэтому сотникамъ и сотенной старшинѣ засеймскихъ сотенъ и Миргородскаго полка были посланы указы доставить требуемыхъ мужчинъ и женщинъ къ 13 декабря, при чемъ обнадеживать посылаемыхъ, что имъ будетъ сдѣлана одежа добрая камчату и тонкаго сукна», на дорогу будутъ отпущены деньги, а за прибытіе къ Высочайшему двору они въ Высочайшей Ея Императ. Величества Милости оставлены не будутъ. Такіе указы были посланы въ сотни Глуховскую, Воронежскую, Янпольскую, Кролевецкую Коропскую, Новомлинскую и полкъ Миргородскій. Повидимому Генер Канцелярія и сама старалась разузнавать, гдѣ есть искусные танцоры. По крайней мѣрѣ 13 декабря она послала Хорольскому сотнику Еремѣю Родзянкѣ указъ о томъ, что «въ Войск. Енер. Канцеляріи извѣстно учинилось, что въ мѣстечкѣ Хоролѣ имѣючійся тамошній житель нѣякися Яцевичъ умѣетъ по козацку добре танцовать», и потому Яцевича предписывалось доставить въ Генер. Канцелярію въ самой скорости.

Сотники и старшины засеймскихъ сотенъ выполнили предписаніе въ точности, но выборъ, сдѣланный ими, былъ неудаченъ, такъ

какъ 15 декабря состоялось слѣдующее постановленіе Генер. Канцеляріи: въ виду того, что присланные козаки, бабы и дѣвки, «явились малоросли и самые убогшіе и танцовать не умѣютъ», отправить ихъ съ привезшими канцеляристами обратно и дать сотеннымъ старшинамъ открытые указы, чтобъ они прислали по 6 молодиковъ, молодыхъ бабъ и дѣвокъ «самыхъ лутшіихъ и въ козацкомъ танцу искуснѣйшихъ и вѣжливыхъ и не гнюсныхъ и не самыхъ убогихъ, дабы они могли годится ко отправленію ко двору Ея Имп. Величества, и для того старшины таковыхъ отъ посланныхъ не скрывали подъ тяжкимъ отвѣтомъ».

Присланные на этотъ разъ вѣроятно болѣе отвѣчали требованіямъ, такъ какъ 20 декабря Генер. Канцелярія постановила отправить въ Петербургъ 9 душъ, выбранныхъ изъ ближайшихъ къ Глухову мѣстъ. Эти выбранные были осмотрѣны докторомъ медицины Бокомъ, и имъ выдано свидѣтельство, что «на нихъ никакихъ опасныхъ знаковъ не явилось» и что они во «всемъ явились чисты и здоровы».

Не мало хлопотъ доставляла Войсковой Ген. Канцеляріи и заготовка одежды. Тотчасъ по полученіи кабинетскаго указа войсковому экзекутору Самойлу Өедорову было предписано закупить въ Нѣжинѣ 100 концовъ разноцвѣтной камки «семиналной и полуголевой» и отъ 28 до 35 бѣличьихъ мѣховъ. 16 декабря экзекуторъ донесъ, что требуемой камки въ Нѣжинѣ не сыскалось, а мѣха онъ хотя и нашелъ и приторговалъ по 3 р. съ полтиной за штуку, но купить не посмѣлъ, а посылаетъ одинъ для образца. Въ тоже время Глуховскому атаману Демьяну Туранскому предписано было «пріуготовить покупкою сукна тонкого, камокъ и для шубъ женского полу бѣличьихъ мѣховъ недорогихъ, за что все деньги отъ канцеляріи Малороссійскихъ сборовъ возвращены быть имѣютъ; такожъ портныхъ, добрыхъ и искусныхъ людей ассигновать потребное число». И Туранскому съ его помощникомъ войтомъ Ив. Пуховичемъ не удалось найти въ Глуховѣ ни камокъ, ни бѣличьихъ мѣховъ, нашли они только тонкое сукно.

Отправляя въ Петербургъ первую партію плясуновъ, Шиповъ послалъ въ кабинетъ доношеніе, въ которомъ оправдывался въ томъ, что посылаетъ только 9 человѣкъ, а не всѣхъ. Мотивируетъ онъ это во 1-хъ тѣмъ, что посланы только выбранные изъ ближайшихъ къ Глухову мѣстъ, а въ Миргородскій и Лубенскій полки, гдѣ «нарочито имѣются таковы по козацку танцевать умѣючіе бабы, дѣвки и козаки», посланы нарочные, а во 2-хъ тѣмъ, что при отправкѣ всѣхъ разомъ

встрѣтились бы затрудненія въ доставкѣ нужнаго количества подводъ. Что же касается одежи, то, по словамъ доношенія, за неотысканіемъ въ Глуховѣ камокъ, одежа сдѣлана, какая возможно.

Между тѣмъ въ Глуховъ прибывали новые выборные. 18 декабря Нѣжинскій полковникъ Ив. Хрущовъ отправилъ 4 козаковъ, 2 молодыхъ бабъ да 2 дѣвокъ. 26 декабря лубенскіе полковой обозный Ив. Кулябка и полковой писарь Семенъ Столповскій послали 3 козаковъ, 4 дѣвокъ и 3 бабъ-вдовъ при опредѣленномъ конвоѣ и нарочномъ приставѣ, которому и вручили для прокормленія ихъ на пути отъ Лубенъ до Глухова три рубля. Привезены были танцоры и изъ Сумского слободскаго полка.

Не вездѣ впрочемъ выборъ плясуновъ шелъ успѣшно. Посланный въ Миргородскій полкъ лейбъ-гвардіи конной команды рейтаръ Трофимъ Нелюбовъ доносилъ 2 генваря, что, прибывъ 20 декабря къ полковнику Капнисту и предъявивъ ему указъ Ген. Канцеляріи, онъ получилъ отвѣтъ, что де у него полковника Капниста такихъ людей въ Сорочинцахъ нѣтъ, и для взятія означенныхъ плясуновъ послалъ его въ Миргородскую и Хорольскую сотни, задержавъ своей нераспорядительностью на цѣлыя сутки. Набралъ Нелюбовъ плясуновъ въ Миргородской сотнѣ 6 человѣкъ, да въ Харковской (вѣроятно Хорольской) тоже 6, но трое изъ нихъ, не смотря на обнадеживанія, не доѣзжая мѣстечка Ромновъ, бѣжали съ дороги, и Нелюбову пришлось еще промедлить, такъ какъ онъ подавалъ Роменскому сотнику о бѣжавшихъ доношеніе, а сотникъ «за своимъ гуляньемъ того доношенія не принялъ». Промедленіе было и на почтахъ, и въ селахъ по причинѣ неисправности въ доставкѣ подводъ. Изъ привезенныхъ Нелюбовымъ плясуновъ двое были отправлены въ Петербургъ, а остальные за негодностью отосланы обратно.

Изъ Петербурга между тѣмъ торопили присылкой требуемыхъ людей. 30 декабря изъ кабинета посланъ былъ предварительный указъ, и Ген. Канцеляріи снова пришлось оправдываться въ томъ, что требуемые малороссіяне отправлены не сразу, а тремя партіями 20, 22 и 24 декабря, такъ какъ въ Глуховѣ сыскать въ скорости умѣющихъ по казацку танцовать было нельзя и надо было посылать за ними въ не весьма отъ Глухова отдаленныя мѣста. Едва-ли такое увѣдомленіе Канцеляріи на счетъ сроковъ отправки вѣрно, такъ какъ еще 31 декабря д-ръ Бокъ выдалъ свидѣтельство объ осмотрѣ 2 козаковъ, 2 бабъ и 2 дѣвокъ, да и Нелюбовъ привезъ своихъ плясуновъ позднѣе 24 декабря.

Всего привезено было въ Глуховъ изъ Сумскаго слободского полка козаковъ 12, женокъ 12, дѣвокъ 12; Нѣжинскаго полка: изъ Нѣжина козаковъ 4, жен. 2, дѣв. 2, изъ Кролевца коз. 6, жен. 4, дѣв. 7, изъ Воронежа коз. 4, жен. 2, дѣв. 4, изъ Коропа коз. 1, женка 1, дѣв. 2, изъ Новыхъ Млиновъ коз. 4, дѣв. 2, изъ Глухова коз. 3, жен. 4, дѣв. 9, Глуховской сотни изъ с. Березы коз. 2, жен. 1, дѣв. 2, с. Слоута коз. 1, дѣв. 4, с. Обложокъ женка 1, дѣв. 3; изъ Миргородскаго полка коз. 4, жен. 3, дѣв. 4, изъ Лубенскаго—коз. 3, жен. 3, дѣв. 4. Итого коз. 44, женокъ 33, дѣвокъ 55.

Даже когда уже требуемое число малороссіянъ было отправлено въ Петербургъ, мѣстныя власти продолжали усердствовать и присылать новыхъ выборныхъ. Такъ, уже въ январѣ изъ Лубенскаго полка было прислано еще 3 мужч. и 7 женщинъ, и Ген. Канцелярія 11 января постановила отправить ихъ за ненадобностью и неискусностью на 6 подводахъ домой.

Послѣ отправки малороссіянъ началась расплата за расходы. При отправкѣ первой партіи Ген. Канцелярія предписала Канцеляріи Малороссійскихъ сборовъ выдать на уплату за 10 ямскихъ подводъ, да по полтора рубля на человѣка на прокормленіе. Потомъ на прокормленіе было прибавлено еще по полтинѣ на душу. Вторая партія изъ 6 чел. была отправлена на 7 подводахъ и тоже получила на прокормъ по $1^1/_2$ рубля на каждаго. На расходы по отправкѣ третьей партіи нѣтъ указаній. 30 января канцелярія малороссійскихъ сборовъ донесла А. И. Румянцеву, что Глуховскимъ атаманомъ Туранскимъ и войтомъ Пуховичемъ, завѣдывавшими снаряженіемъ и отправкой малороссіянъ, представленъ въ Канцелярію счетъ расходовъ на покупку для отправляемыхъ «сукна, камки и прочихъ къ одежѣ надлежащихъ потребностей» и на пошитье этой одежи въ суммѣ 532 р. 12 коп., да на покупку при отправкѣ саней, цыновокъ, рогожъ и возжей 11 р. 24 к. Эти 543 р. 36 к. и были выданы Туранскому и Пуховичу.

Мы не имѣемъ свѣдѣній, какъ жилось малороссіянамъ въ Петербургѣ, знаемъ только, что 6 февраля 1740 г., въ день «курьезной» свадьбы, они фигурировали вмѣстѣ съ другими «разноязычниками» и «разночинцами» въ качествѣ поѣзжанъ и плясали національныя пляски, что чрезвычайно забавляло Императрицу.

Въ дѣлѣ сохранилось также нѣсколько документовъ, касающихся отправки Малороссіянъ по домамъ. 27 февраля 1740 г. отъ «Учрежденія маскараднаго дѣла» дана была солдатамъ Преображенскаго полка

Павлу Лазареву, да Измайловскаго полка Тарасу Савенкову инструкція объ отвозѣ малороссійскихъ плясуновъ въ Глуховъ, въ которой предписывалось «везти ихъ на данныхъ по подорожной изъ Ямской Канцеляріи подводахъ во всякомъ охраненіи и объявить ихъ въ Генеральной Войсковой Канцеляріи», откуда отпустить ихъ въ домы, а сдѣланное имъ платье отдать имъ; во время пути предписывалось «смотрѣть за оными малороссіянами, чтобъ куда не разошлись и на ночлегахъ и въ дорогѣ никому обидъ и никакихъ налогъ не чинить подъ опасеніемъ за то военнаго суда».

По прибытіи въ Глуховъ плясуны подали Шипову прошеніе о выдачѣ имъ на проѣздъ домой отдѣльныхъ паспортовъ, такъ какъ отъ Петербурга до Глухова имъ былъ выданъ одинъ паспортъ на всѣхъ. 30 марта Войсковая Генеральная Канцелярія предписала выдать имъ отдѣльные паспорты и прогоны до мѣста жительства.

Е. К.

Нѣсколько данныхъ о Боровиковскомъ. Извѣстность Боровиковскаго сдѣлала въ послѣдніе годы въ обществѣ лучшіе успѣхи, чѣмъ дѣло собиранія свѣдѣній о немъ и накопленія фактовъ его біографіи. Онъ умеръ три четверти вѣка назадъ, жилъ почти одинокимъ отшельникомъ, посвятивъ жизнь искусству и, хотя пользовался успѣхомъ въ свое время, но не тѣмъ, на какой даетъ ему право его высокое дарованье. При такихъ условіяхъ истекаютъ быстро и безслѣдно непосредственные слѣды жизни, и, когда общество, прозрѣвъ, начинаетъ интересоваться всякой подробностью, касающейся необыкновеннаго человѣка, когда-то жившаго, узнать и собрать свѣдѣнія о немъ бываетъ уже невозможно. Напечатанная П. И. Бартеневымъ записная книжка художника и отысканныя мною письма его къ роднымъ—единственные пока свидѣтели о немъ интимнаго характера. Мы знаемъ, какъ ничтожны свѣдѣнья русскихъ источниковъ о Боровиковскомъ. Иностранные источники въ этомъ случаѣ еще беднѣе. Въ столь извѣстномъ «Dictionaire des peintres» Сире о немъ напечатано, напримѣръ, три строчки: «ученикъ Левицкаго, онъ оставилъ военную службу, чтобъ отдаться искусству. Работалъ много для церквей, между прочимъ для Казанскаго собора въ Петербургѣ. Хорошо улавливалъ сходство лицъ, отличался въ выпискѣ матерій. Миніатюры удивительной законченности.» Далѣе подобныхъ общихъ мѣстъ не

идутъ свѣдѣнія иностранныхъ источниковъ, также впрочемъ какъ и русскихъ, которыхъ они служатъ отраженіемъ.

Весною 1893 года, послѣ появленія въ «Новомъ Времени» симпатичной замѣтки г. Ив. Щеглова о могилахъ Венеціанова, Ѳедотова и Боровиковскаго, въ той же газетѣ напечатано было сообщеніе г. Барсова, возбудившее интересъ поклонниковъ художника. Г. Барсовъ писалъ, что секретаремъ Имп. Русскаго Историческаго Общества г. Штендманомъ пріобрѣтены случайно бумаги и рисунки Боровиковскаго, оставшіеся послѣ его смерти и пребывавшіе въ неизвѣстности. Отъ уважаемаго г. Штендмана въ Петербургѣ я услышалъ полное опроверженіе этого сообщенія. Бумаги и рисунки оказались принадлежащими одному изъ третьестепенныхъ и безвѣстныхъ художниковъ первоначальной эпохи, ничего общаго съ Боровиковскимъ не имѣютъ и переданы г. Штендманомъ одному изъ знакомыхъ ему художниковъ.

Послѣ напечатанья нашей статьи о Боровиковскомъ въ «Русскомъ Архивѣ», намъ доставлено нѣсколько сообщеній, и кое-что изъ его работъ еще стало извѣстнымъ. Для почитателей художника,—а число ихъ растетъ, и они начинаютъ называть его именемъ русскаго Рафаэля,—сообщаемъ эти данныя, хотя скудныя, но все же расширяющія свѣдѣнія о его работахъ и о немъ. Въ біографіи Крамского г. Стасовъ сообщилъ, что на первоначальное развитіе любви къ живописи у Крамского имѣли вліяніе церковныя работы Боровиковскаго, которыя онъ видѣлъ на родинѣ своей, въ Воронежской губерніи, въ с. Тишанкѣ Острогожскаго уѣзда, откуда Боровиковскій будто бы былъ родомъ. Родина его намъ достовѣрно извѣстна: это славный городъ Миргородъ. Но какъ очутились его работы въ Воронежской губерніи, гдѣ самъ онъ не былъ никогда? Въ сообщенномъ намъ письмѣ къ издателю »Русскаго Архива, г. Веневитиновъ даетъ разъясненіе этого обстоятельства. Тишанка, находящаяся въ Бобровскомъ, а не въ Острогожскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи, принадлежала канцлеру князю А. А. Безбородку, который, очевидно, и заказалъ Боровиковскому церковный иконостасъ. Отъ Безбородка Тишанка перешла къ Кушелевымъ, затѣмъ къ княжнѣ Суворовой, а отъ нея уже куплена какимъ-то купцемъ. Иконостасъ Тишковской церкви теперь сильно почернѣлъ и находится въ большомъ запущеніи.

О другомъ иконостасѣ Боровиковскаго, находящемся въ селѣ Романовкѣ Мглинскаго уѣзда Черниговской губерніи, упомянутомъ

въ нашемъ спискѣ его работъ, намъ доставлены свѣдѣнія нотаріусомъ города Мглина Б. П. Суницей.

Романовская церковь, заложенная въ 1811 году и освященная въ 1817, построена на средства корнета Степана Артемовича и сестры его, дочери бунчуковаго товарища, Ульяны Артемовны Лашкевичей. Непосредственно строителями, или кѣмъ-нибудь изъ черниговцевъ, бывшихъ тогда на службѣ въ Петербургѣ и группировавшихся вокругъ Безбородка и Судіенка, какъ Лишинъ, Велинскій и другіе, иконостасъ для церкви заказанъ былъ Боровиковскому [1]). Помимо достоинства работы, подлинность его удостовѣряется надписью, находящеюся на одной изъ иконъ: «въ семъ храмѣ иконы написаны Императорской академіи художествъ совѣтникомъ Владиміромъ Лукичемъ Боровиковскимъ въ Санктпетербургѣ 1815 года». Въ соборной церкви города Мглина повторенъ тотъ же иконостасъ, въ грубоватыхъ копіяхъ работы мѣстнаго живописца.

Всѣхъ образовъ въ Романовской церкви двадцать шесть, всѣ писаны на деревѣ. Есть основаніе предполагать, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. изображеніе святыхъ патроновъ строителей церкви, евангелистовъ на царскихъ вратахъ и друг., писаны не Боровиковскимъ и прибавлены потомъ. Внѣ всякаго сомнѣнія въ принадлежности ему—изображеніе Покрова Богородицы, на которомъ находится приведенная выше надпись, мѣстныя иконы Спасителя и Богородицы, Нерукотворенный образъ, изображеніе Бога Вседержителя, вѣнчающее иконостасъ. Все это излюбленные мотивы его творчества, проникнутые всегда у него совершенно особенной, ему лишь свойственной поэзіей.

Имена авторовъ церковныхъ работъ рѣдко попадаютъ у насъ въ справочныя книги и указатели, а потому ихъ узнаешь случайно. Въ главной церкви Петербургской Александро-Невской Лавры есть мало кому извѣстный образъ Спасителя письма Боровиковскаго. Христосъ стоитъ на облакахъ, держа въ рукахъ земной шаръ *стеклянной*. За нимъ, направо, видѣніе креста. Въ дымкѣ, составляющей фонъ картины, въ эфирѣ рѣютъ ангелы (видны однѣ головки), опрокинув-

---

[1]) У одного изъ Велинскихъ, въ Новозыбковскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи, былъ портретъ дамы въ темно-пурпуровомъ платьѣ и въ кружевахъ, г-жи Лобановой, писанный Боровиковскимъ и вывезенный владѣльцемъ изъ Петербурга. Домъ, гдѣ находился этотъ портретъ, нынѣ сгорѣлъ, и неизвѣстно, уцѣлѣла ли въ пожарѣ картина Боровиковскаго.

шіеся, летящіе, со взоромъ устремленнымъ на Спасителя, тѣ ангелы, которые на религіозныхъ картинахъ Боровиковскаго сопровождаютъ Христа.

Великолѣпная выставка картинъ старыхъ мастеровъ изъ частныхъ собраній, бывшая въ Москвѣ весною 1892 года, обнаружила художественныя богатства, сосредоточенныя въ Москвѣ, сдѣлала извѣстными и нѣсколько картинъ Боровиковскаго, едва ли не бывшаго «гвоздемъ» выставки. Здѣсь появились: портретъ дѣвочекъ, дочерей Львова (принадлежащій Его Императ Высоч. князю Сергѣю Александровичу), портретъ графини Орловой-Денисовой (собственность г. Христи), мужская голова (изъ собранья графа А. А. Бобринскаго) и портретъ Новоторжской крестьянки (изъ собранья Н. В. Полѣновой). Послѣдняя работа относится, вѣроятно, къ тому времени, когда Боровиковскій писалъ иконостасъ въ г. Торжкѣ, Тверской губ., причемъ работалъ очевидно на мѣстѣ.

Въ Москвѣ-же, въ частныхъ рукахъ, намъ указали еще: портретъ кн. Долгорукой, урожденной Анайщиковой (у княгини Ек. Петров. Долгорукой), Іоаннъ Богословъ (у товарища предсѣд. Моск. Окр. Суда М. Г. Ковалевскаго) и пять семейныхъ портретовъ Дубовицкихъ. Изъ нихъ особенно хороши портреты старика и старухи. Послѣдній—верхъ совершенства. Нѣсколько работъ художника, въ дополненіе къ нашей статьѣ, названы въ «Русскомъ Архивѣ» гг. Корсаковымъ и Примо.

Въ Имп. Публичной Библіотекѣ хранится автографъ Боровиковскаго (единственный), относящійся къ послѣднимъ мѣсяцамъ его жизни. Это—условіе на выполненіе заказа, текстъ котораго слѣдующій:

«Для Его Превосходительства Егора Васильевича Карнеева, господина попечителя Харьковскаго университета, обязался я, нижеподписавшійся, написать собственными трудами двѣ мѣстныя иконы Спасителя и Богоматери на деревянныхъ доскахъ, покрытыхъ для крѣпости мѣдью, вышиною 2 аршина 14 вершковъ, ширпною 1 аршинъ и 6 вершковъ, отъ нижеписаннаго числа чрезъ одинъ годъ, т. е. будущаго года въ февралѣ мѣсяцѣ. За труды и издержки согласился получить двѣ тысячи пятьсотъ рублей государственными ассигнаціями. Въ счетъ оныхъ получилъ отъ Его Превосходительства тысячу рублей, а остальные 1500 рублей ожидаю получить по окончаніи» Февраля 4 дня 1825 года. Императорской Академіи Художествъ совѣтникъ Владиміръ Луки сынъ Боровиковскій».

Упоминаемыя въ этомъ заказѣ иконы едва ли были написаны, такъ какъ Боровиковскій умеръ въ апрѣлѣ того-же 1825 года. Карнѣевъ принадлежалъ къ мистическому кружку конца царствованія Александра I, которому всей душой приверженъ былъ и Боровиковскій. Значительная часть оставшихся его портретовъ и изображаетъ лицъ этого кружка, духовныхъ и свѣтскихъ. Въ драгоцѣнномъ собраніи произведеній русской живописи Третьякова, переданномъ нынѣ Москвѣ, къ прежнимъ работамъ Боровиковскаго недавно прибавился маленькій холстъ, изображающій, по увѣренію печатной «описи собранія» (№ 26), самого художника съ женою и ребенкомъ. Указаніе это совершенно не вѣрно и основано лишь на фамильномъ сходствѣ. Извѣстно, что Боровиковскій женатъ никогда не былъ. Эскизный портретикъ этотъ, гдѣ лицо мужчины дѣйствительно схоже съ сохранившимся собственнымъ офортнымъ изображеніемъ художника, представляетъ вѣроятно одного изъ его братьевъ и писанъ, судя по работѣ, еще въ Малороссіи, до переселенія Боровиковскаго на сѣверъ.

В. Горленко.

Изъ литературной полемики В. И. Асноченскаго. Въ высшей степени интересная личность В. И. Аскоченскаго оставила по себѣ на долгое время память въ тѣхъ мѣстахъ, куда судьба заносила его. На страницахъ «Кіевской Старины» появлялись уже нѣкоторые изъ тѣхъ полемическихъ памфлетовъ, какіе вездѣ вызывала противъ себя эта безпокойная, неуживчивая натура. Намъ также удалось добыть такой памятникъ своеобразной литературной полемики Аскоченскаго, относящійся ко времени пребыванія его въ Каменецъ-Подольскѣ, гдѣ онъ занималъ должность совѣстнаго судьи, послѣ постигшихъ его неудачъ въ Кіевѣ. Разочарованный и озлобленный неудачами, В. И. Аскоченскій пріѣхалъ въ Каменецъ уже съ большимъ запасомъ желчи, и здѣсь начинается у него цѣлый рядъ столкновеній съ различными представителями тогдашней каменецкой интеллигенціи. Особенно характерна извѣстная исторія съ молодымъ правовѣдомъ Г—ымъ, окончившаяся выходомъ виновника ея, Аскоченскаго, въ отставку. Ко времени этого послѣдняго столкновенія и относятся сообщаемыя нами два стихотворенія. Первое изъ нихъ— «Совѣтъ зазнавшемуся поповичу»—принадлежитъ, по всей вѣроятности, перу Г—ва (по крайней мѣрѣ, общая молва современниковъ этой исторіи приписываетъ его ему) и очень ярко характеризуетъ

сословныя представленія тогдашней, лучшей даже, каменецкой интеллигенціи; другое — «Моя родословная» — принадлежитъ Аскоченскому. Къ сожалѣнію, послѣднее стихотвореніе попало намъ въ руки въ очень исковерканномъ и безграмотномъ видѣ; возстановить истинный текстъ его по другимъ спискамъ мы не имѣли возможности и подаемъ самый текстъ стихотворенія въ томъ видѣ, въ какомъ онъ попалъ въ наши руки.

Добрый совѣтъ зазнавшемуся поповичу.

Къ чему таишь ты, милый мой,
Свой родъ, свое происхожденье?
Всѣ знаютъ, что родитель твой
Былъ попъ, его благословенье.
Что въ гербѣ родовомъ твоемъ
Не мечъ, не шпага, а кропило
Да блинъ поджаренный съ кнышомъ,
Яицъ лукошко да кадило.
Собою глупо обольщенъ,
Ты хочешь влѣзть въ аристократы,
И позабылъ, что ты рожденъ
Въ углу сельской, плетеной хаты,
Что на деревнѣ твой отецъ,
Въ дни праздничные христославя,
Пшеницу, сало, куръ, овецъ
Бралъ съ чистымъ сердцемъ, не лукавя.
И о спасеніи души
Радѣя своего прихода,
Онъ съ чистымъ сердцемъ бралъ кныши
И выкормилъ тебя, урода.
А ты теперь поднявши носъ,
Ужъ подъ собой земли не слышишь
И на привѣтливый вопросъ,
Какъ мѣхъ кузнечный, только пышешь.
Повѣрь, мой другъ,—не утаишь
Никакъ въ мѣшкѣ холстяномъ шила;
Того ужъ не перетворишь,
Что разъ природа сотворила.
Будь тѣмъ, чѣмъ Богъ тебя создалъ,
И корчить брось аристократа:
То — всѣ бароны и вассалы (?),
Гдѣ-жъ съ ними быть за панибрата?
Когда бояринъ столбовой
Тебѣ жметъ руку съ умиленьемъ,
Ты думаешь, что онъ душой

Кипитъ въ тебѣ расположеньемъ?
Напрасно, милый! Отвернувшись,
Тебѣ покажетъ въ спину шишъ
И, горделиво улыбнувшись,
Пошлетъ тебѣ прозванье: кнышъ.
Возьми примѣръ ты для себя
Съ другого своего ты брата [1]).
Онъ, правду-матушку любя,
Не лѣзетъ въ санъ аристократа.
Богатъ душою, головой,
Онъ простъ, не горделивъ со всѣми,
Въ мундиръ одѣвшись золотой,
Онъ не кичится передъ тѣми,
Кому судьба дала лишь фракъ,
Шинель суконную на ватѣ,
Картузъ цѣною въ четвертакъ,
Сюртукъ—заплата на заплатѣ.
Онъ не таитъ ни передъ кѣмъ
Незнатнаго происхожденья
И, чуждый глупаго киченья,
Въ насмѣшку повѣствуетъ всѣмъ,
Что онъ поповичъ, не холопъ,
Не шляхтичъ, хамское отродье,
Что батюшка его былъ попъ,
А онъ теперь—высокородье.
Смири же духъ ты свой надменный
Познай полезный Божій страхъ
И, взявшись за ухо, почтенный,
Запой на „Господи воззвахъ".

Моя родословная.

Да, я поповичъ, не купецъ
Не шляхтичъ, хамское отродье,
Мой вѣчной памяти отецъ
Не назывался „благородье",—
Былъ благороденъ по дѣламъ,
А не по шпагѣ да усамъ.
Мой родъ по книгѣ шнуровой
Не значится происхожденьемъ;
Прапрадѣдъ мой за голосъ свой
Попалъ въ сіе (?) благословенье.
Да, я поповичъ, не холопъ

---

[1]) По всей вѣроятности, братъ В. И. Аскоченскаго, генералъ.

Не голый выходецъ изъ нѣмцевъ,
И не разстрига, не распопъ,
Не изъ кабатчиковъ сидѣльцевъ.
Отецъ виномъ не торговалъ,
Не разбавлялъ его водицей
И черезъ винный капиталъ
Не сдѣлался онъ важной птицей.
Да, я поповичъ, не холопъ;
Хоть родовой мой гербъ съ кадиломъ,
Да. . . . . . . (?)
Перед.... (?) вельможнымъ рыломъ.
Подлѣйшей лести не купилъ
И, помня вѣру, честь и совѣсть,
Какъ чувствовалъ, такъ говорилъ
Я гордую вельможамъ повѣсть.
Мой старый дѣдъ меня училъ
Стоять предъ Господомъ въ смиреньи
И крѣпко въ седцѣ утвердилъ
Надежду, вѣру и терпѣнье.
. . . .

Сообщ. А. **Лотоцкій.**

Іеремія Вишневецкій и козацкое землевладѣніе. Въ только что вышедшемъ изслѣдованіи И. М. Каманина «Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго»[1]) собрано довольно значительное количество документальныхъ указаній на существованіе въ XVI и XVII ст. частнаго козацкаго землевладѣнія, не разграниченнаго еще въ то время отъ землевладѣнія боярскаго и мѣщанскаго. Приводимые ниже документы относятся также къ факту подобнаго землевладѣнія; при этомъ представляетъ интересъ то обстоятельство, что упоминаемое въ нихъ козацкое владѣніе, незначительное по объему и цѣнности, существовало въ предѣлахъ державы Іереміи Вишневецкаго, который признавалъ его существованіе и ограждалъ отъ всякихъ притязаній со стороны своихъ державцевъ. Вотъ самые документы, въ переводѣ на русскій языкъ.

1. Іеремія Михаилъ Карибутъ князь на Вишничахъ увѣдомляю этою моею грамотою тѣхъ, кому о томъ надлежитъ вѣдать, что по просьбѣ мѣщанина мошенскаго Охрима Туровича, моего подданного, который купилъ у реестроваго козака по имени Гурина, за десять

---

[1]) Въ VIII кн. „Чт. въ ист. общ. Нестора Лѣт.“ и отдѣльно.

копъ грошей литовскихъ хуторъ, находящійся на Сокольихъ Лозахъ въ селѣ, чтобы я подтвердилъ ему эту его покупку, я этою грамотою моею подтверждаю, чтобы подобно тому, какъ вышеупомянутый козакъ владѣлъ этимъ хуторомъ, въ которомъ находится различное имущество, такъ и онъ владѣлъ бы спокойно, безъ всякихъ препятствій какъ отъ моихъ слугъ, такъ и отъ другихъ особъ. На что для большей твердости и вѣры къ этой моей грамотѣ съ подписью приказалъ я приложить и мою печать. Данъ въ Прилукѣ, 21 августа 1638 года. Михаилъ Вишневецкій. М. П.

2. Я, Флоріанъ съ Потока Потоцкій, державца Мошенскій, выполняя волю е. м. князя, который далъ мошенскому мѣщанину грамоту съ собственноручною своею подписью на Гуриновскій хуторъ въ Сокольихъ Лозахъ, которымъ онъ можетъ владѣть и пользоваться, въ чемъ никто не можетъ ему препятствовать — ни я самъ, ни какой-либо мой староста—даю ему на то мое настоящее писаніе съ моею подписью и приложеніемъ печати. Въ Вишняхъ, 6 ноября 1638 года. Флоріанъ Потоцкій съ Потока. М. П. [1]).

Сообщилъ **В. Щербина**.

Грамота Богдана Хмельницкаго относительно частнаго землевладѣнія. Вопросъ о частномъ землевладѣніи въ Малороссіи въ эпоху войнъ Богдана Хмельницкаго и въ послѣдующее время до сихъ поръ остается не вполнѣ разъясненнымъ въ нашей исторической литературѣ. Съ одной стороны мы видимъ рѣзкую перемѣну всѣхъ общественныхъ отношеній, истребленіе или изгнаніе шляхты, раздачу захваченныхъ во время возстанія земель за войсковыя заслуги, съ другой—сохраненіе и подтвержденіе правъ прежнихъ владѣльцевъ на ихъ земли. Разъяснить эти противорѣчія можетъ только тщательное изслѣдованіе современныхъ документовъ, которыхъ, впрочемъ, сохранилось очень немного. Большой интересъ для даннаго вопроса представляетъ напечатанный Н. В. Стороженкомъ универсалъ Б. Хмельницкаго отъ 31 іюля 1650 г. на имя нѣжинскаго полковника Шумейка, которымъ предписывается возвращеніе земель прежнимъ владѣльцамъ [2]); но универсалъ этотъ относится ко времени Зборовскаго

---

[1]) Кіев. Центр. Архивъ, кн. № 227, л. 628.

[2]) „К. Ст.", 1888, № 7.

договора и, по справедливому замѣчанію редакціи, былъ его прямымъ послѣдствіемъ. Приводимая ниже грамота Б. Хмельницкаго отъ 1 іюля 1656 г., случайно сохранившаяся въ позднѣйшей актовой книгѣ (1741 г.), представляетъ подобное же распоряженіе, относящееся къ болѣе позднему времени—Переяславскаго договора и послѣдовавшей за нимъ войны съ Польшею. Въ подлинности грамоты едва-ли можно сомнѣваться: распоряженія Б. Хмельницкаго въ XVIII в. едва ли имѣли важное значеніе въ глазахъ польскаго правительства, и подделывать ихъ не было никакой надобности. Грамота занесена въ актовую книгу не въ подлинникѣ, а въ польскомъ переводѣ, почему считаемъ возможнымъ съ своей стороны перевести ее на русскій литературный языкъ.

«Богданъ Хмельницкій, гетманъ съ войскомъ его царскаго величества Запорожскимъ.»

«Ярмола! Жаловались намъ Охримъ Троць и Байбузиха, что ты отнялъ его собственный сѣнокосъ, доставшійся ему отъ предковъ, находящійся въ с. Байбузахъ и называемый [1]..... и безъ всякаго основанія присвоиваешь себѣ и не желаешь возвращать, какъ бы присвоивая его намъ. Поэтому строго приказываемъ тебѣ немедленно возвратить этотъ лугъ безъ всякаго сопротивленія помянутому Охриму и впредь его никогда не тревожить. Намъ чужого не нужно. Данъ изъ Чигирина 12 іюля 1656 г. Если же ослушаешься, то немедленно явись къ намъ, непремѣнно. Богданъ Хмельницкій, рукою власною». М. П. [2]).

Село Байбузы, о которомъ идетъ рѣчь въ грамотѣ, находится въ черкасскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 10 къ юго-западу отъ м. Мошны. Трудно опредѣлить, кто былъ Ярмола, къ которому обращается Хмельницкій; по всей вѣроятности это былъ сотникъ Мошенскій (Черкасскимъ полковникомъ былъ въ это время Яцько Воронченко). Троць и Байбузиха, жалобою которыхъ вызвана грамота, въ актовой книгѣ (но не въ самой грамотѣ) названы мѣщанами мошенскими, но едва-ли это опредѣленіе точно, по крайней мѣрѣ относительно Байбузихи. Байбузы, по имени которыхъ названо и село, представляли литовскій шляхетскій родъ, происходившій отъ татарскаго мурзы Михаила Байбуза Грызбуновича и связанный какими-то отношеніями съ фамиліею

---

[1]) Не разобрано; повидимому Drenu łąke.

[2]) Кіев. Центр. Арх., кн. 227, № 629.

Вишневецкихъ: родоначальникъ фамиліи В. получилъ отъ Стефана Баторія земли надъ р. Сулою, которыя впослѣдствіи уступилъ кн. Александру Вишневецкому [1]); с. Байбузы находилось также среди владѣній Вишневецкихъ. Если обратимъ вниманіе на то, что владѣльцемъ спорнаго сѣнокоса въ грамотѣ названъ одинъ Троць, а Байбузиха упомянута только потому, что вмѣстѣ съ нимъ принесла жалобу гетману, то можно предположить, что Байбузиха была владѣлицею села, въ которомъ Троцю принадлежалъ одинъ сѣнокосъ, и что права ея также признавались козацкимъ управленіемъ. Во всякомъ случаѣ грамота имѣетъ важное значеніе, какъ доказательство признанія Богданомъ Хмельницкимъ стариннаго права частной собственности на землю въ территоріи, занятой козачествомъ, права, которое въ данную эпоху (послѣ Переяславскаго договора) вѣроятно распространялось только на мѣстное русское и православное населеніе [2]). Грамота вызвана частнымъ случаемъ, но сходство ея по содержанію съ универсаломъ 1650 г. и заключительная фраза: «*намъ чужого не нужно*» придаютъ ей болѣе общее значеніе.

В. Щербина.

Къ вопросу объ источникѣ водевиля Котляревскаго: „Москаль-Чаривнык". Въ послѣднее время, на страницахъ «Кіевской Старины» много говорилось объ источникахъ, изъ которыхъ почерпнулъ Котляревскій содержаніе своего водевиля «Москаль-Чаривнык». Любопытная статья проф. Дашкевича, посвященная этому вопросу, вызвала цѣлый рядъ дополненій, указаній. Печатаемая ниже сказка представляетъ, какъ мнѣ кажется, нѣкоторый интересъ, какъ варіантъ того перехожаго мотива, который лежитъ въ основѣ водевиля Котляревскаго и той сказки, которую приводитъ въ своей статьѣ проф. Дашкевичъ. Сказка записана мной въ с. Лукѣ Волынской губ. Житомірскаго уѣзда.

---

[1]) Похилевичъ. Сказаніе о насел. мѣстн. Кіевск. губ., стр. 626 (со ссылкою на сеймовую конституцію 1590 г.)

[2]) Впрочемъ, права прежнихъ владѣльцевъ-шляхтичей на земли, кромѣ тѣхъ, которыя они обработываютъ сами наравнѣ съ другими сельскими жителями, были „скасованы" (въ лѣвобережной Украинѣ), повидимому, только въ концѣ XVII ст. (См. универсалы Черниговскаго полковника Лизогуба 1690 г. въ „Кіевской Старинѣ" 1885, № 3).

Ото бувъ сиби въ иднову сыли господаръ, богатый чоловикъ, и трымавъ наймыта. Колы разъ, такъ було уже надъ вечеръ, прыходыть той наймытъ, та-й каже: «Бида мини, хозяинъ».— «А, яка така бида»?— «Колесо зломалось». А въ того хозяина сынъ бувъ, та дуже роскишный такій. Отъ винъ и пытае: «Що-жъ то за бида»?— «Пиды, то зобачышъ», сказавъ батько.— «Якъ дасте сто рубливъ, то пиду». Давъ ему батько сто рубливъ, тай выпровадывъ. Иде той сынъ, та йде, колы прыходыть до лиска, а биля того лиска озеро. Винъ розибрався, та й пишовъ купатьця. А тымъ часомъ гайдамака выскочывъ зъ лиса, забравъ тее платте и сто рубливъ въ нему, та й пишовъ. Вылизъ той сынъ, глянувъ сюды туды,—ныма плаття. «Ось яка то бида», подумавъ соби. А що тутъ робыть? Ныма що—пишовъ. Иде винъ коло того лису, та йде, ажъ бачыть хата. Подывывсь въ викно—въ хати а ни души, тилько на столи стоить повна макитра вареныкивъ съ саломъ и сметаною. Винъ хутнишъ за ти вареныки, та пидъ пичъ. Исть, ажъ чуе, йдуть молодыця, а зъ нею якись тры чоловики по паньськи вбрани, а то булы панъ, икономъ и пысаръ. Ихъ, бачте, понаспрошувала молодыця до себе, наварыла усякои всячины й напекла, бо чоловикъ поихавъ десь на ярмарку. Входять въ хату, шуткують, рыгочуть, хочъ паны, алы таке выробляють ныхай ему чортъ. Алы оглядилась жинка за вареныкамы. Шукала, шукала—ныма. Выняла вона тоди макаранъ, курку, горилку. Колы це посидалы воны, ажъ чують на двори «тпррр...». Що тутъ робыть на свити Божому? Панъ ажъ побиливъ, а пысаръ якъ дурный по хати бигае. А жинка хочъ и злякалась, алы сховала хутнишъ макаранъ и курку пидъ подушку, а папивъ пидъ пичъ. Прыйшовъ чоловикъ въ хату, посылае іи за сусидамы. Бо винъ, бачъ, далеко иде въ Крымъ за силью, може вже ны зобачыця, то хоче попрощацьця. «А вже купывъ горилки, а оце купывъ дехтю. Завтра вранци вымащусь тай поиду». Жинка его самого посылае, а винъ ныхоче. Ныма що—пишла сама. Попрыходылы сусиды, сталы пыты, исты, а жинка стоить коло печы, сютъ-тутъ тай подасть пидъ пичъ горилки чарку. Алы той голый заразъ за неи, тай выпье. Якъ панъ протягне руку, то винъ его по руци, тай выпье. Напывсь вже винъ добре, тай каже: «А що, спивать буду».— «Що ты здуривъ, чы що? Аже й тоби и намъ достанеця, хиба ны бачышъ, що повна хата людей»?— «А якъ дасте все, що на васъ е, то ны буду спивать...». Ныма що, скинувъ панъ свое вбранне, отдавъ. Голый вы-

пывъ знову скилька чарокъ. «Ну, каже, iй-бо вже буду спиваты». Ти до него. И просять и сваратьця—ни, таки свое—буду спивать тай годи. «А врешти, каже до пысаря, якъ дасте, пане, все, що на васъ е, то й ны буду». Ныма що, отдавъ пысаръ и свою одежу. Выпывъ голый знову скилька чарокъ. «Ну, каже, ны вытерплю,—буду вже спивать». Давай воны его знову просыть—«що хочышъ визьми тильки мовчы».—«А якъ дасте, каже до управляющого, все, що на васъ е, той буду мовчать». Осталысь вси голы. Забравъ винъ те платте, вбрався, а друге позвязувавъ, тай шмыгъ съ пидъ печы, та на двиръ. А жинка й рада бо думала що то панъ втикъ, а вона й ны знала, що тамъ сыдивъ той голый. А въ хати пьють, та спивають—ны бачать, що въ хати робыця. А голый тымъ часомъ пишовъ въ клуню, поскладавъ тамъ платте, зловывъ якось сову, тай прыйшовъ до хаты.—«Очынить, люды добры».—А хто тамъ?—«Це я ношу таку знахарку, що вгадуе». Пустылы его въ хату. Тилько оце посидалы, а хлопыць взявъ пидъ столомъ тай причавывъ сову за лапу. Вона й крыкнула. «А що це таке», пытае хазяинъ?—«А то вона каже, що тамъ пидъ подушкою е макаранъ». Подывылысь—стоить макаранъ. Взялы его, идять. Ажъ той знову прычавывъ сову, вона знову закрычала. «Ну, а це чого», пытае хазяинъ.—«А то вона каже, що тамъ пидъ подушкою, ще е й курка». Подывылысь, правда—лежить курка. Тилько оце вже попоилы добре й выпылы, прыдушывь той знову сову. «А чого вона ще хоче», каже хазяинъ.—«А то вона каже, що у васъ въ хати злыдни е».—«Чы вже жъ? А що тутъ робыты?»—«А що робыты—кажы жинци, ныхай достане банякъ окропу, а вы, дядьку, визьмить макогона, та станьте съ цеи стороны, а вы, дядьку, ходить на цю сторону». Якъ поставалы по обыдви стороны, каже жинци—«ну, лый окрипъ пидъ пичъ». Та ныма що хлюпнула туды. Эхъ якъ выскочать звиты панъ, экономъ и пысаръ голы, а чоловики ихъ макогонамы. Насылу втиклы. «Ну, и славна-жъ въ тебе знахарка, каже хазяинъ хлопцеви. Продай мини».—«А якъ дасы трыста рублывъ, той продамъ». Порадылысь, порадылысь, далы ему трыста рублывъ и взялы сову. Тильки що выйшовъ той хлопыць съ хаты, воны давай пытаты сову про те, та про се, а вона мовчыть тилько очыма лупае, та зубамы клацае. Клыкалы, клыкалы воны хлопця, алы винъ вже ны вернувсь. Побачылы мужыки, що пидурывъ ихъ и дуже розсердылысь. А хлопыць забравъ сиби платте, грошы, прыйшовъ до дому, тай каже

батькови. «Ось бачте,—трыста рубливъ и ось скильки плаття. Яка-жъ тутъ бида на свити? Ныма а ни якои биды».

Сообщ. Вл. Боцяновскій.

Изъ прошлой жизни Печерской лавры. Въ одной изъ книжекъ «Кіевской Старины» за 1883 г. (№ 9—8, стр. 325) въ числѣ «замѣтокъ» напечатана «традиціонная характеристика кіевскихъ монастырей». Какъ передалъ намъ, при печатаніи этой «замѣтки», покойный редакторъ «К. Ст.» Ѳ. Г. Лебединцевъ, «характеристику» эту записалъ онъ со словъ недавно усопшаго митрополита Платона, чѣмъ и объясняются выставленные подъ «замѣткой» иниціалы—*М. П.* По этой характеристикѣ—между прочимъ, проходитъ мимо «путника» «преогромнѣйшій» монахъ, въ шелестящей рясѣ, сопровождаемый «во всемъ новомъ» молодымъ послушникомъ;—поклонившись монаху, путникъ спрашиваетъ: изъ какого, батюшка, монастыря?—Спытай мого хлопця! отвѣчалъ монахъ и пошелъ дальше.—Эта характеристика, относящаяся къ далекому прошлому, пополняется слѣдующими *историческими* свѣдѣніями. Путивльскій помѣщикъ Ив. Мих. Гамалѣя писалъ въ 1819 году, пріятелю своему Ив. Ром. Мартосу [1], жившему тогда въ Печерской лаврѣ: «И мнѣ довелось быть въ богоспасаемомъ городѣ Кіевѣ въ 1792 г. Служеніе, пѣніе и порядокъ были отличные въ лаврѣ. Я удивлялся красотамъ и богатству храма Царицы Небесной, чувствовалъ благоговѣніе въ семъ святомъ мѣстѣ и видѣлъ отцевъ соборныхъ, въ формахъ [2]) двухъ крылосовъ, толщины необыкновенной. Теперь, думаю, лавра уже не имѣетъ подобныхъ отцевъ, которые составляли послѣдніе остатки въ лаврѣ еще послѣ Зосима [3]), да и самъ даже теперь текущій вѣкъ во всемъ, и въ великомъ и въ маломъ, тоньше прошедшаго...».

Въ другомъ письмѣ 1836 г., лаврскаго іеромонаха Варлаама къ миргородскому помѣщику В. Я. Ломиковскому, читаемъ: «Жить въ лаврѣ выгодно и спасительно, но строгость отъ новаго намѣстника архимандрита Серафима, по духу митрополита, чрезвычайная

---

[1]) Это бывшій директоръ департамента министерства юстиціи при министрѣ Трощинскомъ, жившій послѣ отставки болѣе десяти лѣтъ въ лаврѣ.

[2]) Формами называются особыя монастырскія мѣста въ церкви, похожія на небольшіе шкапчики, безъ крышки и дверецъ.

[3]) Зосима Валькевичъ, архимандритъ Печерской лавры, 1762—1786.

и труды немалые, а способной братіи не такъ то много. Да и что же было бы безъ строгости! Прошло то время, что соборные старцы такъ были разнѣжены, что услыша благовѣстъ къ заутренѣ, говорили: «хлопче! иди, перекрести мене»! А теперь и того штрафуютъ, кто пришелъ въ церковь послѣ благовѣста [1])».....

А. Л.

[1]) Оба письма, въ подлинникахъ, въ нашей б—кѣ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Одесскія юбилейныя изданія.

Въ ожиданіи столѣтняго юбилея города, одесское городское управленіе назначило премію въ 500 р. за рукописное сочиненіе по исторіи и археологіи новороссійскаго края, принимая на свой счетъ и изданіе премированнаго труда; но, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ на соисканіе этой преміи ни представлено ни одного сочиненія. Помимо того, городское управленіе Одессы предприняло составленіе и изданіе историко-географическаго описанія самаго города; съ этою цѣлью была организована коммиссія изъ профессоровъ, подъ предсѣдательствомъ проф. Надлера, заказаны клише для рисунковъ, и дѣло было ужъ совсѣмъ, что называется, на мази, когда проф. Надлеръ умеръ; вслѣдъ за тѣмъ одинъ изъ энергичныхъ членовъ коммисіи, проф. Кирпичниковъ уѣхалъ въ Москву, а проф. Успенскій, замѣнившій Надлера въ качествѣ предсѣдателя, получилъ назначеніе въ Константинополь. Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ перемѣнъ было запозданіе городскаго изданія, которое и сихъ поръ не появилось въ печати.

Но юбилей Одессы все-таки отмѣченъ нѣсколькими литературно-научными изданіями, которыя явились плодомъ частной инициативы.

По внутреннему своему достоинству первое мѣсто между ними занимаетъ составленный потомкомъ знаменитаго строителя Одессы, Л. М. де-Рибасомъ сборникъ матеріаловъ и статей подъ заглавіемъ: «Изъ прошлаго Одессы», изданный одесскимъ городскимъ головою Г. Г. Маразли. «Когда чествуютъ юбиляра, говоритъ составитель сборника въ предисловіи къ своей книгѣ, то послѣ рѣчей и заздравныхъ тостовъ начинается, обыкновенно, интимная бесѣда о тѣхъ или другихъ выдающихся моментахъ изъ жизни виновника торжества. Выпускаемый нынѣ сборникъ разсказовъ о прошломъ г. Одессы—это

интимная бесѣда о жизни дорогого нашему сердцу столѣтняго юбиляра. Въ этой бесѣдѣ нѣтъ формальности торжественныхъ рѣчей, нѣтъ ничего заранѣе обдуманнаго и нѣтъ ничего показного. Это просто случайный обмѣнъ воспоминаній, импровизированные разсказы о пережитомъ, свободно передаваемые собесѣдниками другъ другу, въ увѣренности, что ради симпатичности темы никто не посѣтуетъ на нихъ за несовершенство изложенія». Главнымъ, почти исключительнымъ матеріаломъ для сборника послужили воспоминанія старожиловъ; исключеніе составляютъ только статьи: прот. Серафимова (изъ лѣтописи одесской институтской церкви), В. Л. Ганзена («Истор. данныя, касающіяся порта и карантина») и В. А. Яковлева («кое-что объ иноплеменникахъ въ исторіи г. Одессы»), да архивные матеріалы, сообщенные г. Чудновскимъ. Большинство помѣщенныхъ въ сборникѣ воспоминаній и записокъ появляется въ печати въ первый разъ; перепечатаны изъ другихъ изданій только воспоминанія Толченова и Тройницкаго о пребываніи Гоголя въ Одессѣ (изъ «Музыкальнаго свѣта» 1876 г.) и изъ брошюры «День памяти Пушкина 6 іюня 1880 г.») и М. Ф. де-Рибаса «Разсказы одесскаго старожила» (изъ газеты «Правда» 1878 г.). Большая часть воспоминаній, касающихся 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ, но нѣкоторыя изъ нихъ относятся и къ первымъ двумъ десятилѣтіямъ нашего вѣка, напр. записки А. Д. Ризо объ одесскомъ институтѣ. Содержаніе мемуаровъ очень разнообразно, но имѣетъ преимущественно бытовой характеръ. Большое мѣсто занимаютъ разсказы о перемѣнахъ во внѣшнемъ видѣ города: о его прославленной Пушкинымъ пыли и невылазной грязи, объ опытахъ замощенія улицъ, водоснабженіи, администраціи, общественныхъ нравахъ, увеселеніяхъ, о чумныхъ эпидеміяхъ, посѣщавшихъ городъ и пр.; кромѣ того, находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о представителяхъ церковной іерархіи, преосвященныхъ Иннокентіѣ и Дмитріѣ, о графѣ П. А. Разумовскомъ, о Пушкинѣ, Давидовѣ, Раевскомъ, о бомбардированіи Одессы и т. д. Съ особеннымъ удовольствіемъ прочли мы замѣтки А. А. Скальковскаго о свѣтлыхъ и темныхъ сторонахъ одесской жизни, которыя представляютъ собою нѣчто среднее между исторіей и мемуарами, и съ удовольствіемъ убѣдились, что маститый одесскій историкъ не порвалъ связей съ литературой. Изъ редакціоннаго примѣчанія къ его статьѣ мы узнали, что она представляетъ собою отрывокъ большой, повидимому, статьи «Шестидесятилѣтіе общественной жизни г. Одессы». Сборникъ г. де-Рибаса изданъ очень опрятно и стоитъ не дорого.

Вслѣдъ за сборникомъ г. де-Рибаса поставимъ двѣ дешевыя книжки, изданныя Кирилло-Меѳодіевскимъ книжнымъ складомъ: 1) «Біографіи де-Рибаса, Ришелье и Воронцова», составленныя проф. В. А. Яковлевымъ и 2) «Прошлое и настоящее Одессы, сост. С. Ч.» Обѣ эти книжки имѣютъ, повидимому, въ виду такъ называемую публику, и въ томъ числѣ—одесское простонародье. Первая изъ нихъ отличается большей серьезностью, но нѣсколько суше второй; вторая имѣетъ болѣе притязаній на занимательность, но кое-гдѣ тонъ ея впадаетъ въ ту развязность, которая такъ свойственна одесской прессѣ. Книжки снабжены портретами и видами Одессы.

Далѣе поставимъ изданіе И. Федорова: «Столѣтіе Одессы», также иллюстрированное рисунками, довольно грязными, впрочемъ. Оно отличается лѣтописно-статистической формой и русскими гражданскими тенденціями, которыя авторъ высказываетъ въ предисловіи и въ послѣсловіи. Въ одномъ подстрочномъ примѣчаніи въ этой книгѣ (стр. 8) мы нашли любопытный разсказъ сына очевидца о взятіи Хаджибея.

Наконецъ упомянемъ объ изданіи В. Коханскаго «Одесса за 100 лѣтъ. (Историч. очеркъ и иллюстр. путеводитель на 1894 годъ) съ 8 планами и картинами и 120 рисунками. Путеводитель, издаваемый г. Коханскимъ не первый уже годъ,—предпріятіе на американскій манеръ. Представьте себѣ изящно изданный томъ страницъ въ 700 объемомъ и стоящій 60 коп. Секретъ—въ томъ, что онъ на половину состоитъ изъ объявленій. Справочныхъ свѣдѣній масса и самыхъ обстоятельныхъ, но историческій очеркъ составленъ поспѣшно и неумѣло.

В. Я.

Д. И. Эварницкій. Иванъ Дмитріевичъ Сирко, славный кошевой атаманъ войска запорожскихъ низовыхъ козаковъ. С.-Петербургъ, 1894 г., 164 стр.

Д. И. Эварницкій давно уже посвятилъ свою дѣятельность изученію историческихъ судебъ Запорожской Сѣчи. Онъ началъ съ поѣздокъ по бывшей территоріи Запорожья для отысканія на мѣстѣ остатковъ старины, затѣмъ онъ рылся въ архивахъ и изучалъ всевозможные печатные источники, заключавшіе въ себѣ свѣдѣнія о запорожскихъ козакахъ, наконецъ, онъ изложилъ добытыя данныя въ цѣломъ рядѣ трудовъ, изъ которыхъ болѣе обширными по объему

являются: 1) Запорожье въ остаткахъ старины, 2 тома; 2) Вольности запорожскихъ козаковъ, 1 томъ съ 9 планами, и 3) Исторія запорожскихъ козаковъ, т. 1-й.

Въ новомъ трудѣ своемъ, заглавіе котораго выше выписано, г. Эварницкій поставилъ себѣ задачею по возможности подробно изложить біографію безспорно самой колоссальной личности, какая только являлась когда-либо среди Запорожцевъ,—И. Д. Сирка, съ котораго по мѣткому замѣчанію П. И. Житецкаго, Гоголь какъ будто бы писалъ портретъ Тараса Бульбы. (Кіев. Стар. т. XL, стр. 310).

Дѣятельность И. Д. Сирка совпадала съ тѣмъ самымъ тяжелымъ для Украйны временемъ, когда она, отторгнувшись отъ Польши и не успѣвъ еще слиться съ Россіей, находилась въ „шатаніи", не зная, куда ей „прихилить" свою голову, т. е. оставаться-ли ей за русскимъ царемъ, сойтись-ли снова съ польскимъ королемъ, или-же идти къ турскому султану, невѣрному царю. Онъ выступилъ на историческую сцену въ 1654 г., какъ одинъ изъ полковниковъ, недовольныхъ рѣшеніемъ Переяславской рады, и до самой смерти своей 1 августа 1680 г. былъ самымъ талантливымъ выразителемъ нуждъ, желаній и настроеній запорожскаго товарищества. Восемь лѣтъ подъ рядъ выбирали его запорожцы кошевымъ атаманомъ и хотя очень часто лишали его этого званія, но потомъ снова обращались къ нему, какъ „притоманныя дѣти къ могучему орлу". Онъ принималъ участіе въ безчисленномъ множествѣ мелкихъ стычекъ, и почти всегда побѣда склонялась на его сторону.

Дѣятельность И. Д. Сирка даетъ г. Эварницкому основаніе считать его типичнѣйшимъ воплощеніемъ запорожскаго идеала за все время историческаго существованія Сѣчи. Характеристика Сирка очень удалась г. Эварницкому. „И по характеру, и по всѣмъ своимъ дѣйствіямъ", говоритъ онъ, „Сирко представлялъ собою типъ истаго запорожца. Онъ былъ храбръ, отваженъ, страстенъ, не всегда постояненъ, не всегда вѣренъ своимъ союзникамъ; онъ любилъ по временамъ погулять и въ хмѣлю показать свой козацкій задоръ; онъ склоненъ былъ минутно увлечься новою мыслью, новымъ предпріятіемъ, чтобы потомъ отказаться отъ собственной затѣи и придти къ совершенно противоположному рѣшенію. То онъ былъ на сторонѣ московскаго царя, то на сторонѣ польскаго короля, то онъ поддерживалъ Дорошенка, то становился на сторонѣ его враговъ, Суховія и Ханенка, то выступалъ противъ послѣднихъ двухъ и снова защищалъ Дорошенка, то помогалъ онъ русскому царю противъ турец-

каго султана и крымскаго хана, то шелъ противъ царя Іоанна заодно съ султаномъ и крымскимъ ханомъ. „Нужда законъ зминяе“—часто говорилъ Сирко, и, очевидно, дѣйствовалъ сообразно своей любимой пословицѣ“. (Стр. 8).

И. Д. Сирко былъ уроженцемъ Харьковщины, изъ слободы Мерефы въ нынѣшнемъ Харьковскомъ уѣздѣ. На родинѣ въ Мерефѣ у него были дома, мельница и другое имущество. Была у него въ Мерефѣ и семья, изъ членовъ которой документально извѣстны: жена Софья, два затя, Иванъ Сербинъ и Иванъ Артемовъ, и сынъ. Судя по тому, что не задолго до смерти Сирко выражался о себѣ, какъ о человѣкѣ старомъ, и жаловался на плохое здоровье, можно думать, что онъ родился въ первые годы XVII-го столѣтія. Умеръ онъ, какъ замѣчено выше, 1-го августа 1680 г. въ пасѣкѣ своей Грушевкѣ невдалекѣ отъ Сѣчи. Не смотря на ту видную историческую роль, которую игралъ Сирко, достовѣрно извѣстно, что онъ былъ безграмотенъ.

Книга г. Эварницкаго написана главнымъ образомъ на основаніи Актовъ южной и западной Россіи, изданныхъ С.-Петербургской Археографической коммисіей. Только кое-какія дополнительныя свѣдѣнія заимствованы изъ малороссійскихъ лѣтописей и польскихъ мемуаровъ. Въ концѣ книги перепечатаны: дума о вдовѣ Сирчихѣ и пѣсня о Романѣ Сиркѣ изъ «Кіевской Старины» (т. 40, стр. 309—312, ст. П. И. Житецкаго «Старинная запись народныхъ малорусскихъ думъ»), пѣсня объ Иванѣ Сиркѣ изъ труда «Запорожье въ остаткахъ старины» самого автора; кромѣ того, приложены нѣкоторые архивные матеріалы; къ сожалѣнію ни при одномъ изъ нихъ не указано, откуда онъ заимствованъ: изъ печатнаго-ли изданія, или непосредственно изъ архива. Въ ряду матеріаловъ подъ № II помѣщенъ переводъ отрывковъ изъ лѣтописи Іоакима Ерлича, въ которыхъ встрѣчаются нѣкоторыя свѣдѣнія о Сиркѣ. Трудно понять, для чего понадобилось автору помѣщеніе этихъ отрывковъ.

Новый трудъ г. Эварницкаго изложенъ очень литературно и читается съ интересомъ, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ описываются такія выдающіяся событія сѣчевой жизни, какъ появленіе въ Сѣчи самозванца—царевича Симеона Алексѣевича или избіеніе 13.500 янычаръ, забравшихся въ Сѣчь на рождественскихъ праздникахъ 1675 г. Жизненная дѣятельность самого героя біографіи, какъ исключительно боевая, черезчуръ однообразна, чтобы приковать вниманіе современнаго читателя.

А. С—о.

Отчетъ Имп. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей за 1893 г. Одесса. 1894.

Старѣйшее въ Россіи Одесское Общество Исторіи и Древностей имѣло въ отчетномъ году 6 засѣданій, на которыхъ было сдѣлано 8 научныхъ докладовъ. Получивъ недавно добавку къ правительственной субсидіи, оно оживило свою издательскую дѣятельность и получило возможность производить археологическія раскопки. Весьма понятно, что при выборѣ мѣста для раскопокъ, Общество остановило свое вниманіе прежде всего на злополучной Ольвіи, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ остающейся больнымъ мѣстомъ русской археологіи. Весною отчетнаго года избранная Обществомъ коммиссія совершила экскурсію въ с. Парутино (близъ котораго находятся остатки гор. Ольвіи), но, по независящимъ отъ нея причинамъ, раскопокъ тамъ произвести не могла; обозрѣвъ остатки сохранившихся въ Парутинѣ земляныхъ насыпей, она представила докладъ о мѣрахъ для сохраненія ольвійскихъ древностей и о необходимости научнаго ихъ изслѣдованія; сущность этого доклада была доложена на виленскомъ археологическомъ съѣздѣ; остается пожелать, чтобы выставленныя въ немъ desiderata дождались своего осуществленія. Воспользовавшись во время своей поѣздки приглашеніемъ члена Общества Г. Л. Скадовского, помянутая коммиссія приняла участіе въ раскопкѣ кургана въ имѣніи г. Скадовскаго, м. Бѣлозеркѣ. Протоколъ раскопки съ замѣчаніями названнаго лица напечатанъ въ томъ же отчетѣ. Раскопанный курганъ по своему содержимому оказался очень бѣднымъ; погребенія, открытыя въ немъ, характеризовались такъ называемымъ утробнымъ положеніемъ скелетовъ и красной окраской костей, т. е. принадлежали къ типу, давно извѣстному археологамъ въ разныхъ мѣстахъ южной Россіи; самъ г. Скадовскій находилъ подобныя погребенія и раньше близъ Бѣлозерки, о чемъ и докладывалъ на Московскомъ археологическомъ съѣздѣ. Дневникъ раскопки составленъ очень тщательно.

Для содѣйствія ученымъ цѣлямъ Общество располагаетъ тремя преміями: 1) преміей Д. М. Княжевича за выдающійся ученый историко-археологическій трудъ по вопросамъ, касающимся юга Россіи (первый срокъ наступаетъ 14 ноября 1894 г.), 2) преміей одесской городской думы за сочиненіе по археологіи и исторіи новороссійскаго края и 3) преміей А. Л. Бертье де-Лагарда за историко-археологическій трудъ о новороссійскомъ краѣ и въ особенности о Крымѣ.

Изъ пожертвованій въ отчетномъ году обращаютъ на себя вниманіе численностью вещей и ихъ научнымъ интересомъ пожертвованія Импер. археол. коммиссіи (древности, найденныя гр. А. А. Бобринскимъ при раскопкахъ въ Керчи) и почетнаго члена Общества А. Л. Бертье де-Лагарда, состоящее преимущественно изъ ольвійскихъ древностей.

Въ вѣдѣніи общества находятся музеи Одесскій, Ѳеодосійскій и Керченскій (въ Мелекъ-Чесменскомъ курганѣ). Въ отчетѣ помѣщены свѣдѣнія о ихъ состояніи въ отчетномъ году. На заглавномъ листѣ отчета, по заведенному ранѣе обычаю, дано изображеніе одной древней монеты, неизданной доселѣ. **В. Я.**

О разрѣшительныхъ грамотахъ восточныхъ патріарховъ. Н. П. Лихачева. Москва. 1893.

Индульгенціи принято обыкновенно считать почти исключительно достояніемъ западной католической церкви. Изслѣдованіе г. Лихачева, заглавіе котораго мы привели, доказываетъ, что восточные патріархи тоже прибѣгали, да, кажется, и теперь еще прибѣгаютъ къ такого же рода способамъ отпущенія грѣховъ. Г. Лихачевъ напечаталъ такого рода разрѣшительную грамоту и собралъ не мало данныхъ о продажѣ ихъ патріархами въ древней Руси. Изъ челобитной константинопольскаго патріарха Аѳанасія можно видѣть, что большой сбытъ имѣли его индульгенціи въ Малороссіи, особенно среди запорожскихъ козаковъ, считавшихъ для себя необходимымъ запастись разрѣшеніями отъ грѣховъ. Къ сожалѣнію, г. Лихачевъ мало остановился на вопросѣ о распространенности индульгенцій въ юго-западномъ краѣ и объ отношеніи къ нимъ мѣстнаго населенія, хотя нѣкоторыя данныя для этого есть. Козаки и вообще низшіе классы народа вѣрили въ индульгенціи, но люди болѣе или менѣе образованные возмущались этимъ промысломъ. «Нечего сказать, пишетъ Ипатій Поцѣй, хорошую память оставилъ по себѣ въ нашихъ краяхъ Гавріилъ, патріархъ охридскій, который, подобно торговцу, раскладывающему въ лавкѣ свои товары, торговалъ здѣсь разными святыми вещами и продавалъ *разрѣшенія на грѣхи*: великое разрѣшеніе по талеру, среднее по полъ-талера, а меньшее по шести грошей» (А. Ю. и Зап. Рос., т. I, № 224).

Извѣстный Саковичъ въ своей «Перспективѣ» тоже возмущается тѣмъ, что «сами патріархи до настоящаго времени нѣкоторымъ глупцамъ, еще при ихъ жизни, продаютъ такіе листы, съ которыми тѣ

и приказываютъ себя погребать» (Арх. Ю.-Зап. Рос., т. IX, ч. I, стр. 41). Продажа такого рода разрѣшительныхъ грамотъ и другіе поступки наѣзжавшаго въ Россію восточнаго духовенства были причиной того, что представители южно-русской церкви, видѣвшіе нестроенія у себя дома, обратились для исправленія этихъ нестроеній къ уніи не съ восточной, потерявшей всякій авторитетъ, церковью, а съ римской.

В. Б.

Учебный атласъ по русской исторіи. Составилъ баронъ Н. Н. Торнау. Спб. 1894. Ц. 1 р.

Атласъ барона Торнау производитъ очень отрадное впечатлѣніе. Не говоря уже объ его изящной внѣшности, отчетливости шрифтовъ и ясности картъ, онъ также хорошъ и по своему внутреннему содержанію. Авторъ составлялъ его «примѣнительно къ наиболѣе распространеннымъ изъ существующихъ учебниковъ», но это не помѣшало ему воспользоваться и самыми послѣдними историческими монографіями—проф. Антоновича, Дашкевича, Грушевскаго и др. Въ результатѣ этого знакомства получилась, напримѣръ, карта № VII, гдѣ Волынь, вопреки настойчивымъ учебникамъ, показана въ числѣ завоеваній не Гедимина, а Ольгерда. Той-же Волыни посвящена отдѣльная карта (№ VI), на которой изображены владѣнія Даніила и Василька Романовичей ко времени нашествія татаръ. На картѣ № XIII очень ясно изображены пріобрѣтенія царя Алексѣя Михайловича, не менѣе хорошо на картѣ № XX представлены раздѣлы Польши. Тщательность, съ которой составленъ настоящій атласъ на основаніи послѣднихъ историческихъ изслѣдованій, дѣлаетъ его несомнѣнно очень цѣннымъ пособіемъ при изученіи русской исторіи.

W.

Тридцатилѣтіе Керченской Александровской гимназіи. Краткая историческая записка, составленная преподавателемъ исторіи Хр. Хр. Зенкевичемъ. Керчь. 1894.

По поводу 30-лѣтія всякой гимназіи, даже и Керченской, конечно, можно составить гораздо болѣе обстоятельную и цѣнную историческую записку, чѣмъ та, которую составилъ г. Зенкевичъ на протяженіи какихъ-нибудь 25—26 стр. Болѣе пустой и малосодержательной книжонки намъ давно уже не случалось встрѣчать. Читатель, вѣроятно, съ трудомъ повѣритъ намъ, ежели мы скажемъ, что, наприм., хотя бы II глава «Внутренняя» жизнь гимназіи изло-

жена всего на какихъ-нибудь 12 страничкахъ, и свѣдѣнія сообщены, собственно говоря, въ самой жалкой общей формѣ! Составитель записки, преподаватель исторіи, долженъ былъ бы знать, что простой перечень нѣкоторыхъ болѣе выдающихся явленій учебно-воспитательной жизни заведенія (да и то съ пропусками: ничего, наприм., не сказано о томъ, какъ отразилось на гимназіи самое последнее преобразованіе учебныхъ плановъ и программъ министерства народнаго просвѣщенія)—еще не исторія; что, изображая прошедшія судьбы высшаго въ краѣ учебнаго заведенія — каковымъ была для Керчи и ея округа гимназія, нельзя не остановиться и на судьбахъ самого этого края, по стольку, по крайней мѣрѣ, по скольку онѣ соприкасались съ условіями прошлаго гимназіи и т. п. Краткость и бѣглость изложенія въ указываемой нами книжкѣ просто поразительны. Такое важное въ жизни заведенія и всего края обстоятельство, какъ преобразованіе гимназіи въ 1863 г. изъ бывшаго дотолѣ въ Керчи уѣзднаго училища (1828—1863 г.), изложено буквально на протяженіи одной страницы (8). Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что болѣе останавливаться на названной книжкѣ рѣшительно не стоитъ, тѣмъ болѣе, что самое содержаніе ея—исключительно панегирическаго свойства и совершенно лишено какихъ бы то ни было покушеній изложить и освѣтить предметъ сколько-нибудь всесторонне и основательно, сообразно съ его важностью.

А. С.

Журнальное Обозрѣніе за 1-ую половину 1894 года[1]).

Вѣстникъ Европы № 1—3. *Въ № 1 мъ* помѣщена статья А. Н. Пыпина подъ заглавіемъ «Новая эпоха. Изъ исторіи средневѣковой русской литературы» (стр. 246—288). Въ этой статьѣ авторъ говоритъ, что основными событіями, потрясшими политическій бытъ древней Руси, были два нашествія: татарское и литовское, при чемъ оба эти событія должны были отразиться и въ литературѣ. Что касается перваго, т. е. татарскаго нашествія, то авторъ слѣдитъ за лѣтописнымъ и другими изображеніями его въ словѣ современниковъ, останавливаясь болѣе подробно на отраженіи этого событія въ народномъ эпосѣ и, вполнѣ естественно, удѣляя наиболѣе всего мѣсто Задонщинѣ и сопоставленіямъ ея съ Словомъ о Полку Игоревѣ, а также съ отрывкомъ изъ «Слово о погибели русскія земли». О литовскомъ нашествіи г. Пыпинъ совсѣмъ не говоритъ, т. к., по его словамъ, «говоря о русской литературѣ

[1]) См. „Кіевская Старина" 1894 г. № 9.

средняго періода, надо говорить собственно о восточной Руси, которая ведетъ съ половины XIII ст. отдѣльную жизнь».

Въ № 4 мъ находится статья *Р. Яр.* подъ заглавіемъ «Всеобщее голосованіе и Русины въ Австріи» (стр. 853—857). Въ этой небольшой статьѣ авторъ характеризуетъ очень яркими красками положеніе двухъ партій въ Галиціи—народовой и радикальной—съ указаніемъ того отношенія, которое опредѣлилось у обѣихъ партій по вопросу о всеобщемъ голосованіи, стоящемъ на очереди въ Галиціи. Авторъ между прочимъ очень мрачно рисуетъ политику народовцевъ, связавшихъ себя «угодой съ польскою магнатско-клерикальной партіей».

Въ № 4 и 5 помѣщена статья *А. Пыпина* «Древняя повѣсть» (стр. 738—784; 282—328), въ которой, говоря о повѣстяхъ, шедшихъ къ намъ не изъ византійскаго, а изъ западно-европейскаго источника, авторъ, естественно, затрогиваетъ не разъ повѣсти русскія въ редакціяхъ южной и западной, чему посвящена вторая глава «Рядъ новыхъ заимствованій« (№ 5).

Русская Мысль № 1—6. *Въ № 2-мъ* въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщена замѣтка о книгѣ *П. Т. Р—кы* «Розбыта бандура» съ благопріятнымъ отзывомъ о ея содержаніи и языкѣ (стр. 58). Тамъ-же: отзывъ о книгѣ «Писання Трохима Зіньківського» Львовъ 1893 г. Т. А. Зинькивскій — уроженецъ г. Бердянска, умершій всего лишь 30-ти лѣтъ отъ роду. Біографія автора приложена къ этой книгѣ и рисуетъ въ немъ человѣка «глубоко-убѣжденнаго и послѣдовательнаго въ своихъ убѣжденіяхъ». При біографіи, какъ оказывается изъ отзыва, напечатано и письмо Т. Зинькивскаго къ А. Н. Пыпину по поводу извѣстной его статьи «Особая исторія русской литературы» (стр. 59).

Въ № 3 мъ въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщенъ краткій пересказъ содержанія небольшой брошюры, описывающей постигшія Шевченка наказанія; брошюрка эта «Чотыри кари» (въ XXXIII роковини смерти Т. Шевченка). Львовъ 1894 (стр. 123—124).

Тамъ-же — небольшая рецензія хрестоматіи малорусской литературы, составленной для 7 класса руссинскихъ гимназій «Виімки з народноі літератури українсько руськоі XIX віку. Для висших кляс шкіл середніх уложив Олександер Барвінський. Друге виданьe. Львовъ 1893 (стр. 147).

Въ № 4-мъ — въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщена замѣтка о книгѣ «Малороссійскія повѣсти, разсказанныя Грицькомъ Основьяненкомъ». *Сочин. Триг. Федор. Квитки* (стр. 181).

Въ № 5-мъ—въ библіографическомъ отдѣлѣ имѣются отзывы о слѣдующихъ книгахъ: 1) Біографическая библіотека Ф. Павленкова «Богданъ Хмельницкій» *Яковенка* (стр. 245); 2) Начальное народное образованіе въ

полтавской губерніи, сост. *Ю. Яцевичъ*, гдѣ находится очень много фактическаго и цифрового матеріала по вопросу объ участіи земства въ дѣлѣ народнаго образованія, а равно и состоянія его въ дореформенное время (стр. 252—254); 3) Кустари-кожевники Полтавской губ. *Д-ра Святловскаго*, гдѣ излагается санитарное значеніе кожевеннаго производства, его техника и мѣры къ его улучшенію (стр. 254—255).

Сѣверный Вѣстникъ № 1—6. *Въ № 1 мъ* въ статьѣ «Записки А. О. Смирновой» между прочимъ разсказывается о чтеніи Гоголемъ своего «Тараса Бульбы» въ присутствіи Пушкина, Жуковскаго, Плетнева, Мятлева и Вяземскаго. При этомъ А. О. Смирнова заранѣе заявила Гоголю, что, разговоры слѣдуетъ читать по-малороссійски, съ удареніями, присущими родинѣ Тараса». По поводу прочитаннаго Тараса говорилъ много Пушкинъ, проектируя, какую можно было-бы устроить драму изъ этого сюжета (стр. 230—239).

Тутъ же помѣщенъ некрологъ Н. С. Тихонравова, гдѣ особенно подчеркивается заслуга его, какъ издателя сочиненій Гоголя.

Въ № 2-мъ помѣщенъ переводъ изъ малорусскаго разсказа *И. Франка* «Какъ Грыць учился грамотѣ. Изъ Галицкой жизни» (стр. 82—88).

Тамъ-же, въ отдѣлѣ «Изъ жизни и литературы» помѣщена краткая біографія этого галицкаго литератора и публициста (стр. 92—93).

Въ № 6-мъ, въ «Запискахъ А. О. Смирновой» нѣсколько прекрасныхъ страничекъ посвящены Гоголю, котораго вездѣ именуетъ авторъ *хохолъ*, и чтенію имъ отрывковъ изъ «Мертвыхъ душъ», «Ревизора» и повѣсти «Шинель»; особенно любопытны страницы о подготовкѣ «Ревизора» къ постановкѣ на сценѣ (стр. 200—205). *Въ отдѣлѣ библіографіи* помѣщены слѣдующія краткія рецензіи о книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) О сочиненіяхъ *Квитки Основьяненка* (№ 3, стр. 86); 2) *И И. Шостакъ* «Начальное народное образованіе въ Кролевецкомъ земствѣ» (№ 3, стр. 95); 3) *О. Левицкій* «Пятидесятилѣтіе Кіевской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. Историческая записка о ея дѣятельности» (№ 5, стр. 81); 4) *П. Тутковскій* «Юго-Западный край, популярные естественно-историческіе и географическіе очерки» (№ 5, стр. 83); 5) *Квитка-Основьяненко* «Панна Сотниковна». Истинное происшествіе (№ 6, стр. 50); 6) *Р. В. Зотовъ* «О черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику и о Черниговскомъ княжествѣ въ татарское время» (№ 4, стр. 49); 7) *В. В. Святловскій* «Кустари-кожевники Полтавской губерніи» (№ 4, стр. 51). Н.

отдѣльному дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу, прилагаютъ кромѣ того и стоимость отвѣтной телеграммы. Наблюденіе за ходомъ дѣла, какъ составляющаго предметъ особаго порученія болѣе или менѣе продолжительнаго, производится на условіяхъ особаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 2. Всѣ другія справки и порученія по всѣмъ вообще правительственнымъ, административнымъ и судебнымъ (центральнымъ и мѣстнымъ), общественнымъ, сословнымъ и частнымъ учрежденіямъ производятся не иначе, какъ на условіяхъ предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 3. Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 4. Лица и учрежденія, обращающіяся къ намъ за справками, обязаны сообщить: а) бандероль, за которою получаютъ „Юридическую Газету"; б) когда и кѣмъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностнаго лица, и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ или должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ Сенатъ или другое правительственное учрежденіе.

§ 5. Контора редакціи „Юридической Газеты" также принимаетъ на себя и указаніе повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

Ученыя Записки

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

НА 1895 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

ДНЕВНИКЪ

ГЕНЕРАЛЬНАГО ПОДСКАРБІЯ

ЯКОВА МАРКОВИЧА.

(1717—1767 г.г.).

Изданіе „Кіевской Старины",

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ АЛ. ЛАЗАРЕВСКАГО

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(1726—1729 г.г.).

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.

1895.

Предисловіе.

Вторая часть „Дневника“ заключаетъ въ себѣ четыре (1726—1729) года.—Весь 1726-й годъ занятъ свѣдѣніями о томъ Сулацкомъ походѣ, въ который Марковичъ отправился въ маѣ 1725 г. и изъ котораго вернулся въ мартѣ 1727 г.—Поживъ дома до декабря этого года, Марковичъ отправился въ Москву, помогать отцу—защищаться противъ жалобъ лубенскихъ полчанъ и нападокъ новопоставленнаго гетмана Апостола. Въ Москвѣ Марковичъ прожилъ почти полтора года, до іюня 1729 г., записавъ за это время въ свой дневникъ немало любопытныхъ чертъ—какъ малороссіяне умѣли подходить къ сильнымъ міра въ столицѣ, добиваясь тѣхъ или другихъ своихъ цѣлей. Заканчивается эта часть „Дневника“ свѣдѣніями о смерти гетманши Скоропадской и ея похоронахъ.

Вторая часть „Дневника“ напечатана, какъ и первая, безъ какихъ либо сокращеній въ текстѣ самаго памятника; но мы исключили здѣсь всѣ тѣ переводные отрывки изъ разныхъ авторовъ, которыми Марковичъ началъ наполнять свой дневникъ съ осени 1728 г., скучая однообразіемъ своей жизни въ Москвѣ [1]).

---

[1]) См. въ текстѣ, стр. 251—257.

Издаваемые здѣсь четыре года „Дневника“ напечатаны въ изданіи 1859 г.—на 12-ти листахъ, разгонистой печати, (стр. 142—339 первой части), тогда какъ въ нашемъ изданіи они занимаютъ около 22-хъ листовъ; отсюда видно, какія большія сдѣланы были сокращенія и за эти годы въ первомъ изданіи.

9 сентября, 1894 г. Ал. Лазаревскій.

хоромахъ тихъ, що надъ воду, въ правой сторонѣ, свѣтлиця обернена на церковъ и посвящена, и служба Божая отправлялася протопо(по)ю отцемъ Никифоромъ и отцемъ Якимомъ. Ездилемъ у вечеру до панеи и оттуду позно повернулемся.

Пятокъ. 5. Сей день былъ дожчеватий и ночъ, а передъ свѣтомъ примерзло мало. Войтъ сварковскій, пріехавши, доносилъ, что гайдукъ Іванъ взялъ зъ села 10 подводъ сварковскихъ и козака сварковского жъ въ приставя по дрова до двору ясневел. Зъ Крисіокъ, отъ господара, получилемъ вѣдомость збору годового денежного зъ селянъ 95 р. 60 сор., да что на село Криски наложено порцѣй 8, рацѣй полъ 8.

Субота. 6. Сей день былъ сухій зъ малимъ морозцемъ, а ночъ холоднѣйшая, суха. Обѣдалиемо у князя, затимъ что синъ его Николай именинникъ, и упіяхомся. Полковника Миргородского п. Павла жена поехала къ нему отсюду въ Москву, черезъ которого тіотка и я писали до сестри Уляни Івановни Іа, Іа. (?) Позичилемъ швакгрови своему п. Якову Полуботку 30 р.

Неделя. 7. Сей день былъ зъ ранку тихъ и сухъ, и холоденъ, а съ полудня и до полночи дожчъ велий. Швакгеръ п. Яковъ Полуботокъ, бувши у мене сегодня рано, обѣщалъ скупить намъ Ерофѣя дворъ, который имѣетъ въ селѣ Крискахъ, а самъ отехалъ въ Чернѣговъ. Обѣдалемъ у себе зъ родителемъ; по обѣдѣ былъ у насъ Лярскій. Подаровалиемо швакгру п. Якову Полуботку перстень шафѣровий, блакитний, чистий, болший 150 р. (?)

Понеделокъ. 8. Сей день зъ ранку мокрий и снѣжный, и дожчеватий, и до вечора, а въ ночѣ до полночи билъ вѣтеръ великий, а зъ полночи до свѣта морозъ силний. Обѣдалиемо у себе. У князя былемъ рано. Подписалемся на картѣ Свѣдерского, стар. Оболонского, данной князю во свѣдителство позиченнихъ швакгромъ для Лярского грошамъ 255 р.— Мощанскій зъ Сумъ пріехалъ и обявилъ, что полковница бившая дѣтей покойного брата п. Андрія не дала, и всѣ ихъ пожитки зъ Будокъ къ себѣ въ Суми забрала.

Вовтор. 9. Сей день холодний и сухий, и ночъ такъ же. Обѣдалиемо у тіотки. Мощанскій отправленъ въ Роменъ зъ листами.

Середа 10. Сей день былъ холодний и сухий до вечора, а у вечеру и въ ночѣ снѣгъ ишолъ хороший, якого передъ тимъ такъ много не ишло еще. Мѣрочникъ зъ Тулиголовъ пріехалъ затимъ, что греблю верхнюю порвало. Билемъ у судѣ енер., где Лаврѣнъ Кодинецъ оправданіе говорилъ, и по обѣдѣ, при братови моемъ п. Марку, окончилъ. Получилемъ писмо отъ консистористовъ кіевскихъ о денгахъ Ѳорки, леґованнихъ. Окна, чили стекла, въ окна уклеіовалъ салдатъ, а мастю такою: взялъ крейди часть да пилу отъ муки въ млинѣ часть, а до того купилъ за гривню нашатиру да скопитару, чили шпѣкинару, за 4 копѣйки, да олѣею тое розвелъ и смѣсилъ, якъ тѣсто, чимъ обмазалъ шкло. Писалисмо писма отъ тіотки и отъ себе до сестри и до Александра, через посланного куріера отъ князя, капрала Шликова, и волочокъ къ сестрѣ оловяний водки далемъ рожевой. Иначей мазь дѣлають: минѣи да блейвасу по фунту, олѣи кварту да крейди у двое или у трое болшъ, змѣшавши умазать стекла.

Четвер. 11. Сей день былъ до полудня сухъ, а снѣгъ черезъ ночъ доволний найшолъ, а по обѣдѣ теплѣйшій сталъ съ туманомъ. Былемъ у судѣ енер., где Мартинъ Кодинецъ оправданіе началъ говорить черезъ писара своего. Ездилемъ до тіотки ясневелможной захоровавшей, после зубъ, на колку и фебру. Жена взяла на покупку овса 100 р.

Пятокъ. 12. Сей день былъ холодний зъ метелицею снѣжною и ночъ вѣтряная. Передъ свѣтомъ асаули бывшого енералного Василія Жуковского жена умерла. Подводъ для здешней работи зъ Крисіокъ тамошнихъ прійшло 10. Скридловскій повернулся зъ Москви и привезлъ мнѣ отъ Александра чаю фунтъ за 3 р, да писма попривозилъ отъ сестри и Петра Васил. Курбатова. Окончилъ писаръ Мартина Кодинца оправданіе.

Субота. 13. Сей день былъ холодній барзо, а ночъ еще холоднѣйшая и свѣтлая. Преставлшуюся асаулину Марію погребено при церквѣ ст. Михаила. Алексѣй, слуга, посланъ въ Сухоносовку на мѣсто Демяна, черезъ которого послалемъ до родителки, такъ же и до Несторовича о покупкѣ воловъ, на якіе послалемъ теперъ же

къ нему жъ 50 р., и до Демяна о прибытіи его сюда и протчемъ, противъ приказовъ данныхъ ему Демяну и Петру Кухару, передомъ посланнимъ. Ему жъ, Алексѣю, далемъ сукно карунъ и 3 р. Былемъ у тіотки и у Новоторжцова. Важили мѣдь невипаліованую и ломъ, привезенную зъ Демяномъ и зъ Михайломъ, которой показалось пудовъ 3 безъ фунта, а въ куманахъ цѣлихъ 2-хъ, подносѣ и лопатцѣ мѣдныхъ, фунт. 19.

Неделя. 14. Сей день былъ холодний и ночъ мало отлигла, а были свѣтліе. У тіотки немоществующой былемъ, а у вечеру къ себѣ пріехалемъ пообѣдать, а потимъ знову у вечеру поехалемъ, и до позна пробавилемъ.

Понеделокъ. 15. Сей день трохи отъ прежнихъ теплѣйшій, а въ ночъ снѣжокъ ишолъ. П. Петро Апостолъ пріехалъ въ Глуховъ. Купили 6 куѳъ гор., по 6 и 7 р.

Вовтор. 16. День сей былъ холодній зъ снѣгомъ и ночъ болше студена. Панѣ болше болна становится, отъ которой въ домъ передъ полноччю повернулемся.

Середа. 17. Сей день холодній былъ, а ночъ теплѣйшая, толко вѣтеръ жестокій. Тіотка немоществующая приняла маслоеватіе, исповѣдь и причастіе ст. тайнъ. Духовний былъ отецъ Никифоръ свято-михайловскій попъ и намѣстникъ.

Четвер. 18. Сей день былъ мало теплѣйшій прежняго и ночъ. Тіотка що разъ горше стала болѣть, а въ ночѣ на збитъ изнемогла и отъ полночѣ мокрота стала умножатись въ горлѣ, а она забиватись временемъ. Кузмичъ (?) въ Москву поехалъ.

Пятокъ. 19. Сей день былъ прежнихъ теплѣйшій трохи и ночъ такъже. Тіотка моя Анастасія Скоропадская, гетманова, сего ранку, год. съ полночи 7 мѣнутъ 40, временное сіе окончила житіе; болѣзнь была горячка, толко при христіянской доброй рефлекцѣи, ибо предъ кончиною Господа Бога отъ сердца своего призивала и наконецъ сказала: о проклятая временная жизнь, о вѣчная моя радости. Мы съ п. Михайломъ імбаръ запечатали, скринѣ зъ денгами и матеріями.

Субота. 20. Сей день такъже былъ мало теплѣйшій отъ прежнихъ холоднихъ и ночъ. Передъ службою Божою панахиду преставлшойся тіотцѣ отправили, и обѣдали духавенство все и зъ женъ- панѣ гетманова и наши жени. У вечеру былемъ у князя, который показивалъ обявленіе о бывшомъ публѣчномъ обрученіи его импер. в—ва зъ свѣтлѣйшею принцессою Екатериною Алексѣевною, дочерю князь Алексѣя Григоріевича Долгорукова, 30-го ноеврія.

Неделя. 21. Сей день и ночь противъ прежнихъ были средніе. Сегодня рано, по службѣ, покойной тіотки ясневелможной тѣло въ труну вложили, чорнимъ аксамитомъ зъ золотимъ пузаментомъ оббитую, и подъ балдахиномъ зъ чорного сукна здѣланномъ, цугомъ лошадой, въ капахъ чорнихъ, попровадили публѣчно черезъ городъ, при якой церемонѣи присутствовали: гетманъ зъ гетмановою, князь Шаховскій зъ княгинею и множайшіе зъ великороссійскихъ и малороссійскихъ знатнихъ лицъ и народъ, а випроводивши за городъ, къ Четвертенского млину недоходя, вернулись. А мы поехали за тѣломъ, и пріехали въ ночномъ времени къ монастиру Гамалѣевскому, где всѣ старици зъ свѣчами вийшли противъ тѣла зъ плачемъ и воплемъ незмѣрнимъ, а тамъ такъ совокупившись, увезли тѣло въ монастиръ и поставили въ трапезу, где усмотрѣли, что на правой сторонѣ, на бородѣ, красно велми, такожъ и уха правого нижний кончикъ очкнъ красенъ и уши мягки, а лице не отмѣнно нѣ въ чемъ, якуюсь вдячность и осклабѣніе яко бы показуючое. Тутъ панихиду великую у вечеру отправили.

Понедолокъ. 22. Сей день противъ прежнихъ былъ, въ ночѣ мало снѣжокъ ишолъ. Продновалисмо тутъ въ монастирѣ, службу Божую служил: протопопъ глуховской зъ попами его жъ протопопіи, и обѣдали; при обѣдѣ пріехали законники мутинскіе. Родителка зъ Ромна пріехала сюда въ Гамалѣевку.

Вовтор. 23. Сей день противъ другихъ былъ, а ночъ зъ жестокимъ морозомъ и випогодилася. Сегодня по службѣ и по панахидѣ перекусивши, отехали и пріехали въ Глух. Попечатали що надлежитъ и намѣстницу утвердили.

Середа. 24. Сей день былъ холодний очинъ и ночъ такъже. Бокъ, докторъ, жиючій въ Стародубѣ, сюда зисканний оттоль для болѣзни покойной тіотки, сказивалъ, что она умерла отъ горячки, которую називалъ febris petechialis. Писалисмо писмо до сестри Уляни Івановни въ Москву, черезъ почту, именемъ покойной тіотки, о слабости ея и для тогобъ пріезду оной сестри сюда. Демянъ пріехалъ зъ Петромъ, кухаремъ, и дали вѣдомость привозу сюда: гусей 390, утятъ 214, курей 296, индиковъ 47, масла фасокъ 9, сира дѣжка 1, соли бочка 1, овощи сушеной мѣхъ, плахотъ 6, запасокъ 9.

Четвер. Рождество Х-во. 25. Сей день былъ холодний до половини, а съ полдня отлигло до вечора, ночъ была велми холодна. Былисмо зъ поздравленіемъ у князя и у гетмана, обѣдали у себе, и съ нами п. судіиная сестра, Кондзеровскій зъ женою, Гапко Глинскій, Бутурлимъ и отецъ Василій. По обѣдѣ былъ Бокъ и Лука.

Пятокъ. 26. Сей день былъ мало отлигъ и снѣжокъ невеликій ишолъ, а после полудня и ночъ вся была жестоко холодна. Былемъ рано у князя, обѣдалемъ у себе, а род. у князя, у вечеру ездилемъ зъ п. Михайломъ на пастовникъ. По общому совѣту, прислалъ п. Кондзеровскій 4 сундучка, а пятий ящикъ, зъ межи якихъ 3 своихъ, а 2 сестриныхъ зъ писмами, а прислалъ черезъ своихъ Василця да Лоска.

Субота. 27. Сей день былъ жестоко холоденъ и свѣтелъ и ночъ такъ же. Іллю Ржевского, пріехавшого зъ своихъ деревень сюда, видѣлъ я. Девятини по покойницѣ тіотцѣ моей отправлялись и попи обѣдали.

Неделя. 28. Сей день жестоко холоденъ былъ и ночъ. Сегодня, по общому совѣту и приговору, п. Михайло братъ, сотникъ Глуховскій Омеляновичъ, Кондзеровскій и я, ходилисмо въ склепъ и взяли грошей 2000 р., а 10000 р. и 3 мѣшки чеховъ болшихъ осталось. Родитель обѣдалъ у Мякинина, а я дома; у вечеру ездилисмо до брегадира. Зъ п. Кондзеровскимъ писали—що на якій монастиръ, за душу покойной ясневелможной тіотки, опредѣлить и вийшло 1410 р.

Понеделокъ. 29. Сей день былъ мало отъ вчорайшого и другихъ теплѣйшій, и ночь такъ же. Братъ п. Семенъ пріехалъ, а обѣдалисмо зъ Миклашевскимъ, и панею его также, и прочіими. По обѣдѣ зискани щетчики, которіе перелѣчили тисячу руб. на поминовеніе за душу покойной тіотки и листи писали.

Вовтор. 30. Сей день подобний вчорайшому весма и ночъ. Обѣдалисмо у брегадира, гетманъ, князь и протчіе, а я у вечеру на пасговникъ ездилемъ. Окончилисмо писма до духовенства и денги щетчики перелѣчили, писемъ было 52, а мѣшковъ 54, зъ которихъ нѣкоторіе писма зъ мѣшками, до монастирей около Березной найдуючихся, взялъ братъ п. Михайло и Семенови своему отдалъ, до отдачи на молитви за упокоеніе покойной тіотушки моей ясневелможной. Юско посланъ въ Москву до сестри и далемъ ему на дорогу 5 р.

Середа. 31. Сей день былъ подобний вчорайшому, а ночъ была велми вѣтрена. Сегодня принималемъ лѣкарство проносное, каплѣ отъ тинктури 100, а имѣлемъ столцовъ зъ 16, и разъ вомѣтовалъ.

Конецъ второй части.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровозрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

Вышли и продаются въ книжныхъ магазинахъ въ гг. Кіевѣ, Харьковѣ и Черниговѣ:

---

1. **Чайченко.** Батько та дочка.—Оповидання про те, якъ чоловикови въ шахти прыгода трапылася. Черныг. 1894. Ц. 5 коп.
2. **Чайченко.** Пидпалъ.—Панько.—Два оповидання.—Черныг. 1894. Ц. 3 коп.
3. **Чайченко.** Робинзонъ. Оповидання про те, якъ чоловикъ по чужыхъ краяхъ мандрувавъ и якъ винъ на острови жывъ. Черныг. 1894. Ц. 10 коп.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

4. **Жыви струны.** Збирныкъ народнихъ писень.

ВЪ РЕДАКЦІИ

„КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ.

	Руб	Коп.
1) Первые четыре года ссылки Шевченка **Проф. Н. И. Стороженка**. Цѣна.	—	15
2) Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по Магдебургскому праву **И. Каманина**. Цѣна.	—	50
3) Аврамъ Езефовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, Членъ Рады Великаго княжества Литовскаго. (Отрывокъ изъ исторіи внутреннихъ отношеній Литвы въ началѣ XVI в.). **Проф. С. А. Бершадскаго**. Цѣна.	—	75
4) Дневникъ генеральнаго подскарбія **Якова Марковича** (1717—1767 гг.). Изданіе „Кіевской Старины“ подъ редакціей **А. М. Лазаревскаго**. Часть I. (1718—1725). Цѣна.	2	—
5) **Тоже**. Часть II (1726—1729). Цѣна	2	—
6) Обзоръ фонетическихъ особенностей Малорус. рѣчи. **В. П. Науменка**. Ц.	—	60
7) Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Г. Ѳ. Квитки. **В. П. Науменка**. Ц.	—	45
8) Къ пятидесятилѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго. **В. П. Науменка**. Цѣна.	—	20
9) **А. Андріевскій**. Историческіе матеріалы. Изъ архива Кіевск. Губ. Правленія. Вып. 2—10 (перваго выпуска въ продажѣ нѣтъ). Цѣна за каждый выпускъ.	—	50
Выписывающіе разомъ всѣ 9 выпусковъ уплачиваютъ 4 рубля и пользуются безплатной пересылкой.		
10) **А—ръ**. Г. Ф. Квитка (Основьяненко), біографическій Очеркъ. Цѣна.	—	15
11) **И. Лучицкій**. Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в. Цѣна. . . .	2	—
12) Рабство и русскіе рабы во Флоренціи. **И. Лучицкаго**. Цѣна. . . .	—	50
13) **Его-же**. По поводу дрогичинскихъ древностей. Къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ с.-з. и южной Русью. Цѣна.	—	50
14) **Его-же**. Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Италіи Ц.	—	50
15) **Его-же**. Очерки по экономической исторіи Европы. Вып. I. Населенность городовъ XIV и XV в. Цѣна.	—	50
Вып. II. Рабочее населеніе и экономическая политика городовъ въ XV и XVI вв. Цѣна.	—	50
16) **Описаніе Старой Малороссіи**. Матеріалы для исторіи землевладѣнія и управленія. Ал. Лазаревскаго. **Томъ первый. Полкъ стародубскій.** Кіевъ. 1889. Цѣна съ пересылкою.	3	—
17) **Тоже. Томъ второй. Полкъ Нѣжинскій.** Кіевъ 1893. Цѣна съ пересылкою	3	50
18). Библіографическій указатель Кіевской Старины (первое десятилѣтіе 1882—1891 г. г.) Цѣна.	—	75
19) Наказы Малороссійскимъ депутатамъ 1767 г. и акты о выборахъ депутатовъ въ комиссію сочиненія уложенія. Цѣна	1	—